

Ростки нового.
Что такое СТК?

Денис Давыдов.
Силуэты

Хозрасчет в вузе.
Точка зрения

**«Вечер, а за ним
утро».**

Рассказ Г. Белля

Письма читателей

«Еще не вечер».

Повесть

Н. Леонова

«Черный кофе».

Грани

популярности

10

ВНЕШНЯЯ

ISSN 0131-6656

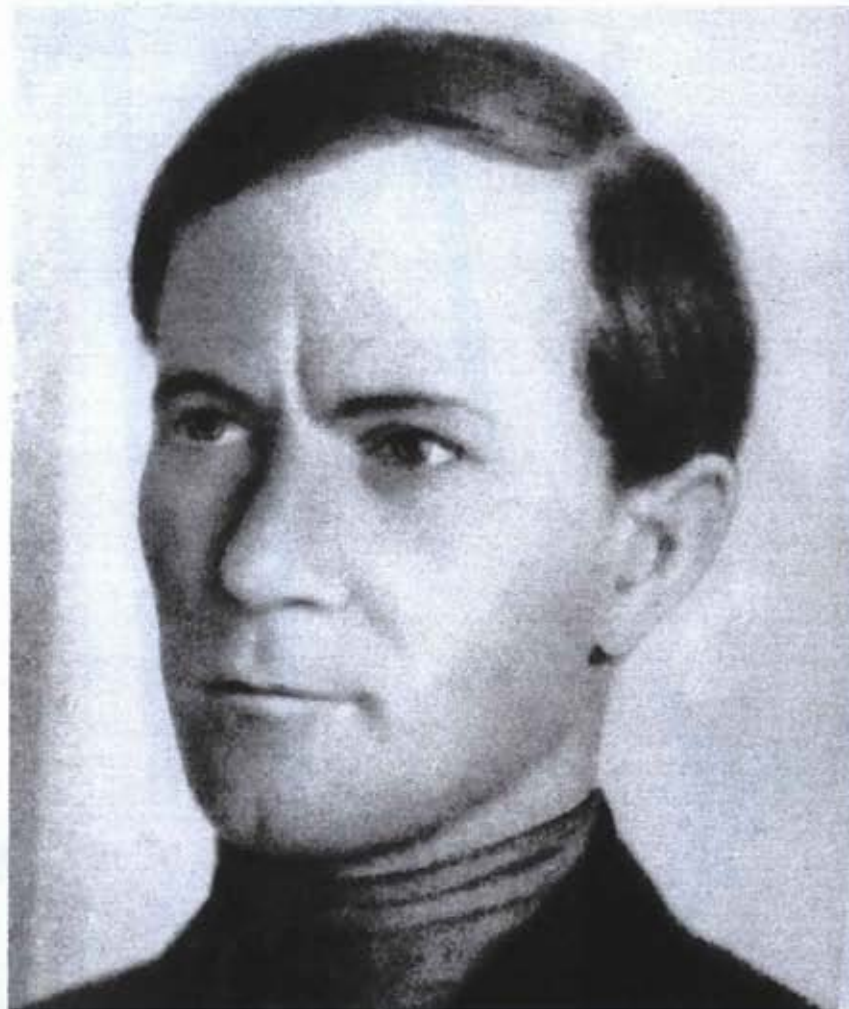

ГРАНИЦА: ТРУДНЫЕ БУДНИ
(ЧИТАЙТЕ СТР. 11-13)
Фот. Сергей ВЕТРОВА

Виктор ДОЛГОВ,
Валентина ХОРЕВА,
кандидаты исторических наук

ВЕРОЙ И

«Если бы меня спросили, кто был самой яркой, колоритной, выдающейся пролетарской фигурой в комсомольском движении, я бы, не задумываясь, ответил: петроградский рабочий-большевик Петр Смородин, всегда и во всем верный сын партии, подлинный вожак трудовой молодежи...» Так скажет о нем Александр Мильчаков, генеральный секретарь ЦК комсомола 1928—1929 годов.

...В 1911 году из Воронежской губернии в Санкт-Петербург Анна Петровна Смородина привезла своего 14-летнего сына. Петра определили на инструментальный завод учеником слесаря — при хозяйских харчах, с койкой в общежитии, с оплатой по восемь копеек за смену.

Трудно сказать, как сложилась бы жизнь Петра, если бы случай не свел его с заводскими большевиками. Вскоре он стал выполнять их поручения. Сбирал среди подростков деньги в фонд конфискованной большевистской газеты «Правда труда», летом 1914 года охранял свой завод во время стачки, разбрасывал по рабочим ящикам листовки с призывом «Долой войну!», а вечерами расклеивал прокламации Петербургского комитета РСДРП против войны.

В канун Октябрьской революции Смородин был избран председателем Союза социалистической рабочей молодежи на Петроградской стороне.

В то время в городе были созданы пролетарские юношеские организации, молодежное движение стало значительной политической силой, а вот в руководстве Петроградской городской юношеской организации оказались

представители мелкобуржуазных партий, навязавшие ей имя «Труд и Свет». Еще в мае 1917 года руководители «Труда и Света» выпустили листовку, в которой они, прикрываясь фразами о свободе и братстве, провозгласили буржуазный принцип «беспартийности».

Вместе с Васей Алексеевым, Лизой Пылаевой, Оскаром Рывкиным Петр активно участвовал в создании Петроградского социалистического Союза рабочей молодежи, боролся за то, чтобы вывести молодых рабочих из-под влияния руководителей «Труда и Света». Уже в августе 1917 года во многих районах города, в том числе на Петроградской стороне у Смородина, райкомы были переизбраны. Вскоре он стал комиссаром ВРК по ликвидации саботажа, членом районного Совета, тесно связанного со штабом Красной гвардии. А кончилось все тем, что петровский молодой большевик пошел воевать с немцами.

В то время шла первая всероссийская мобилизация на фронты гражданской войны. Враг стоял на подступах к Питеру; Смородин в составе молодежного отряда уехал на линию огня. Два с половиной года он провел на фронте: вначале — рядовым бойцом, затем — комиссаром полка. В одиночку

ходил в разведку. За взятие Пскова от имени ВЦИК ему преподнесли серебряные часы, позднее он был награжден орденом Красного Знамени. Красноармейцы любили своего комиссара — человека, не терпевшего пустозвонства, бахвальства, обмана.

В боях под Нарвой 8 ноября 1918 года Петра тяжело контузило. Больше суток он не приходил в сознание. Отправили его в Питерский госпиталь. Но он ушел оттуда, как только прослышал о городской комсомольской конференции недавно созданного Российского Коммунистического Союза Молодежи.

Именно к этим дням относится легенда о «воскрешении» Смородина. По Питеру пошел слух, будто Петр погиб под Нарвой. И молодежь начала конференцию с заулокной речи по своему боевому другу. Его любили от чистого сердца и потому говорили о нем с такой теплотой и нежностью, что никто в зале не скрывал слез. А он с перевязанной головой, в папахе до бровей, с усами и каштановой бородой, непопанный, стоял в задних рядах переполненного зала и лишь посмеивался. Наконец, попросил дать слово фронтовику. На трибуне сбросил папаху и крикнул: «Вы что это, черти драповые, хоро-

нить меня задумали? Я вам покажу «покойничка»!»

В тот же день делегаты конференции приняли решение послать от питерских комсомольцев Петра Смородина в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Но час его возвращения к мирной работе еще не пробил: на фронте шли бои, и вновь Петр уехал в свой полк. Лишь в июне 1920 года он вернулся в Петроград.

Сразу после возвращения его избрали организатором РКСМ в 1-м Городском районе и членом бюро Петроградского комитета. Несколько раз выдвигали Петра на пост председателя губкома, но он отказывался: хотел лучше присмотреться к работе среди молодежи в новых для него условиях.

Сотни дел исполнял губком комсомола. Вместе с товарищами Смородину удалось создать или восстановить ячейки на крупных предприятиях. Во всех районах города начали работать райкомы. Они помогали подросткам определиться на учебу, доставали им обувь и одежду, прибавку к скудному пайку. Губком помогал создавать сельскохозяйственные коммуны, боролся с беспорядочностью. На III съезде РКСМ 2 октября 1920 года Петр слушал Владимира Ильича Ленина.

Смородин был избран в состав Центрального Комитета комсомола. Ему предложили заведовать экономическо-правовым отделом. Однако он не хотел в те дни расставаться с городом своей юности. Три месяца жил между Москвой и Питером. Вскоре он стал первым представителем комсомола в высшем органе государственной власти РСФСР — ВЦИКе.

С декабря 1920 года он секретарь Петроградского губкома комсомола.

Петр руководил Союзом молодежи в Петрограде, а затем в масштабах всей страны в условиях исключительных бед на страну обрушивались страшные. Транспорт в развале, нет хлеба и топлива. Люди разуты и раздеты. В деревне — открытое недовольство продразверсткой времен «военного коммунизма». Ширится напор мелкобуржуазной стихии. С введением нэпа многие нерентабельные предприятия закрывались, а на остальных проводилось сокращение штатов. Увольнение молодежи, прежде всего подростков, в промышленности шло в 2—3 раза интенсивнее, чем взрослых рабочих. Рост безработицы среди молодежи сказался на численности РКСМ: уменьшалось число фабрично-заводских ячеек, упала активность комсомольцев. И вот в это время, в 1921 году, Смородин стал во главе ЦК РКСМ.

Петр буквально жил в Цекамоле: руководил бюро и пленумами, писал директивы, принимал ходяков со всей страны. Нередко спал ночью прямо в кабинете на диване. Приходилось часто ездить на комсомольские съезды, пленумы. Под его руководством работа по защите прав и интересов молодежи на производстве сложилась в определенную систему. Однако не все здесь было просто. В 1922 году по стране только 470 тысяч человек комсомоль-

ПРАВДОЙ

ского возраста работали на промышленных предприятиях и транспорте. В ряде губерний, областей и республик оставалось немало безработной молодежи. Когда своими комсомольскими силами стало невозможно справиться с трудностями на этом участке, ЦК РКСМ обратился к В. И. Ленину.

Просьба комсомольцев встретила поддержку Совнаркома, а затем и XI Всероссийского съезда партии (март 1922 г.), который высказался за твердое бронирование рабочих мест для молодежи, коренное улучшение охраны и оплаты ее труда. Законодательно это крупное завоевание комсомола закрепил специальный декрет ВЦИК. Результаты не замедлили сказаться: уже с мая 1922 года до мая 1923 года 140 тысяч подростков были вновь приняты на производство.

Как-то Петр узнал о безобразиях в Астраханской комсомольской организации: развал работы на рыбных промыслах, соляных приисках, водном транспорте, рост числа безработных подростков. Экстренно было принято решение ЦК о наложении взыскания на губком «за безответственность, бездельность и недисциплинированность, граничащую с разнузданностью». Из комсомола были исключены четыре члена бюро Астраханского губкома. Или такой пример оперативности ЦК. Комсомольцы Московского обзона завода сообщили Смородину о несправедливом увольнении с производства группы молодых рабочих. Он устроил такое «расследование», что уволенных немедленно восстановили на работе.

Буквально на каждом заседании Бюро ЦК РКСМ по инициативе Петра так или иначе шел разговор о рабочей молодежи. На биржах труда действовали секции рабочих подростков; безработную молодежь направляли в создаваемые с 1921 года школы фабрично-заводского ученичества, в школы рабочей молодежи и в цехи предприятий. В эти годы комсомолу удалось добиться улучшения условий труда подростков в кустарной и арендной промышленности. Для них был утверждён четырёх- и шестичасовой рабочий день с оплатой не ниже, чем на государственных предприятиях.

В январе 1922 года Смородин подписал большое письмо в ЦК РКП(б), в котором просил включить в повестку дня XI Всероссийского съезда партии специальный вопрос об РКСМ. Основания для такой просьбы были: колебания в среде молодежи в связи с нэпом, необходимость коренного совершенствования политической работы комсомола. Когда просьба была поддержана, по предложению Смородина Цекамол оперативно пересмотрел состав активных работников комсомола, принял циркуляр об укреплении пролетарского ядра в РКСМ.

Намечая программу деятельности комсомола в этом направлении, Петр требовал «глубже втягивать молодежь в работу, раскрывать перед ней горизонты идейной и классово-борьбы». «...Нужна будничная и кропотливая работа по воспитанию», — говорил он. — И, конечно, под такую работу надо подве-

сти крепкое экономическое основание: дать ребятам трудиться, получать образование на практике и строить новый быт».

Прошедшая по стране в конце 1921 года — начале 1922 года Неделя сближения РКСМ с РКП(б) помогла усилению идейной и материальной поддержки со стороны партии, повышению ответственности коммунистов за состояние работы с молодежью. На самом съезде в комиссии по работе среди молодежи Петр обстоятельно изложил соответствующие предложения Цекамола, убедительно защищал их. Его радовало, что делегаты съезда, и в их числе старые большевики, не отвергли ни одного пункта проекта постановления, над которым он долго работал. Это была первая и единственная резолюция партийного форума, написанная его рукой. Речь в ней шла о том, как работать комсомолу в новых условиях, об усилении партийного руководства коммунистическим союзом молодежи. Фактически это была программа на весь срок, пока Смородин возглавлял ЦК комсомола. Вскоре после XI съезда ЦК РКП(б) утвердил «Положение о приеме новых членов РКСМ в члены РКП(б)». В результате еще больше укрепилась связь между партией и пролетарской молодежью. Теперь молодые люди в возрасте до 20 лет включительно могли вступить в партию лишь через комсомол, будучи его членами.

Спектр действий секретаря Цекамола был очень широк. Политическое воспитание молодежи, вовлечение ее в культурное строительство, пионерское движение, интернациональная работа...

19 мая 1922 года Всероссийская конференция комсомола приняла постановление о детском движении. Так было положено начало созданию единой в рамках всей страны детской коммунистической организации.

Осень 1923 года — начало 1924 года было очень напряженным, тревожным временем. Троцкий, спекулируя на трудностях хозяйственно-политического развития страны в условиях нэпа, воспользовавшись болезнью В. И. Ленина, навязал партии очередную дискуссию. Напада на испытанное в трех русских революциях большевистское ядро ЦК РКП(б), оппозиционеры пытались использовать комсомол в качестве орудия во фракционной борьбе, разложить единство революционных поколений, посеять у подрастающей смены недоверие к «старой гвардии».

Союз молодежи отбил раскольнические притязания троцкистов и еще теснее сплотился вокруг партии. Позиция Петра Смородина в составе ЦК РКСМ характеризует его как стойкого, принципиального коммуниста.

Дискуссия с троцкистами многому научила его. Он узнал в лицо тех, кто раньше маскировался, и прежде всего Троцкого. Для Петра двурушническая позиция Троцкого в молодежном движении раскрылась задолго до официальной дискуссии. Весной 1923 года, работая в организационной комиссии XII Всероссийского съезда РКП(б), Смородин обратился с большим пись-

мом к Троцкому, в котором просил его конкретно изложить свои взгляды по вопросам совершенствования работы комсомола и дать предложения. Однако Троцкий предпочел до осени 1923 года не раскрывать своих карт.

О принципиальных ленинских позициях в отношении троцкизма Цекамол открыто заявил в статьях, опубликованных в «Правде» 1 и 16 января 1924 года. Статью «К вопросу о двух поколениях» вместе с другими девятью руководящими работниками РКСМ и КИМа подписал Петр Смородин. Троцкому была дана гневная отповедь.

...И все же на определенном этапе Петр утвердился в мысли, что у него, как и у каждого комсомольского работника, есть своя мера времени, свой диапазон. Революция, гражданская война, первые годы нэпа — пожалуй, в это время никто, кроме него, не мог стать таким ярким руководителем комсомола. Но заканчивался восстановительный период. И надо было учиться. Учиться, пока не поздно. Можно предоставить, как в годы работы в ЦК Петра угнетало сознание, что с образованием у него не густо, что более преуспели здесь его коллеги Шацкий и Шохин. В анкетах делегата третьего, четвертого и других комсомольских съездов на вопрос об образовании неизменно отвечал: сельский «университет», сельская церковноприходская школа, учился в целом 8 месяцев. Да и по годам Петр считал себя уже «стариком»: в 1924 году ему исполнялось 27 лет...

Куда пойти учиться, ему подсказало само время: в тяжелый для страны день смерти В. И. Ленина десятки сотен рабочих, крестьян, комсомольцев и молодых людей горячо поддержали идею проведения массового ленинского призыва в партию и комсомол. 26 января 1924 года Петр, выступая от имени ЦК РКСМ на траурном заседании II съезда Советов в Большом театре, сообщил, что пленум ЦК выработал решение о принятии комсомолом имени В. И. Ленина и впервые назвал комсомол Российским Ленинским Коммунистическим Союзом Молодежи. Это решило и судьбу самого Петра, он попросился на курсы марксизма при Коммунистической академии.

Во многом решение пойти учиться определялось желанием Сталина, который в то время выступал «за то, чтобы ряд ответственных работников ЦК РКСМ, в том числе и первый секретарь ЦК П. Смородин, ушли на учебу».

При проходах на VI съезде комсомола в мае 1924 года его единодушно избрали почетным членом РЛКСМ. Делегаты съезда долго рукоплескали ему, вновь и вновь просили подняться на трибуну... Решение съезда оглушило его, наполнило сердце пронзительной тоской. Он чувствовал, что в этот день и час, на этом повороте пройденного пути целый кусок его прежней бурной жизни вдруг отпадает и надо начинать все сызнова...

В феврале 1928 года Петр завершил учебу. С. М. Киров, работавший в то время первым секретарем Ленинградского обкома ВКП(б), запросил в ЦК партии в помощь ленинградцам группу

стойких молодых коммунистов. Петр стал заведовать орготделом Василеостровского райкома ВКП(б), а затем поочередно в течение восьми лет руководил Василеостровской, Выборгской и Московской районными партийными организациями. Работал вторым секретарем обкома ВКП(б). В это время окрепла его дружба с С. М. Кировым, который был для Петра эталоном коммуниста. И Сергею Мироновичу импонировали личные деловые качества младшего товарища, его прямота. Они виделись почти каждый день.

Однажды С. М. Киров как бы мимоходом бросил: «В Москве считают, что ты уже сделал свое дело в Питере... Сталин звонил мне. Предлагает тебе пост наркома коммунального хозяйства». Петр долго молчал. Потом резко сказал: «Не поеду я, Сергей Миронович! Там надо сидеть в кабинете, а я для этого не гожусь. Да и прикипел я сердцем к Питеру». Конечно, он понимал, что его решение может не понравиться Сталину. Но в тот момент, да и в последующем он ни разу не упрекнул себя за сделанный честный выбор...

Он поддержал инициативу заводчан города выполнить первую пятилетку в четыре года, помогал введению на предприятиях хозрасчета. Энергично занимался благоустройством рабочих окраин Ленинграда. Для него важной оставалась и внутрипартийная работа. По его инициативе в городе были созданы дворцы культуры, открыт первый в стране постоянно действующий пионерский лагерь, построена единственная в то время в СССР фабрика-кухня.

О комсомоле Петр не забывал, и у комсомольцев память о нем не стерлась. В 1933 году в связи с 15-летием ВЛКСМ журнал ЦК комсомола «Смена» поместил в одном из своих номеров очерк «Смородин». В нем говорилось, что со времени ухода с союзной работы Смородин почти не изменился: «прошедшие годы не сделали его сухим и унылым», не оторвали от рабочей молодежи. Создавая образ главного героя кинофильма «Юность Максима» в трилогии «Выборгская сторона», народный артист Борис Чирков многое перенял от Петра. Он встречался со Смородиным, беседовал с ним, изучал его речь, шутки, жесты, манеры, слушал его выступления. А когда «Юность Максима» появилась на экранах и зазвучала задорная песенка «Крутится, вертится шар голубой...», многие ленинградцы-ветераны, особенно выборжцы, говорили: «Максим — это наш Петр».

В сентябре 1937 года его избрали исполняющим обязанности первого секретаря Сталинградского обкома партии, а затем и горкома. Под руководством Смородина значительно оживилась работа в городе и на селе.

Проявившиеся в эти годы негативные явления, связанные с культом личности Сталина, стали для Смородина источником глубокой внутренней драмы. Но он был не из тех, кто плыл по течению, кто боялся поднять голову и сказать правду. В то время, когда небезопасно было даже поздороваться

БОРИС ИСКАКОВ,
доктор экономических наук

ЦЕНА ЗНАНИЯ

— Борис Иванович, мы как-то привыкли к тому, что у нас в СССР бесплатное, всеобщее, обязательное среднее образование, огромное количество студентов, нет неграмотных, высококвалифицированные специалисты, мощный интеллектуальный потенциал... И если обратиться к отечественной статистике, то мы обнаружим немало впечатляющих цифр.

Вот, скажем, по сравнению с 1959 годом почти в два раза возросло количество студентов. Каждый четвертый человек, занятый в народном хозяйстве, имеет высшее или среднеспециальное образование.

Но вот познакомился я и с другими данными: в ведущих странах мира доля работников преимущественно умственного труда растет: в США она составляет 55 процентов, в Японии — 48... У нас же — около 30 процентов от всех занятых в народном хозяйстве. Выходит, мы здорово отстаем? Чем объясняется такая ситуация?

— Мы действительно серьезно отстали. Почему? Давайте попробуем разобраться. Смотрите, по доле студентов и аспирантов — в процентном отношении к общей численности населения страны — мы уже в 50-е годы вышли на третье место в мире. Наши успехи в науке и технике — полет Юрия Гагарина, мирное освоение атома, создание лазеров вызвали у иностранцев недоумение, а то и шок: как могло случиться, что страна, обладающая меньшим, чем США, промышленным и научным потенциалом, совершила такой невероятный рывок? Был сделан однозначный вывод: Советский Союз по уровню образованности догоняет, а по отдельным направлениям даже обгоняет США. И вот тогда-то в капиталистическом мире начался настоящий образовательный бум. В Америке, например, президент Д. Кеннеди провел реформу высшего образования. Темпы развития третьей и четвертой ступени обучения, то есть высшего образования и аспирантуры, удвоились. Этому примеру последовали Канада, Япония и страны Западной Европы. Там значительно возросли расходы на образование, стремительно улучшалась его материальная база.

А что происходило в нашей стране? Начиная с 60-х годов планы приема студентов на дневные отделения вузов были застabilизированы. Все это вре-

в нашей стране в настоящее время 57 миллионов учащихся и студентов. Именно в классах и аудиториях растет и формируется сегодня поколение, которому уже в ближайшие годы предстоит продолжать и развивать политику ускорения и обновления, общественных преобразований.

На февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что определить все конкретные пути, по которым пойдет обновление системы образования, — дело непростое. Здесь свое решающее слово должна сказать широкая общественность, и прежде всего специалисты: учителя, преподаватели, ученые. Решения Пленума, по сути дела, стали политической рекомендацией партии учительству, работникам высшего и среднего специального образования.

О некоторых проблемах перестройки системы образования размышляет в беседе с нашим корреспондентом заведующий кафедрой Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук **БОРИС ИСКАКОВ.**

мя мы как бы победно маршировали на одном месте. Отсюда и результат. К 1988 году с третьего места в мире мы переместились в начало пятого десятилетия!..

Дело усугубилось еще и тем, что в последнее время в подготовке и использовании специалистов лавиной накапливались нерешенные проблемы. В вузах неоправданно дробились специальности, росло их число. Это, безусловно, не могло не сказаться на обучении и профессиональной подготовке людей. В институтах, по сути дела, отсутствовала индивидуальная работа со студентами. Упор во время занятий делался на расширение объема изучаемого материала. У студентов росли перегрузки, наносился непоправимый ущерб развитию навыков самостоятельного творческого мышления. Многие учебные заведения оторвались от производства, слабо были связаны с академическими и отраслевыми научными учреждениями. Молодые специалисты оказались неготовыми создавать и эксплуатировать технику нового поколения, применять современные средства автоматизации технологических процессов, проектировать и проводить научные эксперименты.

Интересные расчеты в свое время провел академик С. Г. Струмилин. Он подсчитал, что система образования, вызывая рост производственной культуры и научно-технического потенциала, обеспечивала на стадии раннего социализма до 20—30 процентов вклада в прирост национального дохода. В послевоенное время этот вклад возрос до 40 процентов. Сейчас, по расчетам кафедры статистики нашего института, он составляет более половины.

В 70—80-е годы многие страны стали форсированно развивать систему образования, подготовку и переподготовку

кадров. Сегодня как никогда ясно, что наиболее учащийся народ в наивысшей степени подготавливает плацдарм для будущего развития национальной науки, техники, экономики. Но из всех элементов общественного воспроизводства, к которым относятся техника, экономика, наука, образование, именно образование — наименее динамичная часть. Она-то и становится сдерживающим звеном всего народнохозяйственного социально-экономического комплекса. Само собой понятно, что плохо подготовленные кадры неспособны активно проводить научно-техническую политику, ускоренно развивать экономику, социальную сферу.

Сейчас две трети должностей, требующих высшего образования, заняты людьми со средним и средним специальным образованием. Это значит — миллионы человек в различных звеньях народного хозяйства ежегодно принимают миллиарды недостаточно компетентных, а иногда и просто неграмотных решений. А каков уровень образования по регионам? Он неравномерен. В республиках Средней Азии квалифицированных специалистов не хватает. В Закавказье же, особенно в Грузии, велика насыщенность работников с высшим образованием. Нарастает межнациональная дифференциация обеспеченности высшим образованием. Все эти факты говорят о том, что существующая система подготовки кадров недостаточно гибко учитывает потребности народного хозяйства.

Сотни тысяч дипломированных специалистов трудятся на рабочих местах. Они обслуживают сложную технику. Кто-то может подумать: растрата образования! Нет, наоборот, ростки будущего! Как это ни покажется парадоксальным, стране нужны рабочие и колхозники с высшим образованием. Даже

домохозяйки! Они значительно лучше — грамотнее — смогут готовить своих детей к жизни... И это надо учитывать.

— Чтобы преодолеть отставание в развитии высшей школы, надо в конце концов поднять на должный уровень и среднее, и профессиональное образование. Возьмем школьную реформу. После ее принятия прошло более трех лет, а какие сдвиги? Сегодня, по сути дела, в стране проводится ее повторное обсуждение.

— Верно. Давайте, к примеру, посмотрим, как распределено учебное время? 45 процентов его отдано гуманитарным дисциплинам, 30 — естественно-математическим, оставшееся — эстетическим предметам, физическому развитию и труду. В мировой же практике отводится гуманитарным предметам две трети учебного времени и треть — естественно-математическим. Многопрофильность нашей школы, общие и частные дисциплины перегружают учащихся. Далее, в каком возрасте за рубежом начинают приобщаться к ЭВМ? В 11—12 лет! А у нас? В старших классах. Как видите, вопросов еще немало. Вот, например, трудовое обучение школьников, подготовка их к дальнейшей учебе и труду. Мне кажется, было бы полезно ввести «трудовую четверть» для всех школьников. Вспомним опыт Макаренко. Его воспитанники и учились хорошо, и работали с азартом. Не потому ли, что работали всерьез, по-взрослому? Почему мы боимся, что наши дети перетрутся?

Надо учитывать и то, что современные дети требуют особого внимания. Это важнейшая проблема, о которой предпочитают не говорить. Вот лишь некоторые данные. Доля официально зарегистрированных олигофренов (олигофрения — слабоумие) среди московских детей сейчас составляет около 8 процентов. Фактически их гораздо больше. Среди москвичей, родившихся на рубеже 70-х годов, доля ослабленных, то есть больных или предрасположенных к болезням, достигает 55 процентов, а среди детей, появившихся на свет в начале 80-х годов, эта доля подскочила до 70—75 процентов. Практически вполне здоровых детей осталось 25—30 процентов! По официальным данным, среди школьников страны ослабленные дети составляют 53 процента. В прошлом году в первый класс пришло около 4,8 миллиона ребяти-

шек. Из них — около миллиона, страдающих олигофренией.

В профессионально-технических училищах, думаю, прежде всего нужно поднять качество обучения, чтобы выпускники получали знания не ниже выпускников техникумов. До последнего времени «пэтушников» готовили по 1600 профессиям. Практически выпускались не квалифицированные специалисты, а узкие операционники. Сейчас готовят только по 500 основным профессиям. Намечается подготовка кадров широкого профиля.

При наборе в ПТУ не учитывались раньше и потребности народного хозяйства. Во многих республиках около трети выпускников не находили работу по специальности. Сейчас положение меняется. Предприятия заключают договор на подготовку рабочих. Но по-прежнему острыми остаются проблемы размещения сети ПТУ, обеспечения их преподавателями.

Расширение приема молодежи в ПТУ надо рассматривать как временный, вынужденный маневр. Он смягчает сиюминутную острую нехватку рабочих рук в народном хозяйстве. А не хватает их там, где малопроизводительное и устаревшее оборудование. У нас исторический выбор: или к устаревшим станкам ставить малообразованных выпускников ПТУ, или ускоренно реконструировать устаревшие рабочие места. Ясно, что первый путь обрекает на дальнейшее отставание, второй — обеспечит мощный рывок. Молодежь же надо все-таки нацеливать на всеобщее высшее образование. Кстати, именно по такому пути идут ведущие в техническом отношении страны мира.

— Однако некоторые социологи и экономисты ратуют за то, чтобы до 80 процентов молодежи направлять именно в ПТУ...

— Что важнее — рабочие руки или творчески мыслящие специалисты? Очевидно, и то, и другое. Но в оптимальной пропорции! А она диктуется уровнем развития страны, ее производительных сил и производственных отношений. Как показывает отечественная и мировая статистика, «демаркационная» линия, распределяющая молодежь, постепенно смещается в пользу подготовки специалистов в вузах. Иначе и не может быть в эпоху НТР. Кстати, замечают: почему-то наиболее активные «агитаторы», зазывающие молодежь в ПТУ, своих детей пристраивают в институт, а затем в аспирантуру.

Если сравнивать сегодняшних студентов со студентами, например, 60-х годов, можно сказать, что «шестидесятники» были любознательнее, активнее нынешних, легче воспринимали знания, особенно требующие логического мышления, они смелее вели дискуссии, их больше волновали научные и социальные вопросы. А теперь? Все меньше студентов с горящими любознательностью глазами, и, наоборот, чаще встречаются потухшие глаза.

— Проблем, как видно, немало. Причем предстоит не только повысить качество высшего и среднего специального образования, но и расширить охват им молодежи. Стало быть, высшее образование должно стать универсальным, более гибким и легкообновляемым, фундаментальные знания должны сочетаться с практическими навыками. То есть стоит задача: отойти от массового, валового обучения, развивать творческие способности будущих специалистов. Но каким образом это сделать?

— Прежде всего надо использовать такие активные формы обучения, как семинарские и практические занятия, дискуссии, моделирование производственных практических ситуаций. Думаю, это поможет развить аналитическое, творческое мышление и участие студентов в научных исследованиях, проектных и конструкторско-технологических разработках. Основными принципами развития системы образования и подготовки кадров должны стать единство и преемственность всех зве-

ньев, демократизация обучения, связь науки с производством.

Кстати, ускоренное развитие высшей школы — весьма эффективный дополнительный социальный инструмент по преодолению пьянства, алкоголизма, токсикоманий, наркомании, преступности, так как вытесняется бездуховность, низкоинтеллектуальная жизнь с низменными и примитивными запросами.

Думается, есть смысл расширить сеть университетов. Каждой области с населением не менее 1,5—2 миллионов человек нужен свой университет. Это даст возможность приблизить университетское образование к населению каждой области. Предлагаемое расширение сети университетов не является, как может кому-нибудь показаться, максимализмом или мерой, опережающей историческую необходимость. У нас сейчас один университет приходится примерно на пять миллионов жителей, а в США — на миллион.

— Борис Иванович, но ведь есть и сторонники сокращения числа университетов. Они, к примеру, утверждают, что пока трудно с высококвалифицированными преподавателями...

— Как свидетельствует история всех университетов, они переживали неизбежную болезнь роста — «хромили» из-за нехватки кадров в течение двух-трех преподавательских поколений. В эпоху НТР можно сократить этот «кадрово-хромоный» период. Университеты — ускорители роста местных производительных сил. Об этом тоже говорит история. Университеты, скажем, викторианской Англии помогли ей стать промышленно-торговым мировым лидером. А ускоренное создание университетов в США позволило им к концу XIX века отобрать у Англии лидерство. Эту закономерность в свое время отмечал еще Владимир Иванович Вернадский. Почему же мы упорно не хотим замечать историческую правду?

Необходимо также расширить планы приема в вузы на дневные отделения. Особенно это касается подготовки по таким специальностям, как экономико-управленческие, инженерно-экономические, новейшие инженерно-технические, связанные с микроэлектроникой, вычислительной техникой, АСУ, информатикой, робототехникой, лазерами, порошковой металлургией, технологией гибких автоматизированных производств, экологией. Особое положение должна занять подготовка по педагогическим специальностям. Это связано с проведением реформы общеобразовательной и профессиональной школы.

— Перестроить систему образования, наверное, невозможно без решения финансовых и организационных проблем...

— Вы имеете в виду перевод вузов на хозрасчет и самофинансирование? Это важнейшая проблема дня, а как ее решать — пока неясно. Пока нет хорошо продуманной, детально проработанной стратегии перестройки высшей школы. Есть лишь общие положения, которые отображены в постановлениях партии и правительства. Они ждут своего дальнейшего развития и детализации. В принятых документах, скажем, предусматривается возмещать вузам затраты на подготовку специалистов. То есть предприятие или отрасль народного хозяйства, сделав заказ вузу на подготовку специалиста, оплачивает его учебу. Институт как бы «продает» свою продукцию — молодого специалиста. В принятых документах оговорена и его «цена» — три тысячи рублей. Однако она явно занижена. К примеру, в нашем институте на подготовку одного специалиста тратится не менее девяти тысяч рублей. А ведь вуз должен еще обзавестись новым оборудованием, вычислительной техникой, развивать материально-техническую базу, строить учебные корпуса, общежития, спортивные комплексы... И в итоге получается, что на подготовку специалиста требуется уже не девять тысяч рублей, а 11—12, возможно, и больше. При таких обстоя-

тельствах на полном хозрасчете вуз вылетит, как говорится, в трубу.

Немедленный перевод высшей школы на полный хозрасчет и самофинансирование, как видим, пока не подготовлен. Он скорее всего напоминает ситуацию вроде той, как если бы часть автомашин перевести на левостороннее движение, а основную часть оставить в условиях обычного правостороннего. В такой ситуации трудно избежать аварий... Какой же выход? Переход вузов на полный хозрасчет и совершенствование хозяйственного механизма должны проводиться синхронно. А что касается дотации вузам за подготовку специалистов, то их вначале можно получать из бюджета Госкомитета по народному образованию или из бюджета министерств-заказчиков, по чьей заявке готовятся специалисты. Без этого условия трудно будет поднять материальную базу высшей школы, которая сегодня и так ничтожная. По крайней мере она не идет ни в какое сравнение с передовыми вузами США, Японии, Западной Европы. В этих странах расходы на образование составляли в 1986 году около семи-восьми процентов валового национального продукта. В довоенное время и первые послевоенные годы мы тратили на образование 7—9 процентов от нашего валового национального продукта, к середине же 60-х годов эта доля снизилась до 6—7 процентов, а к началу 80-х годов она упала до 4,2 процента. Сейчас она практически находится на этом же уровне. Нам надо срочно, безотлагательно увеличить расходы на образование раза в два-три.

Перестройке высшей школы мешает и старое мышление, закостенелость некоторых экономических догм. Давно пора признать — об этом уже много сказано и написано! — что преподаватели вузов, как, впрочем, научные работники, писатели, поэты, композиторы, журналисты, так же как и рабочие, создают стоимость, прибавочный и чистый продукт — при условии, конечно, что их труд получает общественное признание. Знание и информация имеют свою цену, свою себестоимость, дают свою прибыль. Однако эти взгляды до сих пор не получили официального и законодательного признания. Не потому ли в глазах Госплана и Минфина высшая школа остается как бы «нахлебницей», якобы сидящей на шее материального производства? Вот отсюда и парадокс: на подготовку специалистов вместо 11—12 тысяч рублей выделяется только три тысячи. Дескать, и этого много. Но разве реальные расходы вузов уменьшаются? Конечно же, нет! Но отбросить закостенелые экономические стереотипы пока не удастся. А раз они существуют, то практически нет никакой возможности разработать новые методики и подсчеты цены, себестоимости и прибыли, которые позволят в условиях хозрасчета строить финансовые отношения между отраслями народного хозяйства и высшей школой. Почему бы не применить принцип хозрасчета во взаимоотношениях всего образовательного комплекса: школа — профтехучилище — вуз — отрасль народного хозяйства? Почему бы, например, предприятиям, организациям, учреждениям не вносить ежегодную плату за каждого занятого работника в размере десяти процентов от нормативно-чистой продукции в специальный фонд образования? Эта плата даст возможность перевести образование с бюджетного финансирования на хозрасчет. Введение такой меры позволит включить активный финансовый механизм, стимулирующий все предприятия, учреждения и организации к росту производительности труда, к избавлению от неэффективно занятых работников, ускорить строительство детских учреждений, школ, ПТУ, техникумов, вузов... Кстати, уже предусмотрена такая мера, как создание организационно-экономического механизма взаимодействия высшей школы и отраслей народного хозяйства, основой которого является целевая подготовка и переподготовка кадров по договорам с частич-

ным возмещением затрат на эти цели за счет отраслей материального производства.

Много еще предстоит сделать и в организации учебного процесса, требуется упорядочить дисциплины и время для их преподавания. Особенно это касается основных дисциплин, как мы говорим, базовых. Сейчас в ряде случаев наблюдаются перекосы в структуре учебного времени. Некоторые базовые дисциплины, без которых немаловажно подготовка специалистов, непонятно из каких соображений усекаются. Например, в условиях хозрасчета и самофинансирования резко возрастает роль такого предмета, как статистика. Тем не менее за последние годы время, отводимое этому предмету, урезано во многих вузах, в том числе и нашем, в два-три раза. А ведь статистика — важнейшее орудие познания экономической действительности. Об этом говорил еще В. И. Ленин. А мы что делаем? Орудие познания выбиваем из рук молодых специалистов. Нечто подобное происходит и с другими предметами. Не сомневаюсь, что мои коллеги-преподаватели приведут немало примеров из этого ряда...

Видите, сколько мы с вами обозначили проблем? Одна серьезнее другой. Если бы и хотели, то далеко не всегда эти проблемы могли решить ныне упраздненные министерства просвещения. А почему? Сказывались несогласованность, разобщенность, нехватка средств. Да и имеющиеся средства распределялись нерационально, без максимальной для дела пользы. Госкомитет по народному образованию и должен проблемы образования решать комплексно.

— Борис Иванович, полученное в молодости образование — лишь база, которая требует постоянного пополнения. Полученные знания стареют, обесцениваются за считанные годы. Их необходимо постоянно обновлять. Каким образом это делается?

— Ныне действующая система переподготовки кадров позволяет повышать квалификацию не чаще, чем раз в 10—12 лет. Конечно, это не дело. Нужна целая система повышения квалификации и периодической переподготовки работников — система непрерывного образования. Если обратимся к зарубежному опыту, то увидим, что крупные фирмы обзавелись собственными системами подготовки и переподготовки кадров. Есть даже специальные учебные заведения, штатные преподаватели. В передовых отраслях производства более 80 процентов руководителей, специалистов и рабочих каждый год проходят переподготовку.

И в нашей стране система повышения квалификации набирает темпы. Есть для этого определенные условия: материальная база, хорошие преподаватели, неплохой методический опыт. Но сегодня мало наращивать только профессиональную квалификацию. Каждый человек должен иметь возможность непрерывно повышать свой общеобразовательный и культурный уровень. Решить эту задачу может только непрерывное образование. В чем его суть? Начавшись в раннем возрасте, образование должно сопровождать человека всю жизнь, вести его как бы в гору, на подъем. Каждый из нас должен иметь возможность в любой момент получить необходимые новые знания и навыки. Надо сказать, что элементы непрерывного образования зарождаются. Это курсы и институты повышения квалификации. Но говорить о том, что оно уже сформировалось, преждевременно. Пока еще вопросов значительно больше, чем ответов. Но главное, как мне кажется, в том, что осознана необходимость непрерывного образования. Только оно может дать ускорение интеллектуализации населения. Уже сегодня ясно, что без подобной системы трудно представить себе обучение в самое ближайшее время.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ РАБОЧИЙ

С кузнецом Вячеславом ТИХОНЕНКО беседует
наш специальный корреспондент Владимир НИКОЛАЕВ.

...Вызвали как-то генерального директора Бокова и Тихоненко на совещание в исполком. Один из вопросов: краснодарские заводы должны «скинуться» на строительство стелы у въезда в город. Раскладка — кто сколько тысяч рублей даст — уже готова. Как известно, обсуждать такие предложения не принято.

Встал Тихоненко и заявил:

— Это генерального директора вы можете «прижать», и он даст деньги. Но деньги зарабатывает коллектив, и мы еще должны посмотреть: не дорогá ли будет стела и нужна ли она вообще. Мы теперь на хозрасчете, обязаны рубли считать.

После совещания Боков слегка упрекнул:

— Ты бы там как-нибудь поделикатней выразился.

— А зачем? — возразил Тихоненко. — Я рабочий, мне бояться нечего.

Кузнец Вячеслав Тихоненко — председатель совета трудового коллектива объединения «Краснодарсельмаш». Уточню: второй председатель. Первым был бывший генеральный директор объединения. Когда «генерала» освободили от должности, секретарь парткома В. Гошко пригласил Тихоненко и спросил, как он отнесется к такому партийному поручению — быть новым председателем СТК. Если, конечно, коллектив изберет. «Позвольте, — изумился Вячеслав Михайлович, — у нас что — совет есть?!» «Да, и ты член совета».

Ну, хорошо, Тихоненко был в отпуске, когда создавался совет. Но чтобы член СТК полгода не подозревал о его существовании... Наверное, «деятельность» того СТК комментировать более не к чему. С этого вопроса — кто должен быть председателем совета — и начался наш разговор с Тихоненко.

— **Е**сть разные мнения, Вячеслав Михайлович... Вот в одной газете доктор юридических наук пишет: только директор! Поскольку он ключевая фигура на производстве, только он может наиболее эффективно и компетентно руководить советом.

— Слышал я такое мнение. Но давайте попробуем рассуждать логически. Вот у меня под рукой Закон о госпредприятии. В нем записаны права и обязанности СТК: заслушивать отчеты администрации о ходе выполнения планов и договоров; работать в тесном контакте с администрацией и общественными организациями. Ну, и так далее. Стало быть, директор, если он председатель СТК, должен отчитываться сам перед собой, работать «в тесном контакте» с самим собой?.. Где логика? Избрать директора председателем — все равно, что назначить начальника ОТК руководителем госпредприятия.

И еще такое соображение. Как известно, председатель СТК подотчетен только совету, трудовому коллективу. Но давайте смотреть на вещи реально. А если решение совета пойдет вразрез с мнением вышестоящих организаций? Над директором множество инстанций — от районных до московских. Откажется выполнять чей-то приказ или даже просьбу — затаскают по «коврам». Председателю-рабочему в этом отношении проще, свободней. Его вышший и единственный руководитель — трудовой коллектив.

— Юрист предполагает также, что на предприятии может возникнуть «двоевластие», начнутся конфликты между советом и администрацией, у СТК появится стремление стать над директором. Или другой вариант: председатель превратится в помощника директора, а то и в подставную фигуру, «карманного деятеля».

— Этот юрист потому так пишет, что зарылся в бумаги и видит только бумажную суть. Почему СТК должен обязательно конфликтовать с директором? Что у нас, цели разные, что ли? Само слово «совет» — от слова «советоваться», верно? Вот собрались мы — рабочие, руководители, — посоветовались, выработали главное направление — вешки, по которым идти. Сколько мы должны заработать, сколько отчислить в бюджет, сколько — на зарплату, сколько — на социальбыт... Совет все это распределил, а кто воплощать должен? Директор! Вот тут и начинается его работа. Ведь с него никто не снимает персональную ответственность за все заводские дела, ни

кто не отменяет единоначалия. Но директору самому полезно периодически выходить на совет и отчитываться о своей деятельности, проверять свои действия и решения: правильно ли я поступаю? Не надо думать, будто рабочий не видит дальше своего станка, своего кармана. Как раз на рабочем месте некоторые наши общие недостатки видны отчетливее, понятны даже лучше, чем руководителю. И я считаю правильным то, что из 59 членов совета 40 — рабочие. Ну, а если все же возникнет конфликт между советом и администрацией, в нем разберется конференция трудового коллектива. Именно она утверждает планы социального развития, СТК же — исполнитель этих планов между конференциями. СТК не имеет права отклониться в ту или иную сторону. Он ограничен полномочиями, которые дал ему трудовой коллектив. Кстати, первой акцией нашего СТК были выборы нового директора. Мы Юрия Владимировича Бокова предложили, потому что хорошо знали, как он работал на посту главного инженера. Был и другой претендент, но он снял свою кандидатуру, узнав о предложении совета. Так почему же мы должны враждовать с директором, которого сами же выдвинули и выбрали? Вот если коллектив возглавит человек назначенный, да еще против воли коллектива, тут, наверное, всякое может быть... Я Бокова вначале предлагал: давайте вы будете по каждому решению СТК издавать свой приказ. Ну, для большего веса. Он возразил: зачем плодить лишние бумаги? Тем более что решение СТК без всякого приказа обязательно для всех.

— Стало быть, полное единомыслие во всем?

— Бывает, мы расходимся в формулировке, постановке вопросов. Но это наши текущие трудности, которые решаем, как говорят, в рабочем порядке, не доводя до конфликтов.

— А как все-таки насчет «карманного» председателя?

— Такое не исключено, если сам коллектив позволит ему стать «карманным». Я же каждые полгода отчитываюсь о работе совета. И мне запросто могут сказать: знаешь, дорогой товарищ, не оправдываешь ты нашего доверия. И весь разговор.

— Перед нашей встречей с вами я многим на заводе задавал вопрос: каковы роль, функции СТК? Ответы разные. Например, контролировать деятельность администрации.

— Контролирующих органов у нас и так предостаточно: народный контроль, профком, комиссия по контролю

деятельности администрации, райком, ОБХСС, министерство — всех не перечислишь. А функции советов четко определены в Законе о госпредприятии: способствовать экономической, хозяйственной деятельности предприятий, привлечь к решению этих задач каждого человека. Я бы так сказал: роль совета — заработать средства для решения социальных вопросов коллектива. А это и зарплата, и строительство жилья, и развитие производства.

— Заработать средства — как? Совет же сам ничего не производит.

— Но он сосредотачивает внимание на развитии инициативы, увеличении вклада каждого работника в общее дело. Именно эта цель — самая главная.

— Разве не ту же цель ставят все другие общественные организации?

— Да, но в общих чертах! А мы к ней идем через непосредственное участие в производстве. Ну вот, первое заседание провели в прошлом году, утвердили сметы. То есть все доходы и расходы предприятия. И затем ежеквартально заслушивали отчеты либо директора, либо его заместителя по экономике о работе предприятия. Я думаю, понятно, почему в условиях самофинансирования мы особенно много занимаемся экономикой, финансами, хозрасчетом. Но круг забот совета шире: это и строительство жилья, и качество продукции, и снабжение, и техническое развитие завода...

— Вот что смущает... По экономическим, хозяйственным вопросам собираются и партхозактив, и партком, и профком. А теперь еще и вы. Как распределяете обязанности?

— Профком, например, должен, по нашему мнению, заниматься решением социальных проблем. Вот мы и сняли с него производственные вопросы, кстати, парткому они, на мой взгляд, тоже малосвойственны. К тому же общественные организации, как ни крути, а все же стоят как бы над коллективом. С созданием же СТК коллектив перестает быть объектом, становится субъектом управления. Он непосредственный участник в решении всех вопросов. Он решает, куда направим заработанные средства: положим в карман, отдадим на строительство, пустим на развитие производства.

— Свой карман ближе... А тут надо решать: увеличить себе премию или куда-то отдавать деньги. Нет ли опасности, что сиюминутный интерес перевесит — карман набьем, а производство забудем?

— Такая опасность всегда есть. Но

вот здесь-то и должна сказаться роль партийной, комсомольской организации: правильно сориентировать людей.

— Сейчас, перейдя на самофинансирование, вы считаете каждый рубль. Представьте, перед советом встал вопрос: выделить молодежи средства на строительство МЖК или нет?

— Уже, считайте, выделили. Вот постановление совета, где мы решили оказывать комитету комсомола всю необходимую помощь. При комитете комсомола организуется кооператив по выпуску садовых домиков из прессованной рисовой соломы. Большая часть прибыли пойдет заводу, все остальное — на строительство МЖК. Видите, комсомол предполагает не только брать, но и отдавать, приносить прибыль.

— Сколько у вас в совете молодежи, комсомольцев?

— Очень мало.

— Отчего так?

— Это уж, извините, комитет комсомола проморгал. Перед выборами никаких разнарядков не составлялось: сколько процентов молодежи... Но проблема не страшная. В СТК избирают не пожизненно. Если комсомол предложит в совет толковых ребят, наверное, конференция не будет возражать. Надо проявить инициативу.

— Вы работаете год с небольшим. Какие проблемы совету удалось решить? Собираетесь для обсуждения планов, заслушивать отчеты руководителей нужно, но важен результат...

— О самой первой нашей акции я уже говорил. На заседании Совета встал вопрос: почему мы третий месяц работаем без руководителя? Боков все это время только исполнял обязанности генерального, и нас насторожило: не собираются ли нам прислать сверху «парашютиста-десантника»? А Юрий Владимирович много лет отдал заводу, мы его знаем. На совете решили, сделали выписки для райкома и министерства, потом и выборы провели. СТК проводил выборы и директора завода-филиала, и начальников цехов. Словом, немало занимались кадровым вопросом. Год отработали удачно: на сто процентов выполнили план поставок по договорам. Приписывать совету лишнее не хочу, но сказать, что все сделалось само собой, тоже было бы неправильно... Или такой пример. На нашей территории расположено здание, принадлежащее строителям, оно практически пустует. Давно добывались, чтоб передать его нам, но безуспешно. А тут подключился СТК, и дело сдвинулось с мертвой точки. Зачем заводу это зда-

ние? Посмотрите, в каких условиях де-лают у нас товары народного потребления...

Еще вот что хочу заметить: нельзя говорить о работе только заводского СТК, не упоминая о цеховых. Так получилось, что цеховые советы образовались совсем недавно. Мы и здесь придерживаемся принципа избирать председателем рабочего. Вот совсем свежий пример. Буквально вчера создан СТК в четвертом цехе. Возглавил его бригадир сборщиков роликовых цепей Александр Климин. 38 человек, в основном рабочие. И вот сегодня они собрались, обсуждали самую большую для них проблему. Сборщиков частенько подводит смежная бригада, которая изготавливает эти ролики, — неритмично работает. Совет постановил направить в эту бригаду опытного наладчика, члена заводского СТК Сергея Василенко. Пока на месяц. Конечно, начальник цеха сам мог это сделать. Написал бы приказ: «В связи с производственной необходимостью...» Но одно дело, когда человек идет на отстающий участок по приказу, и совсем другое — по просьбе товарищей. А еще при этом исключается предвзятое, неприязненное отношение той бригады к «человеку со стороны» — ведь решение принимали все вместе. Кстати, на этом заседании СТК начальник цеха не присутствовал — вот конкретный пример того, как рабочие, совет могут сами на практике участвовать в управлении. Из таких повседневных, малых дел и складывается работа советов.

— Был я на одном из заседаний президиума вашего совета, когда вы обсуждали, как идет подготовка к переходу на новые тарифы и оклады. С первого июля зарплата должна повыситься на 25—30 процентов. Чтобы обеспечить прибавку, заводу потребуется миллион двести тысяч рублей. Но, как вы знаете, этот миллион никто заводу не даст, фонд зарплат не увеличивается. Значит, деньги надо выкраивать за счет внутренних резервов — сокращения штатов, снижения непроизводительных расходов. Вопрос болезненный, касающийся каждого. Три часа слушали мы отчет начальника отдела труда и зарплат, сообщения начальников других отделов, цехов. Но смысл большинства выступлений можно сформулировать коротко: нет возможности для сокращения штатов.

— Еще год назад мы поднимали вопрос о штатах, а он, к сожалению, все не движется. Конечно, любому ясно — нельзя просто так, механически, сократить численность. Сначала надо провести аттестацию рабочих мест, избавиться от лишнего оборудования. Тогда везде создали комиссии по аттестации. Я был на той планерке, где докладывал председатель общезаводской комиссии. Помню, встает он и говорит: проведена такая-то работа, получен такой-то условный эффект, предлагаю отметить премиями таких-то инженерно-технических работников. А когда его спросили, какой же конкретный эффект, сколько людей освобождено — ответить было нечего. Поэтому сейчас идет повторная комиссия...

— Начальники отделов и цехов очень убедительно доказывали, что лишних людей у них нет.

— А я там, помните, цифры назвал? У нас из пяти с небольшим тысяч работающих — 1230 инженерно-технических работников! Где такое видано? Они жалуются, что им трудно работать. А давайте пройдем по заводу, посмотрим, на каком уровне решаются инженерные задачи — 40 процентов ручного труда!

— Начальник цеха заявил: «СТК выкручивает руки!»

— Может, он имел в виду, что совет пытается заставить его выполнять ту работу, которую он и так обязан делать?.. Видите ли, многие еще рассчитывают на авось, на «дядю», который подкинет денег в случае чего. Поэтому, полагает он, лишний человек, лишний станок не помеха... Вся беда в том, что не разработано четкое положение по

хозрасчету в цехах. Если б начальник точно знал, какой у него фонд зарплаты, план, его и совета трудового коллектива цеха дело, сколько брать людей, кому и за что платить.

— Фонд зарплаты сегодня знает каждый.

— Да, но если он его перерасходует, вы думаете, люди без зарплаты останутся? Все равно объединение денег добавит за счет других цехов. Такой парадокс: все предприятие в целом на хозрасчете, а цеха — нет. Кстати, почему мы с вами говорим о сокращении штатов? Никто не предлагает их повсеместно увольнять. Надо правильно расставить людей! А если фонд зарплаты мал, так на то ты и инженер, чтобы это доказать, обосновать свою точку зрения. Или взять должностные обязанности ИТР, руководителей. Каждый составлял их сам для себя лет двадцать назад. Ну, десять. Но времена-то меняются! Раньше считали на арифмометрах, сейчас в каждом кабинете — электронная машинка. Нет, обижаться нечего: того, кто работает, делает дело, не сократят, он всегда нужен. Сейчас хорошие специалисты нарастают. Но много ли таких? Объявляется конкурс на должность начальника цеха — нет желающих! Значит, люди сами чувствуют, что не потянут этот воз. Или не хотят беспокройной, не по часам, работы?

Получать больше хотят все, а работать больше — далеко не каждый. А почему мы должны держать бездельников, жалеть их? Хозрасчет и спокойная, беззаботная жизнь несоместимы. Знаете, недавно целое министерство ликвидировали — и ничего, заводы не остановились.

...Иногда подумаешь: а кому, собственно, нужна перестройка? Тому, кто всего в жизни уже добился, имеет солидную зарплату, квартиру, машину, дачу? Нет, ему брать на себя дополнительную ношу незачем. Вот и выходит, что главной движущей силой перестройки может и должна быть молодежь.

— Каждое предприятие имело «резерв» численности на сельхозработы, стройки, овощебазы. Как быть теперь, при хозрасчете, когда содержать лишних накладно?

— Действительно, как быть?.. В совхозе наш работник зарабатывает копейки, и завод платит ему средний заработок. Сейчас СТК пытается через арбитраж взыскать с совхоза 90 тысяч за прошлый год — это только убытки из нашего фонда зарплат, а неполученной прибыли уж не говорим! В Законе о госпредприятии сказано: любые услуги предприятия оказывают на договорной основе. Совет уже применял этот закон на практике. Как-то из райисполкома поступила телефонограмма: выделить людей на овощную базу. А СТК решил — нет! Как раньше, бесплатно, не выделим. Пусть база заключает с нами договор на взаимовыгодных условиях.

— Но овощи-то гибнут... Не кажется ли вам, что совет стоит на позициях «ведомственного эгоизма»? Своя рубашка ближе к телу, никому помогать не будем?

— В какой-то степени да. Но нам деваться некуда! Будем слишком добренькими, промотаем свои заработанные средства — по миру пойдем. Все мы теперь обязаны работать безбучно! Раньше, до самофинансирования, посторонние затраты не отражались напрямую на каждом работнике. Вернее, отражались, но не в той степени. Министерство их погашало за счет нашей же прибыли. Но оно же и давало деньги на строительство, развитие производства. Вот если б министерство выделило нам целевым назначением тысячу сто для оказания помощи другим организациям, тогда с нас можно было бы строго спросить за отказ в помощи. И с другой стороны давайте посмотрим. Недавно потребовали с нас дополнительные средства на благоустройство города. Совет отказал. Завод и так ведет благоустройство в своем микрорайоне, кроме того, отчисляет, как поло-

жено, два процента прибыли в местный бюджет. Как используются эти деньги? Судя по состоянию дорог в городе — не лучшим образом. А помощь селу? Мы платим агропрому по полтора-два рубля за пачку чая, по 70—80 копеек за килограмм картошки. При таких ценах да еще и шефскую помощь не оплачивать? Конечно, эту помощь и организовывать надо с умом, на взаимовыгодных условиях.

— Не всем руководителям по душе, что решение совета является обязательным. Любое решение, настаивают они, должно приниматься на основе знания, а не простым большинством голосов: большинство, не обладая соответствующей подготовкой, может не принять, загубить хорошую идею.

— Если хорошая идея не находит поддержки, значит, она не дошла до каждого, непонята...

— А если не хватает знаний, чтоб понять?

— Ну, народ у нас не такой уж беспонятливый. В том и задача руководителя — растолковать, убедить. А если народ не знает, что делает, ерунда получится. Каждый, как говорится, должен знать свой маневр. Конечно, раньше проще было управлять: приказал — сделали. Насчет компетентности... Мы потому и расширили СТК до шестидесяти человек, чтоб свести на нет возможность ошибочного решения. Да, руководителю бывает трудно доказать правильность своей идеи. Зато уж если доказал, убедил совет — это ж какую силу он получил в помощники! Приняв идею, СТК будет всеми силами ее отстаивать и проводить в жизнь.

— Еще к вопросу о компетентности. Как вы, не директор, можете разбираться во всем круге проблем, стоящих перед заводом, перед советом? Как держать их в поле зрения?

— Пытаюсь. Сидишь вечерами, специальную литературу читаешь — это само собой. Впрочем, почему я должен во всем разбираться? Мы избрали директора-специалиста, пусть он и вникает во все дела, находит толковых помощников. Кстати, и любой директор в чем-то не сам разбирается, а через своих специалистов. Он, допустим, энергетикой не занимался — так что ж, ему теперь директором нельзя быть? Совет дает контрольные цифры, соответствующие службы должны обеспечить их выполнение. А если не выполнят, мы на совете вместе сумеем разобраться почему.

— Ближайшая задача совета?

— Вовремя закончить подготовку к переходу на новые условия оплаты труда.

— А перспективная?

— Полный хозрасчет... В объединении он существует, в бригадах — частично. Но никто не хочет быть сегодня слепым исполнителем чьей-то воли, люди сами хотят считать доходы и расходы, участвовать в распределении материальных благ. Вот почему рабочие все решительнее требуют улучшения всей постановки внутрихозяйственного расчета — это условие обязательное и первоочередное.

— И последнее. Случаются у вас трения с руководителями завода?

— Чувствую, некоторым товарищам деятельность совета не очень нравится — влезает в их «ведомства», каверзные вопросы задают: объясни-ка, например, дорогой товарищ, почему завод штрафы платит, почему ты такое допустил, мер не принял? Провел ли балансовую комиссию? Что сейчас предпринимаете? И куда этот товарищ не денется, будет отвечать на совете. А отчитываться перед народом бывает потрудней, наверное, чем в министерстве.

— А с рабочими? Не было упреков, что, мол, Тихоненко больше интересы администрации отстаивает?

— Пока не слышал. А если услышу, придется на очередном заседании совета просить об отставке. Вот еще один аргумент в пользу председателя СТК — рабочего: ему никто не постесняется сказать правду в глаза.

с каким-нибудь «врагом народа», Смородин мужественно вставал на защиту тех, кого знал как преданных коммунистов, кому верил. Так, например, только его вмешательство предотвратило расправу над ведущим инженером Сталинградского тракторного завода Татариным.

Смородин защитил многих. В июне 1938 года с трибуны VII городской партконференции он привел целый ряд фактов бездушного подхода ответственных работников к исключению из рядов ВКП(б). Несколько десятков человек, снятых с работы (а это делалось автоматически), были восстановлены в прежней должности. Причем большинство полностью реабилитированы и вновь вовлечены в активную партийную работу.

На конференции, проходившей два дня, выступило пятьдесят человек. Делегаты единодушно признали политическую линию горкома ВКП(б) правильной, а руководство им со стороны областного комитета — выдержанным. Смородин вновь был избран первым секретарем городского комитета партии.

Было ли страшно Петру Смородину? Какие мысли владели его разумом, когда он поднимался на трибуну конференции, когда открыто шел вразрез с линией, навязываемой сверху? Нам не суждено узнать об этом. Но ясно одно: этот мужественный человек, закаленный в боях и лишениях, верой и правдой служивший делу Ленина, в то время не думал о себе. Хотя наверняка он прекрасно понимал, что, помогая другим, он подставлял себя...

Сразу же после городской партийной конференции по телеграмме из ЦК Смородин был спешно отозван в Москву. Плenum обкома заочно освободил его от обязанностей. В чем же обвинили его? Вот отрывок из выступления на III Сталинградской областной партконференции (июль 1938 г.) нового первого секретаря обкома А. С. Чуянова: «В составе обкома и особенно бюро орудовали замаскировавшиеся враги народа и люди, вызывающие политическое недоверие, которые при непосредственном вмешательстве ЦК ВКП(б) были разоблачены и изгнаны как не обеспечившие проведение политической линии партии — большинство из них как злейшие враги народа. Пробравшиеся в областное и районное руководство, враги народа тормозили реализацию решений февральско-мартовского (1937 г.) и январского (1938 г.) Пленумов ЦК ВКП(б), проводили вредительство в промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте, в советском аппарате, пытались перебить партийные кадры...»

Но областная конференция, где прозвучат эти клеветнические слова, будет позднее. А накануне после городской конференции у Смородина были лихорадочные сборы в Москву и... полная неясность.

Однако неясность рассеялась, как только он ступил на московскую землю. Приехавший вместе с семьей, прямо на вокзале он был арестован. В августе 1938 года его исключили из партии.

Черта под этим актом насилия была подведена в дни работы XVIII съезда ВКП(б) в марте 1939 года, на котором упоминалось, что в Сталинграде разгромлены «осиные гнезда троцкистско-бухаринской, фашистской агентуры — шпионов, диверсантов, убийц и вредителей...» Когда произнесут эти чудовищные обвинения, П. И. Смородин уже не будет в живых. 25 февраля 1939 года его расстреляли...

В 1954 году Петр Иванович Смородин был реабилитирован, решением КПК при ЦК КПСС от 22 марта 1956 года восстановлен в партии.

Его светлое имя, с которого смыта вся накипь ложных обвинений, на века вписано в историю нашей партии и комсомола.

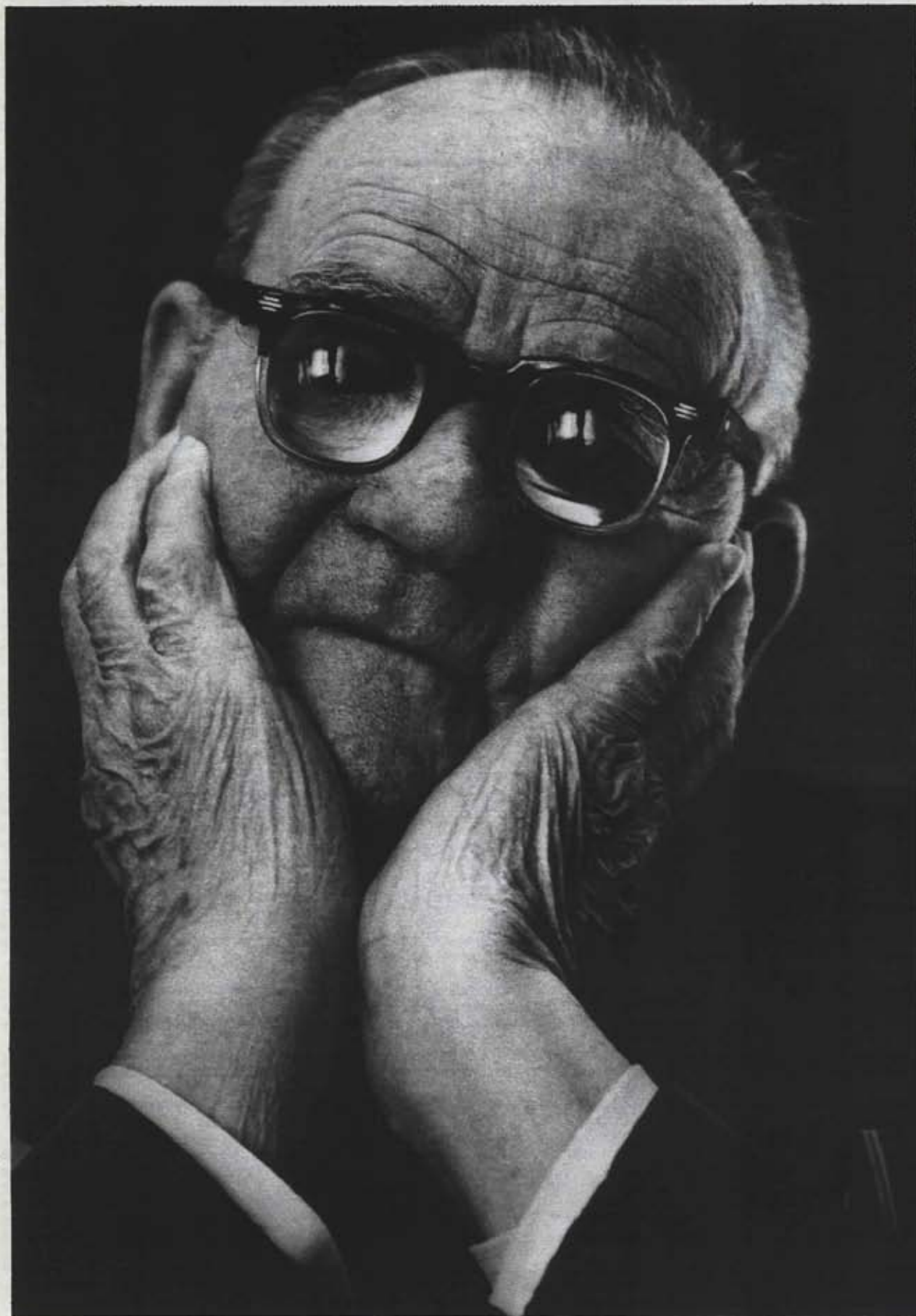

Фото Евгения СТЕЦКО

ВЕТЕРАН

Ленинскому комсомолу исполняется 70 лет.

Как отозваться на чувства, владеющие ветеранами партии и комсомола, которые вновь и вновь возвращаются в эти дни к прожитому, к годам то грозным, то радостным, годам революции, борьбы за счастье трудового народа, годам мирного труда, тоже исполненного подлинного героизма?

Говорят: жизнь прожить — не поле перейти.

Ну, а если жизни идет уже десятый десяток? Сколько ж полей этих исходил Кузьма Григорьевич Егоров, который так славно глядит на нас с вами с фотографии?

Поля его жизни — просторные. До самого горизонта не различить краев, только два цвета: ярко-красный — от трех войн, в которых он пролил свою кровь, и ясная синева — все пережитое им всегда имело счастливый конец.

Собственно, счастливым было, можно сказать, и начало — крестьянский сын Кузьма родом из Калужской губернии в 15 лет приехал в Питер и был принят в булочную Сиднева — сначала развозил булки, а потом был допущен и до ученика пекаря. К этой первой своей профессии он остался неравнодушным и по сей день: к моему приходу сам испек — на дрожжах, по старому рецепту — ватрушку.

Думаю, ясно: чтоб в 96 лет еще и пироги печь — надо большое искусство в руках иметь. Пироги пирогами, а в 1915 году Кузьма Егоров — уже бомбардир бригады, что вела бои на Западном фронте. В одном из сражений был ранен и, как сказано в рапорте, «проявил мужество и героизм», за что награжден Георгием I степени.

Вот вам и первый счастливый конец, с которого, однако, берет начало следующий этап его жизни: непригодного к боевым действиям, Кузьму отправляют на долечивание в Петроград. Шел 1917 год, и там, в госпитале при Политехническом институте, для выздоравливающих были организованы агитационные курсы, которыми руководил Г. И. Петровский. Приближался Октябрь.

Кузьма Григорьевич рассказывает — довольно складно и подробно, — как с другими товарищами по курсам штурмовал Зимний, помнит того матроса, который впереди всех бежал по белокаменной лестнице, как отбирал документы и оружие у членов Временного правительства и препровождал арестованных в Петропавловскую крепость.

В партию Кузьма вступил в 1918 году — рекомендацию ему дал сам Г. И. Петровский. Агитационные курсы он окончил, и то дело, которым теперь занимался, называлось «открывать глаза не тронутым революцией элементам». Организовывали митинги, собирали книги, а у ворот города стоял новый враг — голод и разруха. Кузьма — продотрядовец, хлеб нужен Питеру и Москве. Два вагона с зерном привозит из Симбирской губернии в столицу, сдает зерно в Моссовет и получает направление на рабфак. Теперь перед ним стояла четкая и ясная задача — учиться. Он выбрал медицину.

Сегодня его врачебный стаж исчисляется почти 60 годами. Он лечил Н. К. Крупскую и В. Р. Менжинского, Георгия Димитрова и других видных политических деятелей, всю войну служил начальником прифронтового госпиталя. И только когда исполнилось 80 лет, ушел на пенсию.

Мы говорим про таких людей, как Кузьма Григорьевич: они были первыми! Значит ли это, что нам, их потомкам, выпала доля вторых, пятых, шестых... двадцатых? Конечно, нет! Они и сами, без сомнения, нас поправят: быть первыми — значит быть на передовой, на линии огня. И — только вперед! Для каждого из нас, для всех поколений комсомольцев, где бы ни проходила передовая, ее начало — в Революции, в сердцах ее несгибаемых борцов. Потому что в них — начало и нашей биографии.

ВЕЧЕР, А ЗА НИМ УТРО

Генрих БЁЛЛЬ

Лишь днем после обеда ему пришла в голову мысль сдать рождественские подарки, которые он купил для Анны, в багажное отделение железнодорожного вокзала. Брениг был доволен этой идеей, потому что теперь не надо было сразу же идти домой. С тех пор, как Анна с ним больше не разговаривает, он боится приходить домой; как только он переступал порог квартиры, ее молчание сразу же наваливалось на него и начинало давить, как надгробный камень. Раньше, в течение двух лет после свадьбы, он всегда радовался, когда шел домой: он любил ужинать вместе с Анной, разговаривать с нею, потом ложиться спать. Но больше всего он любил время перед приходом сна. Анна засыпала раньше его, потому что очень уставала, и он, лежа рядом с ней в темноте, слушал ее дыхание, а из глубины улицы свет автомобильных фар время от времени прорезал тьму комнаты под самым потолком, когда же автомобили достигали наивысшего подъема улицы, свет фар опускался, и полосы желтого яркого света на мгновение высвечивали на стене профиль его спящей жены; потом комната вновь погружалась в темноту и лишь на потолке оставались тонкие завитушки узоров, нарисованные через занавеску светом газовых фонарей. Это время он любил больше, чем любое другое время дня, потому что чувствовал, как с него спадало бремя дневных забот и он погружался в сон, будто в теплую ванну.

Сейчас он робко прошелся мимо окошка багажного отделения и увидел, что его картонная коробка по-прежнему стоит на полке между красным кожаным чемоданом и оплетенной бутылкой. Открытый подъемник, спустившийся с перрона, был пуст и бел от снега: он опустился на серый бетонный пол багажного помещения, словно лист бумаги; человек, который его обслуживал, вышел вперед и сказал приемщику:

— Вот теперь будет настоящее рождество. Хорошо, когда дети могут порадоваться снегу, правда?

Приемщик кивнул, молча наколот на гвоздь ярлычки, пересчитал в своем деревянном ящике деньги и недоевчериво посмотрел на Бренига, который вынул из кармана багажную квитанцию, но потом опять сложил ее и сунул обратно в карман. Он приходил сюда уже третий раз, третий раз вынимал квитанцию и опять прятал ее. Подозрительные взгляды приемщика мешали ему, и он поплелся к выходу, остановился там и посмотрел на пустую привокзальную площадь. Он любил снег, любил мороз; еще мальчишкой он всегда наслаждался, вдыхая чистый морозный воздух; сейчас он тоже выбросил сигарету и подставил лицо ветру, который гонял по вокзалу множество легких снежинок. Брениг держал глаза открытыми, потому что ему нравилось, когда снежинки приклеивались к его ресницам, все новые и новые, в то время как старые таяли и сбегали маленькими капельками по щекам. Мимо него быстро прошла девушка, и он видел, как ее зеленая шляпка, пока она бежала через привокзальную площадь, покрылась снегом, а когда она стояла, ожидая трамвая, он узнал в ее руке маленький красный кожаный чемоданчик, который находился в багажном помещении на полке рядом с его коробкой.

Не надо было жениться, подумал Брениг, тебя поздравляют, дарят цветы, присылают глупые телеграммы, а потом тебя оставляют в покое. Иногда у тебя интересуются, всю ли необходимую кухонную утварь ты приобрел, начиная от солонки и кончая плитой, а напоследок тебя еще спрашивают, не забыл ли ты также купить и поставить в шкаф бутылочку суповой приправы. Тебе подсчитывают, сколько нужно, чтобы содержать семью, но что значит быть се-

мьей, тебе никто не скажет. Тебе дарят цветы, двадцать букетов, пахнут как на похоронах; затем у тебя на пороге дома разбивают пару фарфоровых тарелок и тебя оставляют в покое.

Мимо прошел какой-то мужчина, Брениг догадался, что тот был пьян. Он напелал: «Вернитесь, годы...» — но Брениг в его сторону не посмотрел и лишь позже, заметив, что мужчина в правой руке нес бутылку, понял, что его коробка с рождественскими подарками для жены теперь стоит одна на верхней полке в багажном помещении. В коробке находились две книжки, зонтик и большое фортельяно из шоколада мокко: белые клавиши были сделаны из марципана, черные — из чистого миндаля. Шоколадное фортельяно было величиной с энциклопедию; продавщица сказала, что срок годности шоколада полгода. Наверное, я слишком молод, чтобы жениться, подумал Брениг, наверное, мне следовало подождать, пока мы с Анной стали бы немного серьезнее. Но он считал себя уже достаточно серьезным, и в серьезности Анны он также не сомневался. Поэтому он ее и любил. Ради времени перед приходом сна он отказывался от кино, от танцев, не придерживался договоренностей. По вечерам, когда он лежал в постели, его охватывали набожность, смирение, и тогда он сам себе часто повторял предложение, которое дословно уже не помнил: «Бог создал Землю и Луну и велел им быть хозяевами дня и ночи, повелевая светом и мраком, и Бог увидел, что это хорошо. Так возникли вечер и утро». Брениг несколько раз собирался посмотреть это место в библии Анны, но вновь и вновь забывал. То, что бог сотворил день и ночь, представлялось ему по крайней мере таким же замечательным, как и сотворение цветов, зверей и человека.

Он любил время перед приходом сна больше всего. Но с тех пор, как Анна с ним не разговаривает, ее молчание давит на него словно гиря. Если бы она только сказала: «Что-то похолодало...» или «Будет дождь...» — у него сразу бы гора с плеч; стоило бы ей только сказать «Да, да», или «Нет, нет», или еще что-либо, даже менее значительное, он был бы счастлив, и мысль о возвращении домой не казалась бы больше страшной. Но иногда ее лицо было словно каменное, и в такие моменты он вдруг представлял себе, как она будет выглядеть, когда постареет; ему становилось страшно, он вдруг видел себя на какой-то каменной равнине, видел себя тоже старым, с лицом, как у некоторых своих знакомых: испещренным огорчениями, судорожным от поглощенных страданий и постепенно окрашенным желчью — изборожденная буднями маска, похожая на череп.

Хотя он знал Анну только три года, но иногда представлял себе, как она выглядела, когда была маленькой; он видел ее десятилетней, серьезной и мечтательной девочкой, склонившейся в свете лампы над книгой; темные глаза блестят под светлыми ресницами, рот полуоткрыт от захватывающего чтения... Часто, когда он за обедом напротив нее, выражение ее лица менялось, как меняются при встряхивании узоры в калейдоскопе, и он вдруг представлял себе, что она ребенком так же сидела за столом, осторожно разминала вилкой картошку и медленно лила на нее соус... Снег почти склеил его ресницы, но он еще мог узнать «четверку», которая медленно скользила по снегу, как сани.

Мне, наверное, следовало бы ей позвонить, подумал он, и попросить Мендеров позвать ее к телефону, тогда бы она стала со мной разговаривать. Вслед за «четверкой» должна идти «семерка», последняя

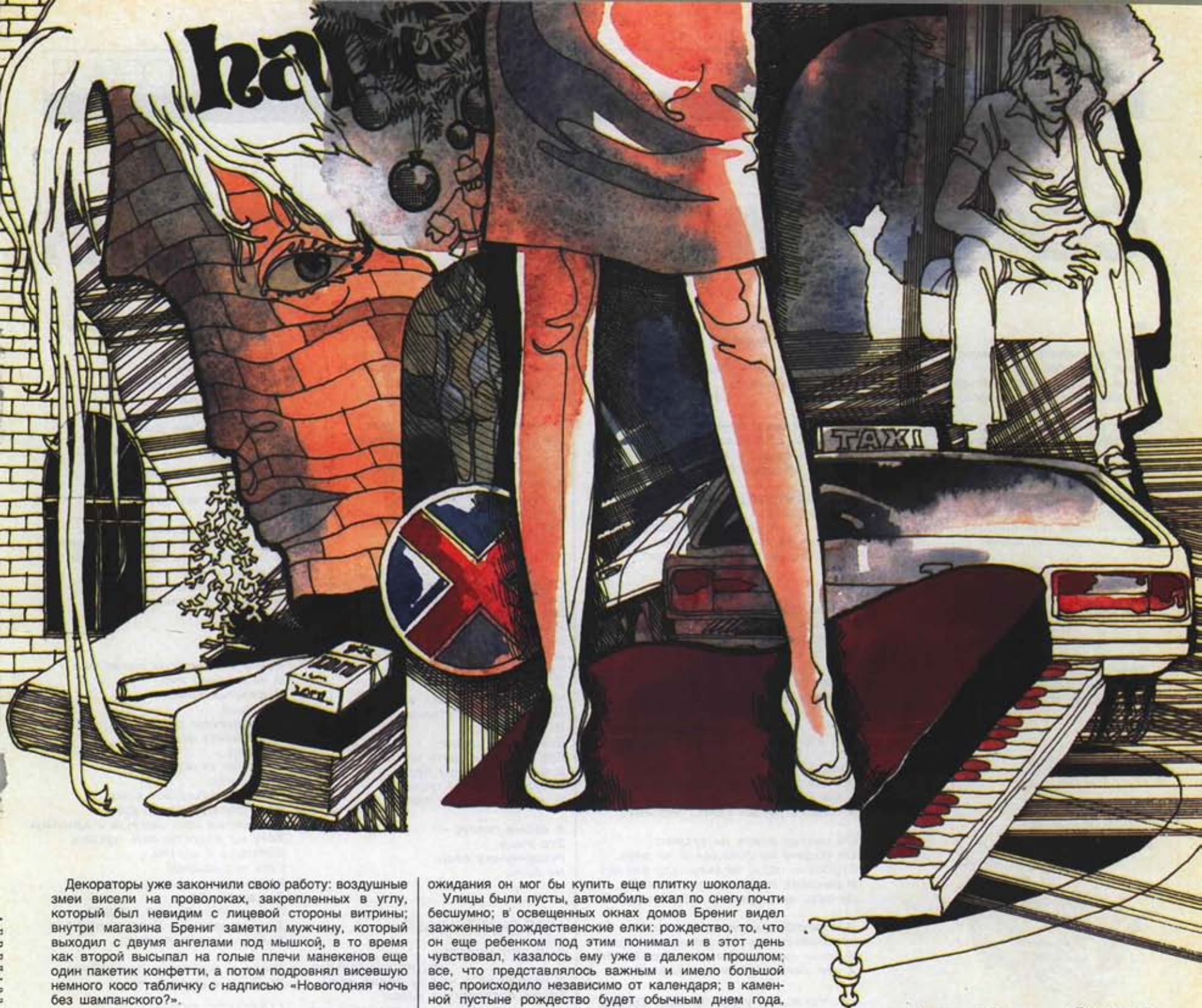
в этот вечер, но он озяб и медленно пошел через площадь; уже издали он увидел ярко освещенную голубую «семерку», в нерешительности остановился возле телефонной будки и заглянул в витрину, где декораторы заменяли Дедов Морозов и ангелов другими манекенами: декольтированными дамами, у которых голые плечи были посыпаны конфетти, а к запястью были привязаны воздушные змеи. Манекены кавалеров с проседью в волосах декораторы усадили на высокие стулья у стойки бара, где на полу лежали рассыпанные пробки от бутылок шампанского; у одного манекена они уменьшили крылья и локоны, и Брениг удивился, как быстро ангел может превратиться в бармена. Усы, темный парик, к стене прибита табличка с надписью «Новогодняя ночь без шампанского?».

Здесь рождество закончилось еще до того, как оно началось, подумал Брениг; и пока он рассматривал свое отражение в витрине, снег покрыл его волосы, как верхушку дерева; подобные бугорки он, бывало, видел на частокале. Вдруг Брениг подумал, что жилистые люди не правы, когда говорят, что молодость — это веселая и беззаботная пора; когда ты молод — для тебя все серьезно и сложно и никто тебе не поможет. Он удивлялся, что не чувствует ненависти к Анне из-за ее молчания, что у него нет желания жениться на другой. Все слова, какие только можно придумать для такого случая, утратили всякий смысл: извиниться, развестись, все начать снова, время лечит — все эти слова не помогут. С этим нужно справиться самому, потому что у тебя не так, как у других, и потому что Анна не такая, как другие женщины.

Декораторы быстро прибили к стенам маски, нанизали на шнурок хлопущки; последняя «семерка» уже давно ушла, и коробка с подарками для Анны теперь стояла одна на верхней полке.

Мне двадцать пять лет, думал он, и за обман, за маленький обман, за глупый обман, который миллионы мужчин совершают каждую неделю или каждый месяц, я должен нести такое суровое наказание: одним взглядом окинуть каменное будущее и увидеть Анну, сидящую подобно сфинксу перед этой каменной пустыней, увидеть себя самого стариком, пожелтевшим от огорчений. Да, бутылочка с приправой для супа будет всегда стоять в шкафу, солонка будет всегда находиться на своем месте, а он уже давно станет начальником отдела и сможет хорошо содержать свою семью: это будет каменная родня, и никогда он, перед тем как уснуть, не будет больше воздавать хвалу создателю вечера, благодарить бога за большой праздник отдыха, и он будет посылать молодым людям к свадьбе такие же глупые телеграммы, какие получал сам...

Другие женщины ради денег, что приносят мужья, посмеялись бы над таким глупым обманом, многие женщины просто уверены, что все мужья обманывают своих жен: возможно, это способ естественной самозащиты, в противовес которому они выдумывают свой собственный обман, но что касается Анны, то ее лицо стало каменным. В книгах о супружеских отношениях он читал, что можно сделать, если в браке что-то не в порядке, но ни в одной из этих книг ничего не написано о женах, у которых лица становятся каменными. В этих книгах описывается, как рождаются дети и что нужно делать, чтобы детей не было; в этих книгах много важных и красивых слов, но простые слова, как правило, отсутствуют.

Декораторы уже закончили свою работу: воздушные змеи висели на проволоках, закрепленных в углу, который был невидим с лицевой стороны витрины; внутри магазина Брениг заметил мужчину, который выходил с двумя ангелами под мышкой, в то время как второй высыпал на голые плечи манекенов еще один пакетик конфетти, а потом подровнял висевшую немного косо табличку с надписью «Новогодняя ночь без шампанского?».

Брениг стряхнул с волос снег и через площадь направился обратно в зал ожидания вокзала, и когда он в четвертый раз вынул из кармана и разгладил багажную квитанцию, то побегал уже так быстро, как будто ему нельзя было больше терять ни секунды. Но багажное окошко оказалось закрытым, а на решетке висела табличка: «Открывается за 10 минут до прибытия и за 10 минут до отправления поезда». Брениг рассмеялся, он смеялся впервые с тех пор, как появился на вокзале; он стоял и смотрел на свою коробку, которая лежала вверху на полке за решеткой, как в тюрьме. Расписание отправления поездов висело рядом с окошком, и он увидел, что следующий поезд будет только через час. Так долго ждать я не могу, подумал Брениг, и сейчас мне не удастся купить ни цветов, ни шоколада, ни даже маленькой книжонки, и последняя «семерка» уже уехала. Впервые в жизни он подумал о том, чтобы взять такси, и сам себе показался очень взрослым и в то же время немного растерянным, когда через привокзальную площадь бежал к стоянке.

Брениг сидел на заднем сиденье машины и в руке держал деньги: 10 марок, последние деньги, которые он хранил про запас, чтобы купить для Анны еще что-то особенное, но ничего особенного он не нашел и теперь сидел в такси и поглядывал на счетчик, который через короткие промежутки времени — как ему казалось, через очень короткие промежутки времени — неудержимо увеличивал сумму, и всякий раз, когда таксометр щелкал, каждый щелчок отзывался у него в сердце, хотя счетчик показывал еще лишь 2,80. Без цветов, без подарков, голодный, усталый и с глупым выражением лица, возвращаюсь я домой, подумал Брениг, и вдруг ему пришло в голову, что в зале

ожидания он мог бы купить еще плитку шоколада.

Улицы были пусты, автомобиль ехал по снегу почти бесшумно; в освещенных окнах домов Брениг видел зажженные рождественские елки: рождество, то, что он еще ребенком под этим понимал и в этот день чувствовал, казалось ему уже в далеком прошлом; все, что представлялось важным и имело большой вес, происходило независимо от календаря; в каменной пустыне рождество будет обычным днем года, а пасха будет напоминать дождливый ноябрьский день: тридцать — сорок оборванных календарей, жестяные держатели с обтрепанными остатками бумаги, лишь это только и останется в памяти.

Он испугался, когда водитель сказал:

— Вот и прибыли...

Но потом он облегченно вздохнул, когда увидел, что таксометр остановился на сумме 3,40. Ожидая, когда водитель даст ему пять марок сдачи, Брениг нетерпеливо поднял голову и вверху увидел свет в той комнате, где рядом с его кроватью была кровать Анны, и у него на сердце стало очень легко. Он решил никогда не забывать этот миг облегчения, и, когда доставал из кармана ключ и вставлял его в замок, к нему вновь пришло то глупое чувство, которое у него возникло, когда он сел в такси: он сам себе показался очень взрослым и в то же время немного растерянным.

В кухне на столе была рождественская елочка, а рядом лежали подарки для него: носки, сигареты, новая авторучка и красивый цветной календарь, который он повесит у себя в бюро над письменным столом. Молоко стояло на плите в кастрюле, ему нужно было только зажечь газ, на тарелке лежали готовые бутерброды, но так было каждый вечер, так же и в последнее время, когда Анна с ним больше не разговаривает; и рождественская елка, и подарки — все это было таким же обычным делом, как и приготовление бутербродов: естественная обязанность, а Анна всегда выполняла свои обязанности. Молока ему не хотелось, не привлекали его и аппетитные бутерброды. Он вышел в маленькую прихожую и сразу увидел, что Анна потушила свет. Но дверь в спальню была открыта, и он, хоть и без большой надежды, тихо позвал жену, которая, по-видимому, находилась в темном углу:

Рисунок Ильеса АЙДАРОВА

— Анна, ты спишь?

Ему показалось, что он ждал очень долго, словно его вопрос падал в бесконечную пропасть, и в мрачном молчании темного угла спальни отразилось все, что его еще ожидало и через тридцать, и через сорок календарных лет, и когда Анна сказала: «Нет», — ему показалось, что он ослышался, что слух его обманывает, и он торопливо и громко сказал:

— Ты знаешь, я сделал глупость. Я купил тебе подарки и положил их в камеру хранения на вокзале, а когда хотел их забрать, было закрыто, и я не хотел ждать. Ты не обижаешься?

В этот раз он не сомневался, что слышал, как она сказала «Нет», — но ее ответ, как ему показалось, прозвучал не из угла комнаты, где стояли их кровати. Наверное, Анна передвинула свою кровать к окну.

— Я купил тебе зонтик, — сказал он, — две книжки и маленькое фортепиано из шоколада, оно величиной с энциклопедию, клавиши сделаны из марципана и миндаля.

Он замолчал, ожидая, что ему ответит Анна, но в темном углу было тихо, однако, когда он спросил: «Ты рада?» — ее «Да» прозвучало быстрее, чем перед этим ее оба «Нет»...

Брениг потушил на кухне свет, разделся в темноте и лег в свою постель: в окнах напротив сквозь занавески ему были видны рождественские елки, внизу в доме кто-то пел, а к нему опять пришло его любимое время, теперь у него было два «Нет» и одно «Да», и когда вверх по улице стал подниматься автомобиль, его фары высветили из темноты профиль Анны...

Перевел с немецкого
Анатолий РЫБИН. 9

СВЕТИАНА СОЛОЖЕНКИНА

■
Хочу запомнить эту землю,
пока не высохла роса,
пока в пруду кувшинка дремлет,
и птиц прохладны голоса.

Хочу туман запомнить зыбкий,
деревья в белой полумгле,
хочу не пожалеть улыбки
совенку, спящему в дупле.

Хочу поправить одеяло,
склонясь к любимому. Хочу,
чтоб солнце чуть попозже встало,
его погладив по плечу.

Быть может, атомным распадом
отмечен будет каждый лист,
но воздух, веющий из сада,
так ароматен, так душист.

Хочу запомнить землю эту,
пока не отцвела сирень.
Хочу запомнить землю эту —
спокойно ждущую рассвета
и верящую: будет день.

Как поднялась у варвара рука?
А впрочем, задавать вопросы
поздно:
та самая рука — спустя века —
нажмет на кнопку...
И погаснут звезды.

Друг Архимед! Неужто на песке
писалось все: холсты, поэмы, ноты?
Зачем я здесь, в невысказанной тоске,
свести пытаюсь с варварами счеты?

Пока взлетают в небо корабли,
я буду жить...
Но кровь от мысли стынет:
уберегу ли сыновей Земли
я, своего не уберегший сына?

■
Тесьма! Да ты смеялась надо мной!
Речонка детства моего, за что ты
отгородилась от меня болотом?
Все та же я, да стала ты иной.

Узнай меня! Не я ли здесь с сестрой
синявки и краснявки собирала?
Не я ль в твоей воде
платок стирала?
Где это все? Далёко — за горой!

Стою — и ничего я не пойму:
откуда здесь сырая эта пойма?
А вот косарь идет по ней спокойно —
и, зная, сгребает сено... Что ему?

Он никуда вовек не уезжал.
Он родину не покидал и на день.
Спроси — поди, не знает, где вокзал.
И никаких стихов он не писал.
Да есть ли в доме у него тетради?

Я промочила ноги, но к реке
приблизиться я не смогла ни капли.
И вот — грущу на кочке, вроде цапли...
А что косарь? А он уж вдалеке.

Ну, что ж, и я уйду. Прощай, Тесьма.
Я слышу, как звенишь ты
в полумраке...
Деревья — как приспущенные
флаги.

Я буду ждать. Ты позовешь сама.
Когда-нибудь, за дымок голубой,
проступит все, прожитое недаром,
и я опять предстану пред тобой —
с подснежником в руке,
в пальтишке старом...

■
Засыпан город тополиным снегом.
Ни лето, ни зима — наполовину...
И облако семнадцатого века
застыло над старинным мезонином.
Я на прогулку в час закатный выйду,
чтоб ощутить, что значит
«время оно».
Хочу я навестить кариатиду
под вывеской
«Прокат аккордеонов».

А вот стена глухая и калитка,
зеленый дворик и лопух огромный.
Кто здесь живет?
Красавица улитка —
мещанкой добродетельной
и скромной.

Она за жизнь немало повидала...
Кто там идет чужунными шагами?
Тень Грозного мелькнула —
и пропала,
и фонари в испуге замигали.

■
Облако цветущее над домом,
пышное, как белая сирень.
Ослепительны его изломы.
На дорожке — голубая тень.

Алый мак, зеленый лук на грядке,
джунгли по-русски — лопухи...
Запевают в стройном беспорядке
яркие, как сказка, петухи.

Жаба смотрит на меня с опаской,
думает: обиду или нет?
Милая! Живи себе прекрасно
много долгих и счастливых лет!

Все равно мне,
бел мой хлеб иль черен,
мне моя горбушка не мала...
Никому я не желаю горя.
Никому я не желаю зла.

МОНОЛОГ ДЕДАЛА

Я знал, что он погибнет, но не мог
я пленником бескрылым видеть сына.
Пускай мгновенье — был он полубог!
И рухнул — дерзкий,
молодой и сильный...

А мне который век покоя нет.
Я горестно корплю над чертежами.
Кто мог помочь мне? Разве Архимед?
Но нет его давно уж между нами.

ДИОМИД КОСТЮРИН

СЕРЫЙ ГЛОБУС

Был небосвод свинцов и ал.
Он на него взглянул с опаской,
И глобус весь зарисовал
Одной-единственной краской.

В один истошно-серый цвет
До пепла выжженной пустыни.
Его давно на свете нет,
Но глобус кто-то и поныне
Хранит
И подновляет цвет
На осязаемой святыне.
Его давно на свете нет,
А кажется,
Что жив поныне.

Об этом глобус говорит.
Вернее — это утверждает.
Земля горит, горит, горит,
И детский голос тает, тает
На сером глобусе его,
На обескровленном рассвете,
Где все так пусто
И мертво,
Что только он один на свете.
Но накопилось столько лет,
И каждый год
Все жестче судит.
Его давно на свете нет
И никогда уже не будет,
А будет голубая тишь
И желтое до неба поле...

А серый глобус —
Это лишь
Испорченная вещь,
Не боле.

РУССКИЙ ИКАР

Был этот молодец
других крамольней,
И потому ни в чем не ведал край.
Решив поспорить с небом
колокольней,
Ступил с улыбкой странно на край.

Последний шаг —
До иступленья резкий —
Столь походил на дикое
«Невмочь!»,
Что дрогнули в Калуге занавески
И звездным прахом пронизало ночь.

Да, дрогнули в Калуге занавески
Всего-то лет через пятьсот.
И он
Взглянул туда,
Растерянный и дерзкий,
Где смертный взгляд
Кончался испокон.

Внизу толпа отчаянно галдела,
Толпу томил
Ее же гнев и страх.
И гнев, и страх
Не ведали предела,
Но были ниже
Крыльев на плечах —
И в этом-то все дело.

Остальное
Решило испарившее чело,
Когда его
Воздушной волною
Чуть выше
Колокольни занесло,
Чтоб дрогнули в Калуге занавески
И звездным прахом пронизало ночь.
Последний шаг —
До иступленья резкий —
И больше не унизить,
Не помочь...

■
Махну к знакомым лесорубам
В неведомый мир,
В далекий край,
Чтоб там,
Под одеялом грубым,
Припомнить эту жизнь,
Как рай,
А не как скуку
И не муку,
Не как шараду без конца.
Хочу подать метели руку,
В тяжелый снег шагнуть с крыльца.
Хочу не мудрствовать лукаво,
Смотреть в костер,
Есть все подряд.
Хочу туда,
Где величаво,
Где верят в то, что говорят.
Хочу припасть к России чубом —
Мне это нужно позарез...

Махну к знакомым лесорубам...
Пока не вырубил лес.

НАПУТСТВИЕ

Может, вправду все тебе по силам.
Только прежде чем достигнуть звезд,
Поклонись прадедовским могилам
И мечтами их измерь свой рост.

Не стесняйся,
Сильный и упрямый,
Лишний раз слезе подставь грудь.
Рядом встань с единственной —
С мамой, —
Чтобы подрасти еще чуть-чуть.

В мире ослепительном и звонком,
Где ветра порой наискосок,
Не забудь,
Склонившись над ребенком,
Вспомнить,
Как ты можешь быть высок.

ГРАЧИ УЛЕТЕЛИ

Памяти Василия Федорова
Эта живопись в жилу,
А эта не кассова,
Ибо к ней понимания стерты ключи...
Прилетели грачи
На картине Саврасова,
На картине моей
Улетели грачи.
На картине моей
Сила ссорится с волею,
И грачи возвратятся обратно сюда
По весне, через год,
Через два или более,
Может быть, не вернуться они никогда.

Воздух сконцентрировался, набух стилой сыростью, и вечернее небо, словно в обрыв, провалилось в ночь. В течение дня резкие крены погоды тут случаются раз по пять, теперь же до утра перемен ждать не приходится.

Мы вошли в землянку. Виктор Будник разлил по алюминиевым кружкам чай-кипяток, настоящий на верблюжьей колючке, улыбнулся:

— Знаешь, мои ребята шутят: «Скоро в пустыне Каракумы не останется ни одного верблюда — исчезнет колючка».

Шутка понятна нам обоим: сырую воду пить тут нельзя, ее кипятят, настаивают на колючке, иначе миглом подхватишь болезнь Боткина. Я перевел взгляд на книжную полку и поразился — почти все, что читают нынче в Москве, было на ней. Заметив мой взгляд, Виктор сказал в раздумье:

— Читаю все, что сумею достать, и знаешь, чего постичь не могу? Личность Сталина. Ну, не укладывается у меня его образ в голове. Настолько он противоречив, сумрачен.

— Ах, Виктор, да неужели ты один...

В этот миг отчетливо ухнуло вдалеке несколько взрывов, забил пулемет, возвращая нас в сегодняшний день.

— Крупнокалиберный, — сказал Виктор, и мы вышли.

Здесь, на стыке Афганистана и Ирана, хорошо видны и слышны с нашей границы отголоски афганской войны. И застава, которой командует Виктор Будник, возможно, самое напряженное и беспокойное сегодня место всей нашей границы.

Дело тут даже не столько в войне,

сколько в том, что афганские и иранские контрабандисты пытаются использовать территорию СССР в районе стыка трех государств для транспортировки через нее наркотиков и вырученных за них денег. Зелье выращивается в Афганистане, но, чтобы попасть к потребителям в Иран и, возможно, далее, ему приходится пройти довольно сложный и рискованный путь. Для начала его нужно вырастить и доставить через воюющую страну к северной границе с Ираном. Входить напрямик в Иран чрезвычайно опасно: после начала ирано-иракской войны всем жандармским постам для искоренения коррупции и пособничества контрабандистам были приданы представители КСИР — Корпуса стражей исламской революции. И теперь пойманных с поличным в Иране контрабандистов наркотиками расстреливают на месте. К тому же именно тут, в районе стыка, проходят по нашей территории веками и тысячелетиями сложившиеся торговые пути, которые и пытаются использовать ныне контрабандисты. Здесь десятки скрытых в скалах многокилометровых щелей и проходов, наличие воды и возможность спрятаться в каменных завалах и пещерах.

Немного истории. Существует легенда, согласно которой святой Зюльфагар изготовил некогда всемирный карающий меч и решил испытать его, разрубив скалу. Так и возникло ущелье — караванный путь Зюльфагар, по которому хаживал еще Александр Македонский. В здешних местах была выставлена застава, где ныне начальником Виктор Будник. И уже вскоре неприютные скалы стали обретать новые имена. Так, одна из щелей носит имя красноармейца Нефедова, в течение

двух часов сдерживавшего банду басмачей с грузом контрабанды. Уже в шестидесятых годах в той же щели Нефедова трое пограничников вступили в бой с конными контрабандистами, пытавшимися провезти наркотики, драгоценности, валюту.

В 1980 году, через два месяца после окончания Высшего погранучилища имени Ворошилова, Виктор Будник в тех же местах произвел свой первый боевой выстрел. Группа контрабандистов из Афганистана пыталась прорваться через территорию СССР. Тогда Виктору было двадцать лет. Теперь это уже история...

Мы летим с тревожной группой на вертолете зигзагообразными виражами довольно близко к земле, в точности повторяя изломы погрансистемы. Пограничники сосредоточенно наблюдают за местностью в открытые иллюминаторы, а на мое плечо зачем-то положила свою здоровенную морду овчарка по кличке Гюрза и глядит туда же, лишь капельки с ее носа иногда падают мне на руку. Не очень-то уютно — добрых псин тут нет, собак каждодневно натаскивают на захват нарушителя, и я не хотел бы им ненароком оказаться. Есть еще, кстати, «собаки-наркоманки», специализирующиеся на поиске дурмана, «собаки-оружейницы», способные находить спрятанное оружие и боекомплект. Пограничные овчарки, кроме того, дают преимущество пограничникам в схватке с нарушителями — ведь первый выстрел производится в бегущее животное...

А внизу, по крутым отрогам скал и гнутым спинам барханов, уже начинают кое-где распускаться тюльпаны, и вскоре все здесь окрасится в яркий колышущийся пурпур. Лишь редкими зелеными островками будут

выделяться в нем фисташковые деревья да туркменские баобабы, с виду напоминающие тощие пивные бочки. От нас опрометью разбегаются ошалелые от шума лисы, сломя голову скачут стада архаров, однажды из-за валуна выскакивает белый барс с черными пятнами и длинными, упругими прыжками несется в гору. Такого количества диких животных, как в здешних заповедных местах, я не видел еще нигде. Но вот нарушений системы или самих нарушителей мы не встречаем и вскоре возвращаемся на базу.

В районе стыка обстановка самая что ни на есть боевая. Вот уже семь лет каждый год тут перехватываются крупные партии опиума-сырца, так называемого терьяка. Плюс периодически — партии героина, килограмм которого стоит около миллиона долларов. В прошлом году, нарушив систему, два контрабандиста углубились на нашу территорию в сторону близлежащего поселка. При них оказались килограмм героина и почти пуд терьяка. Нетипичность данного случая лишь в том, что нарушители не были вооружены. Как правило же, убедившись, что обнаружены, контрабандисты тут же открывают автоматный огонь. Потери крупных партий наркотиков за последние годы озлобили их до предела, ведь хозяева наркобизнеса не терпят провалов и ссоры на расправу.

Вечер. Идет боевой расчет заставы на предстоящий день, разбивка на группы, уточнение задач, назначение старших. Старшими групп назначают рядовые. Часть из них тут же отправляется на патрулирование, получив боекомплект, часть остается охранять заставу. А сон? Такого понятия у наших парней в маскхалатах тут не существует в обычном, гра-

Андрей БЕНЮХ

Фото Сергея ВЕТРОВА

ЗАСТАВА

жданском смысле. А у офицеров — тем более. Порой, если есть у них возможность поспать полтора часа в сутки, то, как говорит Будник, все в норме. А порой спать не приходится и вовсе по нескольку суток. Служба. Интересно, когда же он читает? А ведь нужно еще быть в курсе международных событий, готовиться в академию, писать скрупулезные отчеты о каждом дне...

— Да уж что заедает, так это бумажная волокита.— Виктор отрывается от писания, потягивается.— Каждый день пишу по роману и скоро выпущу полное собрание сочинений в ста томах.

Оказалось, именно это тяжелей всего для начальника заставы Будника в его погранслужбе, и, как оказалось после разговора с другими начальниками застав, не только для него. Да, селевые потоки и шестибалльные землетрясения, нередкие гости этих мест,— это худо. Да, кобры и гюрзы, скорпионы и фаланги — тоже не подарок, особенно весной, в период пробуждения от спячки. И даже с контрабандистами можно справиться. Но бумаги... Что ж, любимая присказка Виктора Будника:

«Кому суждено утонуть — не повесится». А ведь в бумагах-то можно и утонуть...

На ужин, как, впрочем, и на завтрак, и на обед, была верблюжатина. Ох, и старый, видать, был тот верблюд, но дело скорее не в нем, а в снабженцах.

...Утро выдалось теплым, солнечным. Вновь к системе на предельных скоростях выезжала тревожная группа, возвращались и заступали в наряд пограничники, сменялись наблюдатели на вышке. Готовая к отражению возможного нападения и одновременно охраняющая государственную границу, застава жила своей обычной жизнью. А вдоль бронетранспортера, взобравшись на трехколесный велосипед, катались оба сына Будника — Димка и Володя. Максимум удаления от дома — десять метров, друзья — ребята-пограничники, их собачки-овчарки и лошадки. Эти двое мальчишек да их мама Ирина — вот и все гражданское население заставы.

Мы стоим с Виктором на самом краю нашей земли, впереди — Афганистан. Днем тут тихо, лишь редко громыхнет отдаленный взрыв,

и облако оседающей пыли долго покачивается, чуть перемещаясь на ветру. Зато ночью в лакированный до звездного блеска свод проливаются с грохотом ярчайшие краски — зеленые трассеры струятся ввысь. Порой их обрывают, словно удары гигантского хлыста, вспышки, и через секунду долетает звук разрыва.

Возможно, воюют конкурирующие банды или группировки контрабандистов сражаются за сферы влияния, возможно, просто идет война. Как она идет, не умолкая, вот уже восемь лет. Все возможно...

Хозяин этих мест — Аскери и его мулежи-охранники, афганские белуджи, проживают здесь и контролируют крупный участок территории, примыкающей к СССР. Сам Аскери теперь лоялен к кабульскому правительству, которое его вооружило и дало запасы продовольствия. Одновременно Аскери — один из крупнейших торговцев наркотиками на севере Афганистана, и это дает ему основной доход. Парадоксы и реалии войны налицо и тут.

— У контрабандистов выработалась челночная тактика,— объясня-

ет Будник.— Если замечают пограничники, они уходят с нашей территории в Иран, если обнаруживают иранские жандармы, перескакивают через речку Тедженку к нам. Последнее крупное столкновение с контрабандистами произошло как раз вот в этом месте.

— Виктор, как они выглядят, эти контрабандисты?

— В отличие от чабанов или крестьян вполне модные ребята: джинсы, кроссовки, чистые сорочки, дутые куртки-безрукавки с карманами для магазинов и гранат. Ну и, конечно, автомат. Наркотики в мешках они транспортируют на ишаках или лошадках и если прорываются, то обратно в тех же мешках тащат деньги.

У Виктора Будника — две медали: «За боевые заслуги» и «За отличие в охране государственной границы СССР». Мы не ехали к нему специально, но так уж совпало, что в один из дней нашего приезда на заставу ему был вручен орден Красной Звезды.

— Дело было так: обнаружили мы контрабандистов. В зарослях они пытались спрятать лошадей, навьюченных мешками, и вечером, судя по

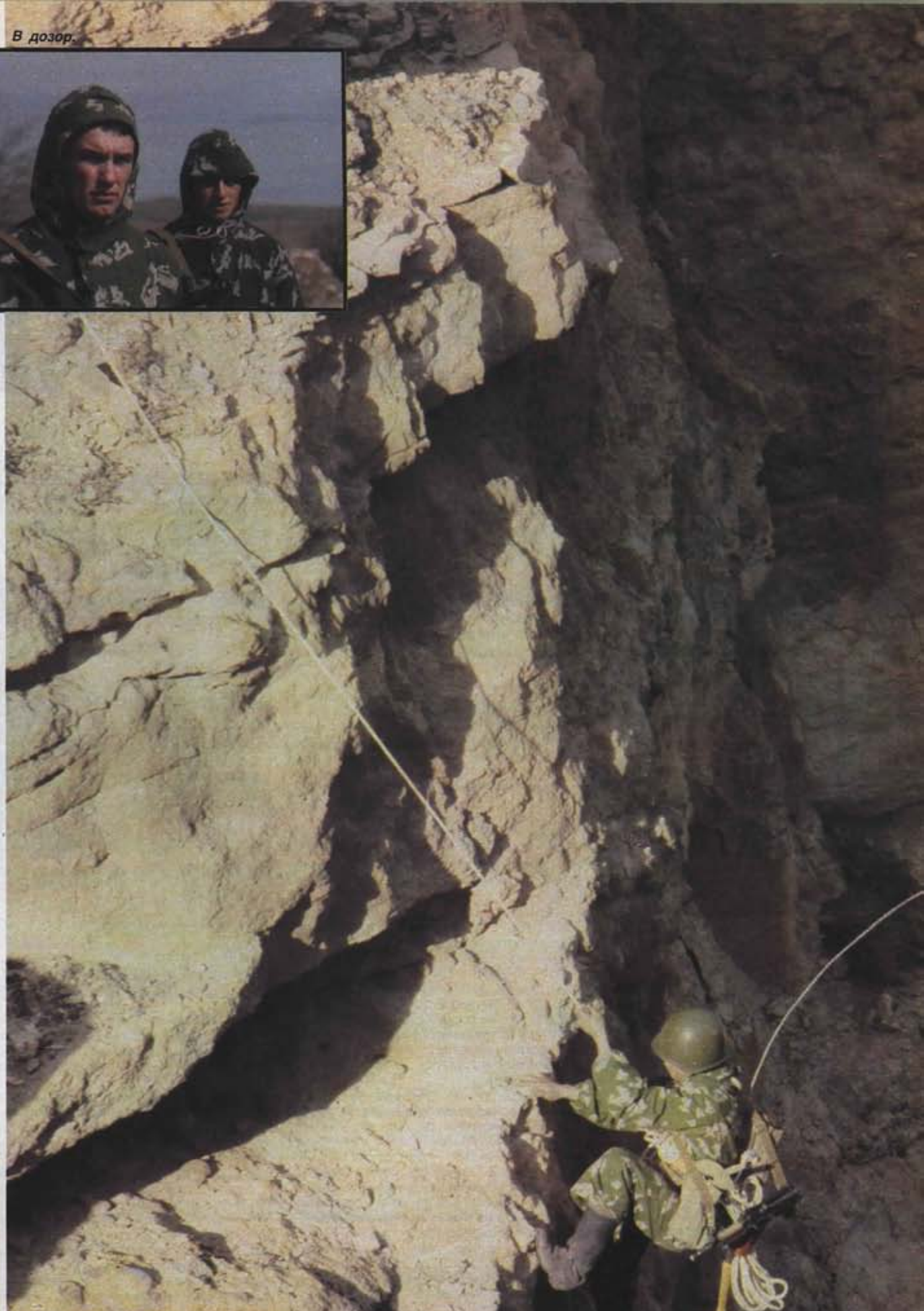

Самая безотказная техника.

всему, готовились двинуться по нашей территории далее, чтобы затем углубиться в Иран. Я был одним из руководителей по захвату и уничтожению этой группы. Заметив нас, они открыли автоматный огонь и ринулись к реке. Двоим удалось перебраться на тот берег и открыть огонь с сопредельной территории, третий контрабандист был убит при входе в Тедженку. У нас потерь не было, на месте перестрелки обнаружили солидную партию наркотиков: в основном опиум-сырец и героин. Автоматы, гранаты, боекомплект. Вот, пожалуй, и все...

Нам оставалось провести на заставе последнюю ночь. Произведя боевой расчет, Виктор зашел в землянку, неторопливо снял новенький орден. В кружке с чаем пять красных граней ордена были еле видны. Что ж поделаешь, сухой закон на границе не подвластен даже вековым традициям русских офицеров. Вслушиваясь в дальнюю ночную канонаду, каждый из нас сделал по большому глотку. Чай был крепкий, терпкий, с горчинкой, какого никто из нас, гражданских, ранее не пивал.

У Виталия Брюхова — первый разряд по скалолазанию.

Сергей КАЛЕНИКИН,
специальный корреспондент «Смены»

НАДО РАЗОБРАТЬСЯ...

Фото Альберта ЛЕХМУСА

— Алло, редакция? Скажите, что случилось со Стрельниковой? Почему о ней ничего не сообщает центральная печать?

— Где найти Александру Николаевну? Дайте адрес! Пожалуйста...

— Это правда, что Стрельникова пошла на попятную? Говорят, ее разоблачили; оказалась аферисткой. Право, как-то все это в голове не укладывается. Что вам известно?..

Стрельникову ищут. О ней спрашивают. Ею интересуются. Люди звонят, пишут. Они требуют ясности: какова судьба Стрельниковой — автора широко известной парадоксальной дыхательной гимнастики? Той самой гимнастики, которая, по мнению многих людей, может с успехом использоваться при лечении астмы, различных бронхитов и других легочных заболеваний.

В чем суть гимнастики? Почему она парадоксальная? Каковы ее принципы?

Основной принцип: «вдох на сжатии». В этом, собственно, и состоит весь парадокс. Ведь мы привыкли (вернее сказать, нас учили) дышать совсем иначе. То есть, выполняя традиционную гимнастику, при наклонах делаем выдох, при выпрямлении — вдох. У Стрельниковой все наоборот. При физических нагрузках — наклонах, поворотах, приседании — вдох носом, делается он резко, «шумно», а, скажем, при выпрямлении — произвольный, легкий, пассивный выдох. Гимнастика выполняется энергично, на музыкальный счет... Впрочем, она имеет немало особенностей. Не будем на них останавливаться — не это наша задача. Скажу лишь, что дыхательная гимнастика не от лукавого — за ней годы кропотливой работы. В ее основе — «Способ лечения болезней, связанных с потерей голоса», за который А. Н. Стрельникова в свое время получила авторское свидетельство.

Нет, Александра Николаевна Стрельникова не отступилась, не отрелася от своей гимнастики. Она, как и прежде, не считаясь со временем, личными интересами и здоровьем, дает свои уроки, читает лекции. И все так же вдохновенно, целеустремленно, увлеченно. Разве что уставать стала больше — возраст все-таки дает знать. Но, как и прежде, Стрельникова принимает больных в своей крохотной квартирке. И не только больных; ее «пациенты» и врачи, которые приезжают к Стрельниковой из многих городов страны: берут уроки, учатся, чтобы использовать гимнастику в своей практике. Наплыв людей. Сутолока. Груды верхней одежды и обуви. Порой не повернуться, не продохнуть. Неудобно. Тесно. Душно.

Но, как и раньше, Стрельникова никому не отказывает.

Да и как откажешь, когда у человека горе, боль, несчастье. Как откажешь, когда люди к ней идут и едут с надеждой, несмотря на то, что парадоксальная дыхательная гимнастика на птичьих правах, ибо официальной медициной не признана и не рекомендуется ни больным, ни здоровым.

И здесь — не без парадокса.

А началось все с того, что после неоднократных, настоятельных обраще-

ний А. Н. Стрельниковой, под давлением общественности и центральной прессы Минздрав СССР еще в 1981 году принял решение о проведении научного эксперимента, который и должен был дать научно обоснованное заключение об эффективности дыхательной гимнастики.

Создается комиссия во главе с профессором В. А. Силуяновой. В Ленинградском ВНИИ пульмонологии и в Московском ЦНИИ курортологии и физиотерапии специалисты проводят исследование.

Как бы предвосхищая их результаты, профессор В. А. Силуянова разоблачает «знахарку» Стрельникову. Публично — за «круглым столом» редакции газеты «Советская Россия» (см. № от 27 апреля 1982 года: «Следовать ли моде?»). Выводов, правда, никаких не делается, но профессор четко дает понять: у Стрельниковой дела — швах. При этом поясняет: «Врачебный контроль осуществлялся на самом высоком уровне».

А после, уже в 1983 году, на основании материалов эксперимента, выводов комиссии комитет по терапии Ученого медицинского совета (УМС) Минздрава СССР заключает: «комитет считает невозможным рекомендовать метод Стрельниковой А. Н. для практического применения у здоровых и больных, так как он не имеет научно-теоретического обоснования».

Нет, дело, как оказалось, не только в отсутствии научных обоснований.

В решении бюро президиума УМС есть такое пояснение: «метод, предложенный т. А. Н. Стрельниковой, прошел объективную проверку и однозначно отрицательно оценен комиссией Минздрава СССР», институтами, ведущими специалистами. На этом основании бюро президиума УМС утверждает заключение комитета по терапии. И подписи: председатель УМС академик О. К. Гаврилов (уже бывший председатель), главный ученый секретарь УМС кандидат медицинских наук Н. А. Шлугер (ныне — заместитель начальника Главного научно-технического управления Минздрава СССР). Решение от 8 февраля 1983 года.

— Быть того не может! — протестовала Александра Николаевна, направляя в «Советскую Россию» письмо за письмом, в которых убеждала редак-

цию в предвзятом к ней отношении, субъективизме медиков, извращении эксперимента. Потом выяснилось, что Стрельникова была не так уж и далека от истины.

— Несмотря на мои возражения, — рассказывала Александра Николаевна, — экспериментальные группы составили так, что в них почему-то оказались и стар, и млад. Больные, страдающие заиканием, бронхиальной астмой и сердечно-сосудистыми заболеваниями, выполняли один и тот же комплекс упражнений, с одинаковой продолжительностью, без учета сопутствующих заболеваний, возраста, индивидуальной переносимости упражнений!..

Как бы там ни было, а эксперимент, проводимый по такой схеме, конечно же, был заведомо обречен.

Мне не раз приходилось бывать у Стрельниковой. В небольшие группы она обычно объединяет молодых — больных, которые не имеют тяжелых сопутствующих недугов и обладают должной физической подготовкой. С малолетними детишками, престарелыми, слабыми людьми Александра Николаевна, как правило, занимается индивидуально. Дает уроки, обучает дыхательным упражнениям. И не более. Больной, занимаясь индивидуально, делает то, что ему по силам, постепенно увеличивая нагрузки.

Метод А. Н. Стрельниковой «однозначно отрицательно оценен комиссией Минздрава СССР». И эта часть формулировки вызывает недоумение.

И. И. Воробьева, специалист НИИ туберкулеза — а она являлась членом той самой комиссии, — установила, что гимнастика вызвала положительный эффект у большинства людей, страдающих бронхиальной астмой и астматическим бронхитом! О целесообразности парадоксальной гимнастики говорили также доктор биологических наук Р. С. Виницкая, профессор Института педиатрии АМН СССР, председатель Всесоюзного научно-медицинского общества по лечебной физкультуре и спортивной медицине С. В. Хрущев, академик АМН А. Г. Чучалин...

Гимнастика Стрельниковой с успехом используется многими практикующими врачами в различных медицинских учреждениях страны — в Крыму, Кишиневе, Москве... Об этом, кстати, шла речь и в критической публикации «Дышать или не дышать?» (см. «Советскую Россию» от 14.02.86 г.), которая поставила под сомнение и ход эксперимента, и выводы комиссии.

Как среагировал Минздрав? В общем-то по-деловому. Несмотря на то, что на специальном совещании мнения ученых разделились — одни по-прежнему были против гимнастики, другие, наоборот, считали, что все же надо разобрататься, — тогдашние заместитель министра А. Г. Сафонов и начальник главного управления лечебно-профилактической помощи А. М. Москвичев (ныне он заместитель министра) приняли решение о повторном эксперименте. Планировалось организовать несколько

групп больных: основные и контрольные. Предполагалось и участие в эксперименте Стрельниковой. Решение Минздрава было опубликовано в «Советской России».

Тем не менее в «Медицинской газете» (см. № от 21 марта 1986 года: «Медицина: сенсации и реальность») бывший председатель УМС академик О. К. Гаврилов вновь отрицательно высказался по поводу гимнастики Стрельниковой, опираясь при этом все на тот же «эксперимент» 1981 года, который не вызвал у академика никаких сомнений.

Повторный же эксперимент так и не состоялся.

А. Н. Стрельникова, поначалу приняв его условия, затем — не без помощи «доброжелателей» — напроочь от него отказалась, засомневавшись в объективном подходе. Решила свою правоту доказать самостоятельно.

Но дело в конце концов не только в Стрельниковой. Не будем лукавить. Несмотря на все предпринимаемые учеными попытки, на некоторые успехи современной медицины в лечении заболеваний органов дыхания, их кривая все еще ползет вверх. Во всяком случае, в нашей стране одних только страдающих бронхиальной астмой почти два миллиона человек! И, думается, парадоксальная дыхательная гимнастика должна вызвать самое пристальное, заинтересованное внимание специалистов.

Понятно, что дыхательные упражнения Стрельниковой — не панацея. Они не разрешат все проблемы в области легочных заболеваний. Но то, что гимнастику можно с успехом использовать в медицинской практике, не вызывает сомнений. Таково мнение практикующих врачей. Об этом говорит их многолетний богатый опыт. И с ним не считаться нельзя.

А. Н. Стрельникова отказалась от участия в эксперименте.

Но почему тогда Минздраву СССР самому не провести этот повторный эксперимент? Ведь больные ждали и ждут его результатов! Методика А. Н. Стрельниковой доступна: она описана во многих центральных журналах и газетах.

Почему бы тогда к эксперименту не привлечь тех медиков, которые парадоксальную дыхательную гимнастику используют в своей практике? Найти их не проблема: в упомянутой публикации «Дышать или не дышать?» о них рассказывалось. При желании можно было бы найти и других энтузиастов.

И такой еще нюанс.

В том же материале А. Г. Сафонов утверждал, что Александру Николаевичу Стрельникову можно было бы без проблем прикрепить к медицинскому учреждению — диспансеру, где она работала бы на правах методиста и в нормальных условиях! Безусловно, очень правильное решение. Но ведь до сих пор А. Н. Стрельникова, которая готова к сотрудничеству с медиками, так и не получила официального приглашения. Видимо, к этому решению стоит вернуться. Для пользы дела.

Спору нет, у нынешнего руководства Минздрава СССР хлопот предостаточно — идет реорганизация здравоохранения.

Но все же, на наш взгляд, и в этой затянущейся проблеме надо разбираться. Всерьез. И Стрельникова, замечу, не против. Надо внести ясность: если она ошибается, ошибаются практикующие врачи и ученые, которые видят в парадоксальной дыхательной гимнастике рациональное зерно, то это надо доказать. Грамотно. Убедительно. Если же, напротив, не права комиссия во главе которой стояла профессор В. А. Силуянова, то и это следует признать. Признать открыто, гласно и дать парадоксальной дыхательной гимнастике А. Н. Стрельниковой все надлежащие права. А научно-теоретические обоснования можно выработать в союзе со Стрельниковой.

За все это больные — да и не только больные — скажут лишь спасибо.

Петр ОПОЙЦЕВ,

учитель,
г. Октябрьский

■
А заря уронила росинки
На луга, на просторы дорог,
Разлилась над березовой синью
И раскрасила листьев дымок.
Тишь какая! Боюсь шевелиться:
Как хорош предрассветный покой!
Даже замерла каждая птица,
Притаясь под зеленой листвою.
Не задержатся летние росы,
Как слезинки, горят на листке.
Только ива холодные косы
Моет в тихой прозрачной реке.

Владимир ОБРЫВАЛОВ,

шофер,
дер. Коровино, Калининская обл.

КРЕСТЬЯНИН

Отец — крестьянин,
мать моя — крестьянка.
Крестьянин дед. И сам я от сохи.
Но в девять лет,
как прутики в вязанку,
Я стал слова завязывать в стихи.
Еще земля от свежих ран стонала,
Деревни поднимались из руин,
Но мать-вдова,

как человек бывалый,
Сказала мне: «Пора учиться, сын!»
И я учился, только не по книжкам,
Учитель первый и мой первый друг
Был лет на восемь повзрослей,

мальчишка,
Наш деревенский грамотей — пастух.
Но я недолго проходил в подпасках,
Забросил в угол кнут на потолок.
Односельчанин на телеге тряской
Меня попутно в город отволоч.
Коней сменили мощные моторы,
Страна мужала, набирала сил.
На родину вернулся я шофером
И про стихи на время позабыл.
Синели деревенские рассветы,
Кустилась рожь.

Табун храпал во ржи.
Я не жалел,
что не прослыл поэтом,
Тогда селу нужнее был мужик.

Илья ГРЕБЕНКИН,

студент, Москва

■
«Бабушка, бабушка, что за погода:
Звезды светлее в сто раз?»
«Внучек, такая уж мама-природа,
Все ее тайны для нас».
«Бабушка, бабушка,

там, за туманом,
Бродят чужие огни!»
«Внучек,

по полю проходят комбайны,
Хлеб убирают они».
«Бабушка, бабушка,

страшно мне стало:
Ты ведь когда-то умрешь!..»
«Ах, ненаглядный... ах,

милый мой мальчик...
Ты за меня поживешь...»

Вера ВОСКРЕСЕНСКАЯ,

сборщица,
Москва

САЛЮТ

Мерцала радость
сквозь туман печалей,
Смеялись дети в сумраке ночном
И вдруг «Ура» восторженно кричали,
И незаметно мокли под дождем.
И ты опять и плакала, и пела,
Страна моя, бессмертен этот путь.
О, мне б успеть в твою святое дало
Свою любовь и мужество вдохнуть.

Игорь РОДНИКОВ,

начальник ПТО,
Нижевартовск

■
Ты солнца луч, ты ветра дуновенье,
Ты аромат пленительный цветка.
Ищу тебе достойное сравнение
И не найду его наверняка.
Ракета рвет земное притяжение,
Лучистой звездой становясь.
А мне, уверен, не найти спасенья,
Мне не уйти теперь от притяженья,
От притяженья губ твоих и глаз.

Виктор ЖОРНИК,

учитель, Феодосия

ОТКРОВЕНИЕ

В сужденьях сдержаннее стал
и сердцем понял аксому:
из дома в юности бежал,
а вот теперь
все тянет к дому.
И то, что раньше не берег,
мне дорого сейчас до боли:
и этот лес,
и это поле,
и этот тонкий стебелек
степной травы, как откровенье,
и запах мяты, чебреца...
Имеет все теперь значение,
как слово доброе отца...
Живу на солнечной планете,
исколесил страну не раз,
но помню:
дом родной приветит
и в трудный день,
и в светлый час.

Николай ЛУГОВСКОЙ,

артист эстрады,
Ростовская обл.

СИРЕНЬ

За лето неба полинял сатин,
И ветки осени в кострах трещали.
Отец сирень у дома посадил
И, обняв мать, сказал ей
на прощанье:
— Я уйду на фронт. Пускай сирень
Растет... Как только синим дымом
Она весной вспыхнет, в этот день
Домой вернусь с победой
невредимым.

■
Но с той поры промчались
три весны...
Сирень цвела три раза у порога,
А матери плохие снились сны,
И душу вынимала грусть-тревога.
На скрипке трели выводил скворец,
Поселок оглашая песней звонкой,
Но в дом не воротился мой отец —
Его опередила «похоронка».
И мать, припав к сирени той лицом,
Зеленый куст, как мужа, обнимала.
А я не понимал... Я был мальцом
И плакал потому, что мать рыдала.
Провозглашает вновь весну скворец,
Его весь день не умолкает скрипка.
Мне кажется, что не сирень — отец
Стоит у дома с доброю улыбкой.

Анатолий СМЕРНОВ,

рабочий,
Ярославль

■
Куда ты летишь, голубая стрела,
Болотный камыш,
Березы, поля, сизоватая мгла.
Куда ты летишь?
Мелькнет деревенька
Туманным огнем
И сгинет навек.
На сонном разъезде
В руке с фонарем
Мелькнет человек.

И снова болота, и снова поля,
Да копны берез.
Пружинный грохот, печалью пыля,
Летит под откос.
Открою я тамбур — откинется мгла,
Как пряди со лба.
Куда ты летишь, голубая стрела?
Здесь наша судьба!

Елена КРЮКОВА,

концертмейстер, г. Горький

В ПОЕЗДЕ

Какая гарь!
И рваные кофтенки,
И яблоки, хрустящие во рту...
И слезы неумытого ребенка.
И поезд, рвущий тьму и пустоту.

В окне летит пейзаж

индустриальный,
Где все мертво,
где бродит новый Босх.
На полке — песня матери печальной
И сонный мальчик, желтенький,
как воск.

И ложка, будто колокол,
в стакане
Звенит и плачет на сыром ветру...
Молчит старуха:
внук в Афганистане.
Ей легче, коли слезы на миру.

Ей тело холодит белье сыров.
И зимних звезд
цветной колючий звон
Плывет в окне.
Я штору приоткрою.
Как сладко спит притихнувший
вагон!

Валентина ВЕСЕЛЕНКО,

контролер швейного цеха,
Ленинград

МОЕ ДЕТСТВО

Быстроногая, быстроглазая,
Две тугие косички торчат.
Очень многое вспомню сразу я,
Стоит только взглянуть назад.
Сорок пятый год...
На развалинах
Лиловата от крови трава.
Стекла выбиты, город раненый,
Парк изрублен весь на дрова.
Стены взрывами скособолены,
Обгорели деревья стволы.
На окраинах, по обочинам,
Покосившись, стоят столбы...

Николай МАРКАРОВ,

архитектор,
Москва

■
Украинская ночь
мазанка
ослепительная лампа
на стене комарье
ювелирное изделие паутины
трогаю пальцем длинную струну
чувствую упругость
и если б у меня был настоящий слух
я бы услышал как она звучит

1

БЕЗ КИСТ

2

Если говорить об увлечениях, никогда не знаешь, какое окажется всерьез и надолго, а какое промелькнет и не оставит следа, словно его и не было. Иногда и серьезное дело оборачивается пустяком, шуткой, а бывает, и шутка оказывается вдруг серьезным делом. Но всегда выходит нечто неожиданное, когда взрослые увлекаются детскими забавами.

Наклеивание (по-французски — коллаж) цветных кусочков бумаги, фотографий, вырезанных из журналов репродукций — любимый художественный прием школьников при оформлении альбомов, стенгазет. Ведь хорошо рисовать многие не умеют, а «гладкость» репродукции заменяет недостаток трудоемкой техники. Именно так Олег Грачев, студент второго курса географического факультета педагогического института имени В. И. Ленина, оформлял курсовую стенгазету. Тогда еще он не знал, что это занятие — начало его творческого пути. Пути в большое искусство.

Этой забавой, казавшейся многим бесполезным времяпрепровождением, Олег продолжал заниматься в свободные часы, когда служил в армии. Здесь он познакомился с Арсением Драчинским, человеком,

во многом определившим и воспитавшим его вкус. А вкус, чувство гармонии и стиля, как известно, в изобразительном искусстве определяют многое, если не все. Вместе с Арсением Олег выклеивал замысловатые почтовые конверты, одновременно получая начальные понятия о композиции, цветовом пятне и других теоретических «премудростях».

Позже, после долгого перерыва, когда друзья встретились, Арсений Драчинский был немало удивлен, увидев, что юношеское увлечение, которому он не придавал никакого значения, превратилось у его друга в серьезное искусство. Коллажи Грачева начал печатать журнал «Знание — сила», а в клубе «Новатор» состоялась персональная выставка. Однако Олег не забыл о том влиянии, какое оказал на его творчество Арсений. Помнил и о последующих своих добровольных учителях — художниках Д. Петрове и Е. Шабельнике, работавших в журнале «Советское фото». «Когда принес им свои коллажи, — вспоминает Олег, — они буквально нянчились со мной, разбирая каждую работу, объясняя, что получилось, а что надо переделать и почему».

Однако необходимо оговориться. Олег не был первооткрывателем этой техники в изобразительном искусстве. И пусть не думают читате-

1. Монолог.
2. Иллюстрация к роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

ли, что работать в технике коллажа просто и легко. Этот технический прием возник в искусстве в начале века. Первыми стали применять его в станковой живописи художники-кубисты. Добиваясь особой факту-

И И КАРАНДАША

3

4

Иногда приходится просматривать сотни страниц для того, чтобы найти искомую деталь. Я стараюсь как можно меньше дорисовывать, стараюсь даже фоны вырезать из журналов. Хотя теперь все чаще использую аэрограф».

Недавно состоялась очередная выставка Грачева в Академии наук. Она пользовалась успехом и пониманием, ведь ученые любят фантазировать. Сейчас Олег работает над иллюстрациями научных текстов, оформляет учебник «Техника быстрого чтения», роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита», книгу А. Вознесенского «О».

Приходит к Олегу признание и зрителей, и профессиональных художников.

Вот что может получиться, когда всерьез относишься к «несерьезному делу».

Ирина ЛОБАНОВА

- 3. Ретроптица.
- 4. Автопортрет.
- 5. Вперед в... клетку.

ры, они приклеивали к холсту обрывки газет, куски тканей, обоев, дерева... Примером применения коллажа может служить знаменитая картина «Герника» Пабло Пикассо. Используя газетные вырезки, художник добился в ней особого ощущения тревоги, подчеркнутой публичности, злободневности.

Недаром коллаж ближе всего к искусству плаката, основа и сила которого заключены в образном воплощении мысли, идеи. В современном изобразительном искусстве все авангардистские направления использовали его приемы, которые иногда принимают за влияние сюрреализма.

Именно фантазия и метафоричность свойственны художественному почерку Олега Грачева. Посмотрите, как оригинален и в то же время психологичен его автопортрет. Каким юмором, острым чувством современности обладает художник. Коллаж к тому же требует точности и терпения. Над некоторыми работами Олег трудился по нескольку лет. «В какой-то степени моя работа близка к собирательству. Приходится хранить огромное число вырезок, даже таких, которые не всегда могут понадобиться... Однако, придумывая композицию, всегда помню о них.

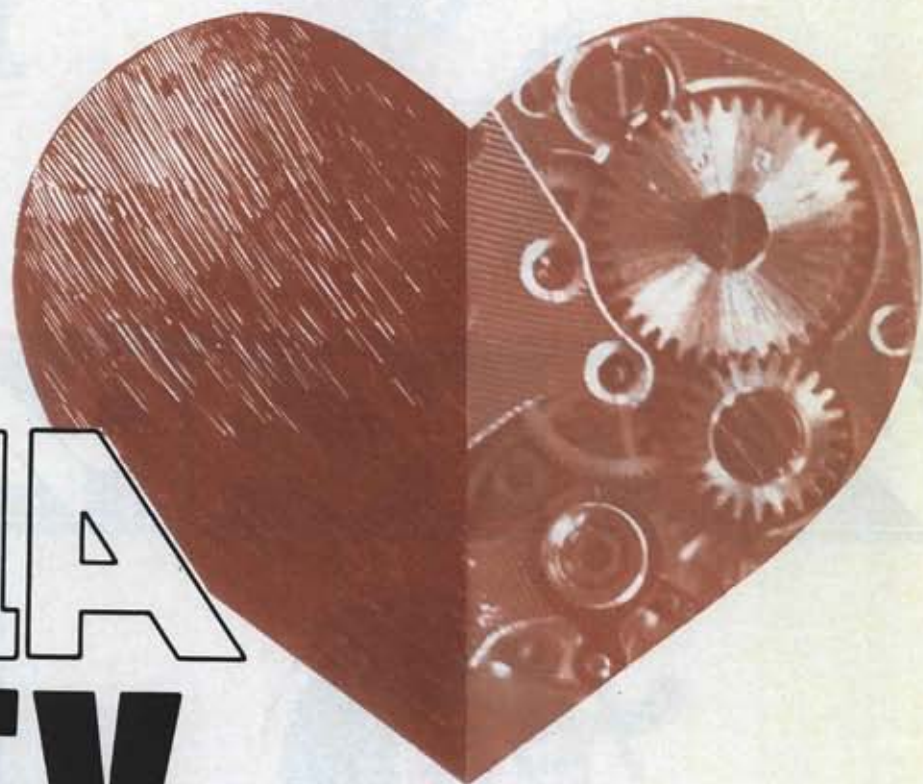

5

ЕЖЕДНЕВНО в нашей стране на работу не выходят 4 000 000 человек. Ежегодные выплаты пособий по временной нетрудоспособности превышают 7 миллиардов рублей. Ровно половина этих затрат уходит на оплату бюллетеней больных инфекционными болезнями, в первую очередь гриппом и другими респираторными заболеваниями. Но сегодня разговор не о них — о сердце. В 52 случаях из 100 смерть наступает в результате заболевания сердечно-сосудистой системы.

Александр БОЙКО

СЕРДЦА ЧЕТЫРЕХ

Коллаж
Владимира ЗАЙЦЕВА

Помните кинофильм «Сердца четырех» о веселых приключениях двух молодых пар? Так вот, в нашем материале тоже будет рассказ о двух парах, правда, подобраны они по другому принципу. Во-первых, все — мужчины. Во-вторых, в каждой паре один младше другого ровно в два раза. Итак, Пенсионер — 83 года и Служащий — 41,5, Журналист — 55 лет и Рабочий — 27,5.

Казалось бы, различия в состоянии нашего здоровья должны быть только возрастными. С учетом этого представляю самого старшего. Михаил Михайлович Котляров, год рождения 1904-й. По заснеженным улицам бегает в трусах и майке, на которой изображен А. Суворов и его слова: «Потомки, следуйте моему примеру!» Пример Суворова общеизвестен: с детства он много болел, но сделал себя здоровым и закаленным, используя простейшие правила, которые Котляров и взял на вооружение.

Целый год он ходил в библиотеку имени В. И. Ленина и, отыскав там свыше ста источников, рассказывающих о жизни великого полководца, сконструировал свою систему. Михаил Михайлович не просто бегает — он неутомимо рекламирует русский закал-бег и здоровый образ жизни. Для меня каждая встреча с ним — это праздник. Радостная синь глаз, жесткое рукопожатие и всепобеждающий оптимизм, какого хватит на четырех двадцатилетних парней, — таков Котляров!

Мысль исследовать уровень его здоровья владела мною давно. Прежде всего удивляла способность не мерзнуть, напротив опровергающая необходимость в старческих кутаньях в теплые вещи. Закалить себя в таком возрасте — это не шутка! Как известно, простужаются люди и более молодые.

Правда, кое-кто считает, что это очень даже неплохо: лежать дома слегка простуженному, почитать книжечку и изредка поглядывать на голубенькую бумажку. На ней, как и на деньгах, просматриваются водяные знаки, следовательно, бумаги эти равноценны. Отлежался, пришел на работу, получил сто процентов зарплаты — все в соответствии с нашими гуманными законами. Но если сопоставить позицию домашнего насморка с прозой государственных расчетов и узнать, что речь идет о миллиардах государственных рублей, в пору задуматься. А тут опять нет-нет, да мелькнет на телеэкране стройный старик, рядом с которым, кутаясь в шубы, дрожит наша замечательная молодежь! А что, если исследовать, в чем его секрет? А заодно исследовать и себя?..

Итак, с благословения директора института профилактической кардиологии Всесоюзного кардиологическо-научного центра АМН СССР профессора Р. Г. Оганова, вчетвером мы приступаем к соревнованию. Соревнуемся по многоборной программе «Здоровье». Наши данные закладывают в ЭВМ; по первому требованию машина возвращает их врачу.

Анализ крови. Кровь мы сдаем десятки раз. Чиркнули железкой по пальцу, выдавили на стеклышко, проверили, успокоили. Здесь кровь берут из вены, но берут так изящно, что хочется повторить. Тем более мы уже знаем: у нас ищут холестерин — вещество, которое содержится в нервной, жировой ткани, в печени. Его избыток в организме способствует возникновению болезненного состояния стенок кровеносных сосудов — атеросклерозу. Атеросклероз, в свою очередь, является причиной заболеваний сердца — стенокардии,

инфаркта миокарда, смерти от сердечного приступа.

Вышли из лаборатории — встретились с дисплеем! Безмолвная беседа на языке семи программ. Один за другим всплывают на экране вопросы, и рука привычно тянется нажать кнопку. Дисплей четко выдает суммированный ответ. Вот мой личный прогноз: стенокардия — отсутствует. Инфаркт — отсутствует. Гипертония — возможна. Перемежающаяся хромота (последствие сужения сосудов ног, как итог злостного курения) — отсутствует. Курение — отсутствует. Психотест — перегрузка.

Перегрузка? С чего бы это? Не такую уж ответственность я несу в повседневной жизни, чтобы вот так перегружаться.

Начинаю вспоминать предварительные вопросы. «Если вы договоритесь с супругом (супругой) или другом о встрече в определенное время, как часто вы опаздываете?» Из трех возможных выбрал один ответ: «Я никогда не опаздываю». Неужто перегрузка — цена за точность?

Компьютер делит нас на четыре группы. **Первая** — сча-стли-вцы! — у них не выявлено никаких признаков, указывающих на наличие сердечно-сосудистых заболеваний.

Вторая — лица, у которых не обнаружены признаки болезни, но выявлены один или несколько факторов риска. Об этом надо сказать подробно. Врачи установили более ста факторов риска, они предшествуют и способствуют возникновению и стабилизации основных сердечно-сосудистых заболеваний. Дело это выборочное: один курит, другой выпивает, третий чревоугодничает, четвертый все свободное время лежит на диване. А медицинская стати-

стика, оперируя миллионами подобных случаев, делает выводы, имеющие общечеловеческое значение. Не зная государственных границ, факторы риска вторглись во все цивилизованные страны, своей неотвратимостью поражая направо и налево.

Итак, основные факторы риска: гиподинамия (недостаток движения), избыточный вес, курение, пьянство, стрессовая ситуация, нарушение обмена (углеводного или жирового), артериальная гипертония и т. д. Объединяясь, эти факторы повышают уровень риска, резко увеличивая вероятность развития сердечно-сосудистых заболеваний (иногда с катастрофическим исходом даже в молодом возрасте). Представьте себе человека, собравшего в себе несколько факторов риска. Я знал такого. Прокурор одного из московских районов много (без отдыха) и напряженно работал, создавая себе частые стрессовые ситуации. Много курил. Ездил только на машине. Поздно возвращался домой, много ел. Имел минимальную физическую активность и, как следствие, избыточный вес тела. В один из дней все это замкнулось в единую цепь — кровоизлияние в мозг, смерть в 33 года...

Третья группа — особая. Это те, у кого выявлены разнообразные нарушения. Они проходят углубленное обследование в условиях лаборатории.

Четвертая группа — люди, которым уже во время обследования надо оказать срочную помощь. Это больные, у которых есть подозрение на острый инфаркт миокарда или с тяжелым приступом стенокардии, высоким артериальным давлением, с нарушением сердечного ритма и проводимости.

У части людей обнаруживается, что они перенесли инфаркт миокарда,

даже не зная о том, то есть перенесли «на ногах», подвергая себя смертельной опасности. Многие из пациентов (почти половина) не знают, что у них стенокардия, в основном это люди до 40—45 лет.

Все это нам поясняли по ходу исследования. Фактор риска, единый для всех четверых, — психоэмоциональная перегрузка — вне зависимости от нашего возраста, состояния здоровья, социального положения и времени занятости сковал нас одной цепью.

Для начала нас успокоили. Рассказали, что главная роль в формировании нашего состояния играют социальные и бытовые факторы. Быт — это дом, семья, а социальные — работа. Для тех, кто работает, психоперегрузка — это не только служба и общественная нагрузка, но и в большей степени «следовой хвост», он тянется за каждым и не обрывается даже на пороге своего дома. Напряженная часть работы не прекращается даже после ее окончания. А как разделить понятия: дом и работа? По мнению врачей, это зависит от психоэмоциональной структуры и профиля личности, а следовательно, от умения переключаться. Или отключаться.

Возвращаясь домой, человек продолжает жить сопутствующими связями, обзавиная, продумывая, оспаривая, переживая. А это высокий уровень тревожности. Если следовать терминологии французов, это «а лярм» — постоянное «состояние к бою», которое не оставляет нас нигде. И поверим врачам — это плохо.

...Мы лежали на кушетках, впервые в жизни разглядывая собственное сердце. Оно замечательно сокращалось на телеэкране, и это было так неожиданно! Поглядывая друг на друга, мы старательно выполняли пробу с физической нагрузкой на велоэргометре. «Катишься» на месте, и чем дальше, тем труднее: врачи незаметно увеличивают нагрузку.

Нам исследовали функцию внешнего дыхания, с помощью ультразвука изучили сосуды головного мозга, показали на экране основные вены и артерии. Сфотографировали и подарили на память снимки, украшенные беловатыми пятнами липидных бляшек на стенках сосудов. Вот они, эти незримые враги, которые не только сужают просвет сосудов, вызывая головную боль, но и в любое время могут разрушиться и своими осколками закупорить другие сосуды.

Исследования закончены. Пора подводить итоги. Язык специалистов понятен только им, но по нашей просьбе каждый из них переводил свою оценку в пятибалльную шкалу: три, четыре, пять.

«Холестерин находится на отметке 140, что мы расцениваем как отличный показатель».

Несмотря на ограничение емкости легких и снижение проходимости бронхов, резерв вентиляции 93 процента! Такой резерв редко встретишь даже у здоровых людей. Это означает, что анатомо-физиологические возможности используются максимально, что достигается режимом усилий и физической нагрузкой. Сосуды мозга подвержены возрастным изменениям, но в сочетании с хорошим сердечным выбросом обеспечивают нормальное функционирование мозга. Сердце работает очень хорошо в экономном режиме. Оценка — пять с плюсом!»

Все эти оценки относятся к 83-летнему Котлярову. Подводя итог, руководитель лаборатории массовых исследований В. М. Шамарин сказал: «Если бы

ко мне пришли коллеги и показали только результаты комплексного исследования, без сомнений, я бы сказал: «Дорогой товарищ, к вам претензий нет. Заходите года через два, может, что-нибудь и появится. А пока придерживайтесь тех же принципов жизни, питания, физической нагрузки. На основании наших данных я бы сказал: «Это человек с хорошим уровнем здоровья». Его показатели лучше, чем у Служащего и, без сомнений, лучше, чем у Журналиста и Рабочего. Абсолютно все показатели соответствуют состоянию молодого человека, занимающегося спортом».

Кстати, врачи, работающие в институте, заполучив показатели Котлярова, показывали их коллегам и задавали вопрос: «Как думаешь, сколько этому человеку?» И все единодушно говорили: «От двадцати до тридцати!» Услышав такое неоднократно, мы, все трое, кто исследовался рядом с ним, а сейчас оказался на нижних ступеньках пьедестала, восклицали: «Не может быть!»

Но врачи терпеливо разложили все по полочкам. Например, Журналист: индекс Кетле (масса тела) — 26,8. «При росте 179 см масса 86 кг — это много. Даже, согласно общепринятым нормативам, рост минус 100 равняется 79 кг». Журналист начинает возражать: «Ну, подумаешь, каких-то семь килограммов, они же не выпирают оплывшим животом, не висят двойным подбородком». Но ЭВМ, куда заложен мировой опыт, упорно гнет свою линию: «Много! Это фактор риска! И его надо убрать. Избыточный вес плюс психоэмоциональная перегрузка. Сочетание двух факторов риска плюс возраст прогнозируют ваше дальнейшее благополучие еще ниже, нежели у Служащего, хотя возможности развития ишемической болезни сердца у него намного выше».

Служащий моложе Журналиста на четырнадцать лет. Казалось бы, чего ему беспокоиться, у него средние данные, не лучше возрастной нормы, но и не хуже. Служащего успокаивали, утешали, чтобы он не обиделся на самого себя в сравнении с седым патриархом заклад-бега. Но! Когда пришлось все суммировать, то специалисты, извинительно подбирая выражения, начали говорить о том, что было бы неплохо... жить так, делать вот так, избегать того... И все потому, что средняя норма нет-нет да проявляется в минимальных изменениях сосудов. А если учитывать напряженную работу Служащего и его возраст и то, что у него начальные проявления неполноценного кровообращения головного мозга, начальные признаки атеросклероза, это уже...

Служащему так и сказали: «Показатели Котлярова, который старше вас в два раза, намного выше, и вам стоит задуматься. Во-первых, просто так ваш организм крепче не станет. Во-вторых, рано или поздно процессы старения войдут в свою силу. В-третьих, ритм, какой задает вам современная жизнь, обостряет все процессы, и прежде всего нервные. Этому что-то должно противостоять. В-четвертых, медицина будущего — это профилактика».

Слова про профилактику принадлежат великому русскому лекарю Николаю Ивановичу Пирогову и сказаны им лет 150 назад. Но сегодня, когда все больницы переполнены, они звучат очень современно.

Досталось и двадцатисемилетнему Рабочему... Стыд и срам: в испытании на переносимость физической нагрузки он «финишировал» четвертым. Не говоря о том, что машина безжалостно установила ему хромату в наказание за прокуренные сосуды.

Все трое мы как бы оказались в тесном загоне, на котором написано: «Состояние между нормой и болезнью», а это — «Пограничное состояние», требующее профилактического вмешательства.

Нас успокаивали, подбадривали, го-

ворили, что те незначительные изъяны можно ликвидировать, если...

И все «если» сводились к одному: «Если вы будете равняться на Котлярова», и — уважительный поклон в сторону горделиво приосанившегося патриарха.

Ах, как нам хотелось, чтобы у него нашлись какие-нибудь оправдания его победы! Допустим, что он из рода долгожителей и ему «полагается» демонстрировать удивительную работоспособность.

Но по-нашему не выходило. И так, Михаил Михайлович, 83 года. Потомственный шахтер Донбасса. Перенесенные болезни: сыпной тиф, малярия, туберкулез (снят с учета в диспансере в 75 лет!), артроз тазобедренного сустава, спондилез позвоночника, тромбоз вен (воспаление оболочек вен). В 64 года — предынфарктное состояние. Больница. Грозное предостережение врачей. Именно тогда Котляров поблагодарил медицину, встал перед зеркалом и погрозил себе пальцем. И принял решение — начать новую жизнь.

Он взял за основу тезис Суворова: «Наказание — за болезнь». С неграмотным русским солдатом Суворов говорил просто: «Твое здоровье я ценю дороже своего. Свое я сумею сберечь. Умей и ты. Делай, как я. Если ты так делать не будешь, ты заболеешь, причинишь вред себе и тому делу, которому служишь».

А в то время солдаты находились постоянно под открытым небом. Если во всех армиях с наступлением холодов появлялись больные, то в лазаретах Суворова были только раненные.

Это Суворов сказал: «Знай, что из-за одного тебя, простуженного, будут наказаны три чина: офицер — под арест, унтер-офицера и ефрейтора будут бить палками, да и ты, помилуй бог, будешь бит палками. За то, что сам себя от болезни не уберечь!»

Стоит ли сегодня об этом вспоминать, выплачивая миллиарды государственных рублей тем, кто себя не уберег от простуды? Решайте сами.

Установив эти истины, Михаил Михайлович уже девятнадцать лет через день (в трусах и майке круглый год!) бегаёт по десять километров. В 69 лет он первый раз в жизни пробежал марафон — 42 километра 195 метров!

Зная все это, врачи подводят итог: «В восемьдесят три года такой уровень здоровья нельзя объяснить даже наилучшей генетической предрасположенностью, особенно на фоне очень сложных жизненных коллизий Котлярова».

Оказывается, можно комплексно воздействовать на уровень своего здоровья и значительно его укрепить.

Объединив все полученные данные, врачи утверждают: на 80—90 процентов эффект здоровья создан самим Котляровым. Какая бы ни была генетическая база, даже самая отличная, ее можно разрушить. Какими бы ни были здоровыми бабушка и дедушка, передавшие вам «отличное наследство», но если вести образ жизни, рассогласованный с разумом, все генетические запасы растают к тридцати годам. А то и раньше. Да-да, к тридцати годам можно превратиться в развалину. Но, с другой стороны, имея генетические недостатки, можно выправить их строгим всепообеждающим здоровым образом жизни.

Что же важнее: генетические основы, заложенные родителями, или героическая программа последних двадцати лет, которую Котляров выполняет с мужеством удивительным?

Естественно, возникает вопрос-сомнение, какой наверняка задаст самому себе молодой человек: «А зачем мне сейчас жить праведно, вот дотяну до возраста пенсионера Котлярова, а уж потом, когда страсти улягутся, займусь здоровьем». Такая версия весьма популярна. Но об этом — следующий разговор.

ЭДУКАЦИЯ МИМТОНЯН

Сквозь тишину полей осенних
косули легкие бегут,
тонки, как струйки дождевые.
В глазах сгустился изумруд,
Куда зовут друг друга травы?
Кто укрывается в холмах?
Сеть неизвестности повисла
на золотистых берегах.
Дым дремлет под корою страха,
дождь ожиданья все роднит,
и теплота мечты, как иней,
посеребрила эти дни.
Откройся, жертвенник тумана,
и двери осени открой.
Летят косули молодые
легко, без слез, на водопой...

ИГРА ДУДУКА *

Как рожденный ягненок дрожит,
так дрожит и трепещет вода.
Как же ярко и щедр этот мир!
Родился ты — и словно вода,
и ягненок, уж раз ты вода.
Тихо снимет истому дудук,
горы ярости в холм превратит.
Как же сладок и добр этот мир —
намогилась горой, а холмом
умираешь, уходишь — куда?
Не ответит дудук ничего,
только песня — гора и вода.
Как же мир этот добр и хорош!
Станешь воспоминаньем, уйдя,
и дрожишь в тростниковом рожке.

Звезд иглы тонкие в сердца
вонзаются, хоть не дыши,
и сыплют солью высших тайн
на рану вечную души.
Как роза, рана велика,
в любом из этих лепестков
неизмерима синева,
сто солнц и тысяча цветов.
Душа, как битое стекло,
все умножает и растет,
и остается лишь она
одна, все прочее — не в счет.

СЕВАН

Не могу синеву озерную
превратить для себя в дом.
Не могу себе сделать рубаху
из красного цвета гор.
Если б я мог, одетый
в пурпурные краски камней,
прійти к порогу голубого дома,
меня назвали бы
поющим кораблем.
А песня — не песня,
а молитва воды.
А песня — не песня,
а ярость камней,
смирная пламенем,
пылью и мхом.
Но праздник приходит, похожий
на зарезанного петуха,—
летят кругом
красные перья,
прощение в крыльях храня.

* Дудук — армянский национальный духовой инструмент.

Перевел с армянского Петр ВЕГИН.

Юрий БЕЛЯЕВ

ПУШКИН НА КРИБАТОМ КОНЕ

ДЕНИС ДАВЫДОВ. В этом знакомом с детства имени и звон боевого металла, и звучные аккорды задорной гусарской лиры, и обаяние незаурядной личности, человека широкой души, веселого и удалого нрава. Александр Блок сказал в своей пушкинской речи: «Наша память хранит с малолетства веселое имя: «Пушкин». Но эти слова скорее подходят к Денису Давыдову, чье поэтическое творчество и даже ратные подвиги всегда отличал дух жизнелюбивости и веселый.

Его друг, известный поэт Петр Вяземский, в стихах, обращенных к Давыдову, тонко подметил:

*Анакреон под доломаном,
Поэт, рубака, весельчак!
Ты с лирой, саблей иль стаканом
Равно не попадешь впросак.*

Да, секрет исключительной популярности Дениса Васильевича Давыдова среди его современников нужно искать не только в его легендарной славе «первого партизана» Отечественной войны 1812 года, не только в его зажигательных стихах, разлетавшихся, подобно пушкинским, по всей стране, но и в его личности, в его отношении к жизни. Точную характеристику Давыдову дал Белинский, отметивший, что он «примечателен и как поэт, и как военный писатель, и как вообще литератор, и как воин — не только по примерной храбрости и какому-то рыцарскому одушевлению, но и по таланту военачальничества, — наконец, он примечателен как человек, как характер. Он во всем этом знаменит, ибо во всем этом возвышается над уровнем посредственности и обыкновенности».

Поразил своих современников Денис Давыдов и тем, что с равным успехом выступил на двух ответственных поприщах — боевом и поэтическом. Во всей нашей истории он остался личностью непревзойденной, хотя были и другие известные воины-поэты: участники Отечественной войны Константин Батюшков, братья Федор и Сергей Глинка, Бестужев-Марлинский, погибший в боях на Кавказе. Но для всей просвещенной России олицетворением чарующего единения ратной славы и поэтического таланта стал Денис Давыдов. Именно ему, который «с бранною подругой живую музу подружил», посвятили свои стихи более тридцати российских поэтов, включая Пушкина, Жуковского, Баратынского, Языкова. И почти все они выделяли в его личности слияние двух противоположных талантов. Вот строки Евгения Баратынского:

*...Покуда русский я душою,
Забуду ль о счастливом дне,
Когда приятельской рукою
Пожал Давыдов руку мне!
О ты, который в дым сражений
Полки лихие бурно мчал
И гласом бранных песнопений
Сердца бесстрашных волновал!*

А в 1836 году Пушкин, которому оставалось жить всего лишь несколько месяцев, посылает своему другу только что вышедшую «Историю Пугачевского бунта» с довольно любопытными сопроводительными стихами, словно подытоживающими их многолетние дружеские отношения:

*Тебе певцу, тебе герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смиренного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир:
Но и по этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.
Вот мой Пугач — при первом взгляде
Он виден: плут, казак прямой!
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой.*

Строки эти, несмотря на их гиперболичность, конечно, льстили самолюбию стареющего поэта и героя Отечественной войны. Перечитывая их, он, верно, вспоминал и былые подвиги, и первую встречу с еще юным Пушкиным... Это было в самом конце 1816 года. В один из рождественских дней, зайдя в гости к Жуковскому, Давыдов встретил там Александра Пушкина, тогда еще только лицеиста и начинающего поэта. Но интуиция не подвела молодого тридцатидвухлетнего генерала. Его новый знакомец — по виду обыкновенный лицейский повеса, вертлявый, кареглазый, с отрывистым смехом и беспокойным взглядом — таил в себе великое предначертание. Денис Васильевич уже слышал о нем лестные отзывы от его дяди, популярного стихотворца Василия Львовича, и от самого Жуковского. А услышанные им сейчас новые стихи Пушкина и его доверчивая непосредственность, его жгучее желание пойти в гусары окончательно пленили сердце Давыдова. Разве не был он сам таким же язвительным остроловом и мечтателем с колкими стихами всего лишь каких-то пятнадцать лет тому назад?

А Пушкин, всматриваясь в лихого гусарского генерала, простого, не напыщенного, хотя и не без гордости носящего свой щегольской мундир, украшенный георгиевским и анненским крестами, в его оживленное лицо, обрамленное пышными черными усами и бакенбардами, знакомыми по литографии, поспавшейся на глаза недавно в одной из петербургских кондитерских, видел в Денисе Давыдове живую историю и своего давнего литературного кумира.

Спустя много лет Давыдов в письме к Вяземскому вспоминал, как юный Пушкин открыто признавал влияние его творчества на свою поэзию: «Он, хваля стихи мои, сказал, что в молодости своей от стихов моих стал писать круче и принаравливать к оборотам моим, что потом вошло ему в привычку».

И в самом деле, для пушкинского поколения романтическое обаяние личности Дениса Давыдова проистекало не только из его боевой героики, но и из искрометной, насыщенной страстями и удалством поэзии, впервые в нашей литературе воспевавшей с такой художественной силой русское гусарство, славное боевое офицерство с его пусть и богемным образом жизни, но зато полным неприятием светских условностей и мелочной регламентации казарменного быта.

Разве мог удержаться Пушкин и не прочитать при встрече с Давыдовым выученное наизусть знаменитое послание «Бурцеву»:

*Бурцев, ёра, забияка,
Собутыльник дорогой!
Ради бога и... арака
Посети домишко мой!
В нем нет нищих у порогу,
В нем нет зеркал, ваз, картин,
И хозяин, слава богу,
Не великий господин.
Он — гусар и не пускает
Мишурую пыль в глаза;
У него, брат, заменяет
Все диваны куль овса.
Вместо зеркала сияет
Ясной сабли полоса:
Он по ней лишь поправляет
Два любезные уса...*

Трудно сказать, чего более в этих ярких, запоминающихся стихах — искренности или позерства, подлинной демократичности или модного тогда фронтдерства, но, вне всякого сомнения, велика была их популярность.

Его стихи будоражили умы современников и потому, что в них было нечто, уже в XX веке получившее название «нонконформизма». Любопытно отметить, что стихи «гусарского» цикла отличаются своеобразным переплетением двух различных тенденций. В них и психологическое бунтарство против бездушия государственного бытия с его имущественно-социальным цензом, и господствовавший одновременно с этим в среде русского офицерства патристический энтузиазм, и готовность к самопожертвованию при выполнении долга.

Жизненная энергия лирического героя Дениса Давыдова, его душевное здоровье и независимость характера замечательны. Отсюда и хладнокровие в минуту опасности («Его любовь — кровавый бой»), и презрение к власти богатства:

*Мои все радости в стакане,
Мой гардероб лежит в ряду,
Богатство — в часовом кармане,
А сад — в Таврическом саду.*

Даже любовные неудачи, измены не могут поколебать его внутреннего спокойствия, основанного на неожиданном слиянии эпикурейства и стоицизма:

*Неужто думаете вы,
Что я слезами обливаюсь,
Как бешеный кричу: увы!
И от измены изменяюсь?
Я — тот же атеист в любви,
Как был и буду, уверяю;
И чем рвать волосы свои,
Я ваши — к вам же отсылаю.*

Известный литератор начала XX века Борис Садовской в творческом облике Дениса Давыдова как раз самым оригинальным находил то, что «уже в пушкинскую эпоху Давыдов являет в себе едва не единственный пример поэта, чуждого какой бы то ни было рефлексии».

Но остается еще один, крайне важный для нас аспект поэтического творчества Давыдова, по вполне понятным соображениям обойденный молчанием в статье Белинского. В историю отечественной литературы Денис Давыдов вошел и как поэт политический, своими острыми сатирическими баснями буквально заклеймивший самодержавие. Неудивительно, что в течение многих десятилетий они оставались запрещенными царской цензурой.

Александр I, этот, по определению Пушкина, «властитель слабый и лукавый», до конца дней своих не мог простить Давыдову его свободолюбивых строк. Разве мог коронованный деспот забыть грозное предостережение, с которым в давыдовской басне «Голова и Ноги» «Ноги» обращались к «Голове»?

*Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться
И можем иногда, споткнувшись —
как же быть, —
Твое Величество о камень
расшибить.*

Царь болезненно реагировал на эти недвусмысленные строки еще и потому, что прошло всего лишь два года со дня убийства заговорщиками его отца, императора Павла I, и в памяти общественной еще были живы все подробности этого дворцового переворота, показавшего эфемерность и иллюзорность самодержавного всевластия. Двадцатилетний кавалергард Давыдов был удален из столицы и переведен из привилегированной гвардии в обыкновенный гусарский полк, расквартированный в глухом захолустье, каковым тогда считалось местечко Звенигородка Киевской губернии. В приказе царя говорилось, что Давыдов был исключен из гвардии «за оскорбление почтенных особ». Император сделал вид, что поэт-сатирик наказан всего лишь за сатиру «Сон», в которой были высмеяны видные вельможи александровской эпохи.

Опала сильно подействовала на молодого офицера, мечтавшего о блистательной военной карьере, к политике он с тех пор стал относиться настороженно, и это повлияло, возможно, на весь ход его жизни. В те годы перед глазами у него был другой пример —

великий Суворов. Отец Дениса Васильевича, принадлежавший к старинному дворянскому роду, ведущему свою родословную к XV века, входил в число ближайших суворовских сподвижников, будучи тогда командиром кавалерийского полка. И девятилетнему Денису также посчастливилось однажды увидеть гениального полководца и даже поговорить с ним. Преклонение перед военным гением своего кумира он пронес через всю свою жизнь, так же как и память о той волнующей встрече с Суворовым в 1793 году. В тот день после полкового смотра Василий Денисович Давыдов представил своего девятилетнего сына прославленному полководцу. Суворов, пишет в своих мемуарах Д. В. Давыдов, «спросил меня: «Любишь ли ты солдат, друг мой?». Смелый и пылкий ребенок, я со всем порывом детского восторга мгновенно отвечал ему: «Я люблю графа Суворова; в нем все — и солдаты, и победа, и слава». — «О, помилуй Бог, какой удамой! — сказал он. — Это будет военный человек; я не умру, а он уже три сражения выиграет!»

Суворов оказался прав. Тот действительно стал военным героем, только число выигранных сражений оказалось гораздо большим.

Неблагоклонность Александра I и его высших сановников Д. В. Давыдов завоевал не только своими оппозиционными стихами, но и своим «суворовским» характером, проявлявшимся в прямодушности и принципиальности неприятия воцарившейся в российской армии аракчеевщины и ее онемечивания. Не любил он при дворе и за открытую принадлежность к «русской партии», неофициальным вождем которой считался независимо мыслящий генерал Ермолов, друг и родственник Давыдова. И так как с детства Давыдов думал только о военном поприще, то, уже став офицером, он на занятия литературой смотрел как на своеобразную форму интеллектуального досуга. Попав в немилость к правительству и тем самым поставив под угрозу свою дальнейшую военную карьеру, Давыдов пал духом. Основная его жизненная цель потускнела и несколько отделилась. В эти годы довольно сумбурной, но импульсивной и веселой офицерской жизни Давыдов как раз и становится известным гусарским бардом, певцом земных утех и романтических приключений. Упражняться в остроумии и остроумии на политические темы он уже более не решался. Пушкин, отправленный в ссылку в таком же молодом возрасте, также вынужден был встать на путь «исправления» и уже не дерзал открыто порицать самодержавие.

И тем не менее имя Давыдова всегда произносится рядом с именами декабристов. Всего лишь четыре революционных произведения написал Давыдов (три басни и одну сатиру), но их резонанс в то время достаточно заметен. Эти ранние произведения поэта сыграли свою роль и в развитии самосознания в России первой четверти XIX столетия, и, что еще более существенно, в формировании революционно-освободительной идеологии декабристского движения. В январе 1826 года декабрист барон В. И. Штейнберг в письме, отправленном из темницы своему коронованному тюремщику, императору Николаю, писал: «Кто из молодых людей, несколько образованных, не читал и не увлекался сочинениями Пушкина, дышащими свободой, кто не цитировал басни Давыдова «Голова и Ноги»!».

Но до 1825 года России предстояло еще пережить незабываемый 1812 год...

И хотя армейское начальство не давало «ходу» молодому честолюбивому офицеру, Давыдову до 1812 года все же удается отличиться и совершить не один ратный подвиг, и к моменту наполеоновского нашествия он был уже опытным боевым офицером. Боевой путь Дениса Давыдова начинается в 1806 г., во время заграничного похода русской армии в Пруссию в период второй военной кампании против наполео-

новской Франции. Нахождение в действующей армии на должности адъютанта замечательного боевого генерала П. И. Багратиона помогло ему приобрести богатый боевой опыт, постичь все тонкости современного ему воинского искусства.

За успешное командование авангардным отрядом в войне 1808 года против Швеции Давыдов был представлен в особом рапорте в военную коллегию к награждению Георгиевским крестом, самой почетной боевой наградой в русской армии. Но представление командующего было отклонено, и Денису Васильевичу стало ясно, что он до сих пор не прощен полностью. Оскорбленный император помнил все и внимательно следил за молодым офицером. Уже много лет спустя, за год до смерти, Давыдов в письме к сыну подводил грустный для него итог взаимоотношений с самодержавной властью: «В течение почти сорокалетнего довольно блистательнейшего военного поприща я был сто раз обойден, часто забыт, иногда притесняем и даже гоним».

Но в 1812 году было не до обид на правительство, не до наград...

В восьми боевых кампаниях участвовал Денис Давыдов за свою жизнь, проявляя каждый раз настоящий героизм. Но его звездным часом стало доблестное участие в потрясшей всю Россию Отечественной войне 1812 года. В эту лихую для русской земли годину воинский талант Дениса Давыдова раскрылся с наибольшей полнотой. Это была война, подобной которой не было, пожалуй, со времен Куликовской битвы. От исхода этой суровейшей борьбы со смертельным врагом зависело «быть или не быть России», зависело «все наше будущее предназначение». Все лучшие силы в русском обществе ясно осознали свое великое предназначение.

Война с самого начала приобрела общенародный, патриотический характер. Как удачно подметил участник московского ополчения, видный русский литератор Сергей Глинка: «тогда самоотречение было главной поззией души». И среди многочисленных героев Отечественной войны 1812 года достойное место занял подполковник Ахтырского гусарского полка Денис Давыдов, «отец партизанской войны» в России. Осознав особый характер этой войны, Давыдов стал инициатором организованной партизанской борьбы в тылу врага, смыкавшейся, по его замыслу, со стихийными народными выступлениями против оккупантов.

28 августа 1812 года подполковник Ахтырского гусарского полка Д. В. Давыдов по разрешению главнокомандующего, фельдмаршала Кутузова, с отрядом, состоящим из пятидесяти гусар и восьмидесяти казаков, направился в тыл наполеоновской армии. Так началось знаменитое партизанство Дениса Давыдова, прославившее его имя на всю Европу. Небольшой отряд Давыдова со 2 сентября по 23 октября взял в плен 43 офицера и 3650 солдат; не меньшее число врагов было уничтожено. Начав партизанские действия с малочисленной партией гусаров и казаков, Давыдов к концу войны возглавил уже двухтысячный отряд. Французское командование объявило за его голову большую денежную награду, но удалец, которым пришлось бы ее выплатить, во французской армии не нашлось.

Денис Васильевич хорошо понимал, что массовый героизм в России основывался на самоотверженности простых русских людей. Знаменитый партизан писал в своем «Дневнике партизанских действий»: «сколько возвышаются они пред потомками тех древних бояр, которые, порывав два месяца по московскому бульвару с гремучими шпорами и с густыми усами, ускакали из Москвы в отдаленные губернии, и там, пока достойные и незабвенные соотечичи их подставляли грудь на штык врагов родины, — они прыскались духами и плясали на могиле отечества». Но народный характер войны мало импони-

ровал императору Александру и придворным сановникам. Независимые от главного командования партизанские отряды, и тем более вооруженные мужики вызывали тревогу. Не повернули бы они после окончания войны оружие против собственных господ!

Но, как удачно сказал Сергей Глинка, «ударил час малой войны», и сам главнокомандующий, фельдмаршал Кутузов, в приказах по армии отмечал боевые успехи давыдовских партизан.

1 ноября состоялась личная встреча Дениса Давыдова с фельдмаршалом. Офицеры из свиты главнокомандующего, щеголявшие в новеньких, покрытых обильным золотым шитьем мундирах, с удивлением смотрели на знакомого многим из них по гвардии бывшего лейб-гусара. Заросший окладистой черной бородой, в крестьянском армяке, с иконкой Николая-чудотворца на груди, заменивший орден св. Анны, — в таком неожиданном виде предстал Денис Давыдов перед своими прежними сослуживцами, многие из которых не удержались от иронических расспросов. Экзотический для офицера костюм Давыдова объяснялся не его прихотью, а суровой необходимостью тыловой войны. Вначале крестьяне-партизаны из-за сходства мундиров принимали Давыдова и его отряд за французов. Поэтому Денису Васильевичу и пришлось на несколько месяцев переоблечься в эту одежду, делавшую его похожим на партизанского вожака из народа. О приеме, оказанном ему штабными офицерами, Давыдов потом саркастически вспоминал: «Едва я поздоровался с Раевским и некоторыми приятелями моими, как начались улыбки, полунасмешливые взгляды и вопросы насчет двухмесячных трудов моих. Боже мой! Какое напряжение — поравнять службу мою с переездами их от обеда на обед по Тарутинской позиции! Иные давали мне чувствовать, что нет никакой опасности действовать в тылу неприятеля; другие, что донесения мои подвержены сомнению... Словом, видно было, сколь им мое, выставленное во всех объявлениях того времени, кололо глаза людям, искавшим в тех же объявлениях имена свои от Немана до Москвы, а от Москвы до Смоленска, и осужденным видеть оные в одних расписаниях нашей армии».

Иной прием его ждал у самого Кутузова, по достоинству оценившего воинский талант и предприимчивость Дениса Давыдова: «Как скоро светлейший увидел меня, то подзвал к себе и сказал: «Я еще лично не знаком с тобою, но прежде знакомства хочу поблагодарить тебя за молодецкую твою службу». Он обнял меня и прибавил: «Удачные опыты твои доказали мне пользу партизанской войны, которая столь много вреда нанесла, наносит и нанесет неприятелю».

Да, 1812 год обеспечил ему историческое бессмертие, но предстояло прожить еще двадцать семь лет обычной жизни, обеспеченной, но не слишком удачливой. И хотя он дошел с русской армией до Парижа, командуя уже гусарской дивизией, надежды «повторить Суворова» оказались иллюзорными. «Грехи молодости» и независимый, откровенный характер, не терпящий бесмысленной армейской муштры на прусский лад, стали непреодолимыми препятствиями в эпоху злопамятных царей-германофилов Александра и Николая.

Неудовлетворенный своим положением в армии, честолюбивый Денис Давыдов вынужден был в 1823 году в чине генерал-майора уйти в отставку. Прижизненная слава его была велика, но она не могла удовлетворить его полностью так же, как и литературная деятельность. Недаром в автобиографии, написанной от третьего лица, поэт так отзывается о своих стихах: «Они были писаны на привалах, на дневках, между двух дежурств, между двух войн; это пробные почерки пера, чинимого для писания рапорта начальникам, приказаний подкомандующим».

В этих словах, конечно, изрядная доля кокетства. И все же следует признать, что главным своим занятием Давыдов считал военное поприще, которое ему пришлось преждевременно оставить...

Последние двадцать лет жизни Денис Васильевич больше занимался литературой. Подготовил и выпустил в 1832 году свой первый поэтический сборник, но стихи писал так же редко, как и в дни гусарской молодости. Гораздо больше времени у него занимали военно-исторические сочинения, в которых вновь оживал славный 1812 год. Пушкин в те годы недоумевал, как «мог унизиться до прозы увенчанный музикою поэт». Но пройдет всего лишь несколько лет, и его самого неумолимо потянет к прозе...

14 декабря 1825 года — рубеж в жизни русского общества. Логика исторического развития должна была привести на Сенатскую площадь и Пушкина, и Дениса Давыдова. Но один находился в деревне в ссылке, другой замкнулся в Москве в тесном семейном кругу. Мы не знаем по документам, как отнесся Давыдов к этому событию и к столь жестокой для русских нравов расправе над побежденными. Вероятно, он их жалел, сочувствовал им. Многие из его друзей оказались там, а любимый кузен Василий был приговорен к вечной каторге... Но сам он уже не был прежним вольнодумцем. Отказавшись в свое время присоединиться к заговорщикам, он теперь «поправел» вместе с обществом. Примирился он и с самодержавием, по крайней мере внешне. Участвовал в русско-персидской войне 1826 года, затем вновь на покое, до 1831 года, когда за участие в подавлении польского восстания он получает два ордена и некогда возведенный чин генерал-лейтенанта. Но к тому времени его менее даровитые сверстники ходили уже в фельдмаршалах. Несмотря на свое отступничество, Давыдов среди раблепных царских генералов николаевской эпохи оставался «белой вороной». И он снова уходит в отставку, в полную комфорта и ленивого спокойствия помещичью жизнь, с ее беспешными сытыми обедами, с горящей кровью псовой и ястребиной охотой, с романтически приукрашенным провинциальным флиртом... Правда, сохранялись еще литературные связи со столицами, и светлые порывы юных лет нередко еще волновали душу.

Денис Давыдов занял в нашей истории и культуре особое, неповторимое место. И не только благодаря 1812 году, хотя, по его же словам, в этот год он навсегда «врубил свое имя». В восторженных стихах, выражая чувства благодарных современников, Николай Языков писал Денису Давыдову:

**Много в этот год кровавый,
В эту смертную борьбу
У врагов ты отнял славы,
Ты — боец чернокудрявый
С белым локоном на лбу!..**

Царские любимцы, вроде дослужившихся до фельдмаршалов Паскевича и Дибича, не могли «обойти» Дениса Васильевича Давыдова в памяти народной. Уже при жизни он стал национальным героем.

Рассказ о нем хочется закончить одним старинным отзывом. 157 лет тому назад в рецензии на первый сборник стихотворений Дениса Давыдова журнал «Московский телеграф» писал: «Имя Дениса Васильевича Давыдова знакомо всем любителям Поэзии Русской. Но с известностью поэта он сумел сочетать и другую, не меньше лестную известность образователя партизанской войны в 1812 году. Оба сии права, на поэтическую и военную славу соединились в умах соотечественников и сделали его давнишним любимцем публики».

Не может не вызвать восхищения этот лихой наездник, одинаково уверенно державшийся и в седле резвого донского скакуна, и на спине капризного Пегаса.

Коллаж Владимира ВОЛКОВА

...Наиболее жаркая полемика, и сегодня усердно поддерживаемая средствами массовой информации, давно уже бушует по поводу пресловутого «металла». И это не случайно: армия поклонников «тяжелой» музыки растет не по дням, а по часам: как грибы после дождя появляются все новые и новые «хэви-метл» группы. Шутка ли сказать: на московской «Рок-панораме-87» из полусотни выступивших групп более половины (!) играли (или пытались играть) «металл». Однако справедливости ради надо отметить, что восторг определенной части публики вызвали не более трех-четыре коллектива. Но даже среди этих «хромированных» команд здорово выделялась группа «Черный кофе». А выделиться в потоке «горячего металла», когда группы похожи, как близнецы, композиции, как капли воды, «героические» позы музыкантов на сцене, как элементы в обязательной программе фигуристов, прямо скажем, очень непросто. И все-таки «Черный кофе» в этом деле преуспел.

Неординарные вокальные данные лидера группы Дмитрия Варшавского, столь несвойственный «металлу» мелодизм композиций, высокий профессионализм музыкантов — все это обусловило выход «Черного кофе» в авангард «металлистов». Примечательно, что наибольшим успехом у слушателей пользуются медленные композиции группы («Владимирская Русь», «Листья»), то есть композиции с яркой мелодической основой. Они легко запоминаются, их можно напевать в отличие от большинства «стальных» опусов других групп.

Как утром чашка черного кофе, взбадривают песни «Переступи порог», «Светлый металл». Публика на концертах, мягко говоря, не скучает: здесь и аплодисменты, и крики, и, конечно же, целые стада «коз» (своеобразная комбинация из пальцев — признак любви к «хэви-метлу»). Энергия, которой заряжены все песни группы, возвращается от публики к музыкантам под тем же «напряжением». Это закон любого рок-концерта. Но именно «благодаря» контакту «сцена — зал» группа пережила немало неприятных моментов. В чем только ее не упрекали: и в развязности, и в музыкальной безграмотности, и в пропаганде чуждой нам культуры. Но коллектив выдержал, выстоял и сумел доказать свою жизнестойкость.

Успеху группы способствовал в большой степени выход долгоиграющей пластинки «Переступи по-

рог», в которую вошли практически все боевики «Черного кофе». Это был первый диск с записями «металлической» музыки, выпущенный фирмой «Мелодия». Событие в своем роде революционное и потому породившее новую волну дебатов на тему «льзя» или «нельзя». Время доказало, что «льзя»...

Популярность группы можно объяснить еще и тем, что «Черный кофе» с момента своего создания, с непрофессионального детства, так сказать, играл «тяжелую» музыку. Музыканты, не в пример многим своим именитым коллегам, не меняли стиль в угоду моде. А потому творческая мимикрия, столь распространившаяся в последнее время среди рок-групп, миновала этот коллектив.

Несколько раз менялся состав «Кофе», но эти болезненные периоды практически не повлияли на «здоровье» группы. Тандем Дмитрия Варшавского и Игоря Куприянова (бас-гитара, вокал) надежно обеспечивает группе популярность. Очень здорово помог молодым музыкантам в трудный период становления на профессиональной сцене опытный режиссер и продюсер Ованес Мелик-Пашаев, в чьей программе группа работает и по сей день.

И все бы хорошо, но вот только вызывает определенные сомнения будущее «хэви-метл» в целом, а вместе с ним и судьба группы. Дело в том, что, несмотря на всю воинствующую популярность «металла», это направление не оправдало возлагавшихся на него надежд. Творческий всплеск, который лет десять назад породили «Машина времени», «Високосное лето», «Аквариум» и другие ансамбли, прошел, и практически ничего столь же яркого и самобытного за минувшие годы не появлялось. И вот пару лет назад на сцене зазвучал «металл»; была в нем какая-то шокирующая самоуверенность, был свежий ветер. Увы, сей-

час уже всем ясно, что реанимировать наш рок-н-ролл зарядами «хэви» не удалось.

И, видимо, прав Андрей Макаревич, который как-то сказал, что весь бум вокруг «металла» кончится в тот день, когда в «Детском мире» в свободной продаже появятся «напульсники» и «шиповки». Дело в том, что «металл» — это, пожалуй, единственный стиль, который целиком и полностью принадлежит молодежи. Не выдерживают взрослые этой музыки, не выдерживают.

Но стоит только раскрыть перед ней все двери, как «металлическая» аудитория если и не исчезнет совсем, то сократится до небольшой группы истинных знатоков и любителей, которым этот «плод» сладок в независимости от «запретов». Думается, останется три-четыре самых

хороших коллектива, и есть надежда, что среди них будет и «Черный кофе».

И последнее. Любопытно, что молодые люди, которые считают себя поклонниками «хэви», своей музыкой не знают и записывают в «металлисты» всех, кто вызывает их интерес: от «Алисы» до «Наутилуса». Это говорит о том, что мода на атрибутику подменяет моду на музыку, а стрелка вектора развития рок-н-ролла отклоняется все больше от «металла». Впрочем, это уже тема для отдельного разговора...

КОФЕ БЕЗ ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВ МОЛОКА

— Держи, недоумок,— шеф протянул через стол стограммовый шкалик коньяку,— брось после ужина парню в карман. Вечером не заметит, утром найдет, думаешь, он с похмелья вспомнит, как у него шкалик оказался? Платком его протри, Володя. Достаточно того, что ты в одном месте свою визитную карточку оставил. Я такие дела проворачиваю, а ты один пустяк сделать не можешь, хочешь все иметь и ничем не рисковать.

Артеменко молча взял шкалик, завернул в платок, убрал в карман.

— Люблю я тебя,— Юрий Петрович вздохнул,— а может быть, просто привык. Так мы свои привычки любим больше всего на свете. Ты смотри, по ошибке сам не хлебни, отдашь богу душу раньше времени.

Артеменко понять последней фразы не мог, и Юрий Петрович рассмеялся.

— Я пошел. Хвоста за тобой нет, я уверен, что милицейский дружок твой Володю Артеменко ни в чем не подозревает, действуй спокойно. Да, капсулу, что у тебя осталась, в туалет выброси. Яд хранит опасность, не убьет сегодня, обязательно убьет завтра.

Артеменко не знал, что капсулы с ядом у него уже второй день нет. Так закончилась его встреча с Лебедевым, а сейчас...

Артеменко рассказывал девушкам давно забытый анекдот и нащупывал в кармане шкалик: как бы его вместе с платком не вытряхнуть. Толик шел чуть впереди, ни куртки, ни пиджака он не носил, брюки в обтяжку, в задний карман шкалик не сунешь. Хорошо Петровичу у пульта дистанционного управления сидеть и командовать.

— Володя,— Майя сжала ему локоть.— Когда рассказываешь анекдот, полагаются не хмуриться, а смеяться.

«Я не справлюсь,— рассуждал тем временем подполковник Гуров,— точно не справлюсь, необходимо звонить в Москву, просить помощи. А сейчас — отменить выездной обед и вернуть всех в гостиницу».

Гуров догнал Толика Зинича и негромко, четко выговаривая слова, заговорил:

— Толик, мы нашли твоего пожилого приятеля, который тебя бросил. Не крути головой и закрой рот. Если тебя умный человек в номере запер, надо сидеть и терпеливо ждать, пока выпустят.

— Товарищ начальник,— пробормотал Толик,— Лев Иванович, я думал...

— Не надо,— перебил Гуров.— Я сейчас от тебя отойду, через несколько минут ты скажешь, что возвращаешься в гостиницу. Не объясняй почему, надо, и все, точка. Вся компания тоже вернется. И ты весь оставшийся день будешь ходить за мной как привязанный.

— А если все не вернется? — Толик икнул.

— Вернется.— Гуров остановился, подождал Артеменко и девушек.— Друзья, надо торопиться на пляж, хоть немножко загореть.

Таня чуть кивнула, Артеменко безразлично пожал плечами, окликнул Кружнева:

— Леня, ты что, словно принц датский, в уединении решаешь надоевший всем вопрос?

— Я уже решил,— ответил Кружнев.

Каждый в этой веселой и беззаботной компании принял решение, что он будет сегодня делать и чего не будет. Но все ошибались. Ошибались даже профессиональный сыщик, чего же ждать от остальных?

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР

«Я свое возвращение подготовил, Таня последует за мной. Как только Зинич повернет, за ним бросится и преступник», — рассуждал Гуров.

Так все и произошло. Поднимаясь по лестнице гостиницы, Майя сказала:

— Толик, зайди, ты мне нужен.

— Сей минут, госпожа,— ответил Толик и пошел за подполковником.

Гуров пропустил его в номер, запер дверь.

— Садись и рассказывай, времени выслушивать вранье у меня нет. Когда, где к тебе подошел невысокий плотный мужчина, лет шестидесяти, чем тебе пригрозил, что от тебя потребовал? Выкладывай, Зинич, быстро.

— Какой мужчина? — На Толика опять напала икота.

— Я ни разу в жизни не ударил допрашиваемого. — Гуров угрожающе двинулся на Зинича.— Мы не в служебном кабинете, сейчас не допрос, дружеская беседа.

— Прокурор! — прошептал Толик, втягивая голову в мощные плечи.

— Будет прокурор, обязательно! Говори!

— Все, все, гражданин начальник, я ни в чем не виноват. Девка выбросилась из окна сама.

— Я задал тебе вопросы, отвечай по порядку.

— Понял, сейчас, вот только соберусь с мыслями. Зазвонил телефон. Гуров снял трубку, сказал:

— Слушаю.

— Артеменко говорит. Лев Иванович, вызовите милицию и срочно приходите в триста шестнадцатый.

Гуров положил на стол блокнот и шариковую ручку.

— Сиди и пиши! Из номера выберешься — посажу в изолятор!

Дверь номера, в котором жила Майя, была приоткрыта. Гуров вошел без стука.

Майя лежала на полу, запрокинув голову, осклаившись, смотрела в потолок. Подполковник Гуров покойников в своей жизни видел и проверять пульс у Майи не стал.

Таня и Артеменко сидели в креслах, сложив руки на коленях, будто примерные ученики. Из прокушенной губы Тани стекала кровь, из широко открытых глаз Артеменко бежали слезы.

— Так и сидите,— устало сказал Гуров и позвонил в отдел.— Товарищ майор, приезжайте, возьмите с собой группу и следователя прокуратуры.

Артеменко медленно поднялся и начал двигаться вдоль стены, стараясь держаться от тела как можно дальше.

— Сядьте на место,— механически сказал Гуров.

— Мне надо в свой номер.— Артеменко опустился в кресло, удивляясь собственной наивности. Никуда его не выпустят.

Можно попроситься в туалет, но подполковник обязательно войдет за ним, и, кроме униженной сцены, ничего не получится. Надо сидеть смиренно, если он начнет дергаться, только привлечет к себе внимание.

В коридоре раздались голоса, шаги, первым к стоявшему в дверях Гурову подлетел Отари. Гуров дал возможность майору взглянуть в номер, обратился к следователю прокуратуры.

— Вот такие дела. Девушка, которая сидит в кресле,— офицер милиции, если вы разрешите, я ее забере, вы сможете допросить ее чуть позже.

Следователь прокуратуры, худощавый немолодой человек, оглядел место происшествия, повернулся к стоявшему за его спиной врачу:

— Начинать,— потом внимательно посмотрел на Гурова.— Старшего лейтенанта я знаю. Если она вам нужна... — Он пожал плечами.— А мне, Лев Иванович, вы ничего не хотите сказать? Вы, как мне успели сообщить, человек опытный.

— Пожарник, в присутствии которого спалили дом, должен заткнуться.— Гуров взглянул на Отари.— Где Екатерина Иванова?

— Дорогой, зачем нужна горничная? Сейчас до нее?

— Товарищ майор,— Гуров сдержал себя, вздохнул, повернулся к следователю.— Здесь яд, думаю, девочку убили по ошибке. Хотя и не поручусь. В номере находится человек опасный. Не выпускайте его из поля зрения, не разрешайте вынимать что-либо из карманов.

— Хочу официально заявить,— Артеменко, за которым Гуров продолжал следить неотрывно, подбежал к дверям.— Когда я вошел в номер, девушка уже была мертва! У меня есть свидетель! Задерживать меня вы не имеете никакого права!

— Владимир Никитович, умерла женщина, которую вы любите,— сказал Гуров.— Ведите себя достойно.

— Я не могу, не могу здесь находиться! — Артеменко почувствовал, что нашел выход из положения. В данной ситуации истерика не только допустима, но и естественна.— Хотите задерживать, задерживайте, приставьте охрану, запирайте меня в моем номере! Только не здесь, будьте людьми!

Следователь увидел, как Гуров отрицательно покачал головой, и сказал:

— Я вас понимаю, однако порядок нарушить не могу. Доктор, помогите товарищу.

Врач сделал Артеменко укол, а Гуров жестом вызвал Таню.

— Отари, мне нужна машина. А сейчас пройдите оба ко мне в номер.

Толик, не знавший о случившемся, сидел за столом и сочинял.

Гуров бегло просмотрел его творчество, бросил листки на стол.

— Несколько минут назад убили человека, ты можешь оказаться соучастником.

По выражению лиц Тани и майора Антадзе Зинич понял: его не залуговают. И порвал свою исповедь на мелкие кусочки.

— Все, все! — Зинич схватился за грудь.

Гуров махнул на него рукой.

— Товарищ майор, потолкуйте с гражданином. Через десять минут я должен знать правду.

ЕЩЕ НЕ В

Когда майор вывел Зинича из номера и закрыл за собой дверь, Гуров указал Тане на кресло, сел сам, достал сигареты.

— Какой-то кошмар, так неожиданно.— Таня запнулась.— Извините, товарищ подполковник, вам нужны факты, а не эмоции.

— Давай подряд, с момента, как мы расстались в коридоре.— Гуров закурил.— Напоминаю, Майя позвала Зинича, вы пошли в номер.

— Мы вошли в номер,— повторила Таня.— Я зашла в ванную, дверь за собой не закрыла, причисывалась. Да, в номере, естественно, никого не было. Тут же зазвонил телефон, Майя сняла трубку и сказала: «Отстань, все ты врешь, мне надоело!» — и бросила трубку. На столе стояла бутылка коньяка. Майя налила в два стакана, сама выпила, мне не предложила, лишь кивнула. Затем она сказала: «Начинать новую жизнь пошло, но я попробую. Татьяна, я выйду замуж, рожу сына, растолстею. Представляешь? Начну жить скромно, от зарплаты до зарплаты, проживу долгую, скучную жизнь, и когда тихо умру, надо мной фальшиво поплачут».

— Потом она... — Таня задумалась.— Она открыла гардероб, что-то достала, кажется, из кармана своего голубого жакета. Знаете, у нее такой наимоднейший жакет, с подкладными плечами?

Гуров наимоднейшего жакета не помнил, но согласен кивнул.

— Майя держала в руках что-то очень маленькое, я не рассмотрела, честно сказать, я ее почти не слушала. «Вот яд смертельный! — Она театрально взмахнула рукой.— Я глотну — и все! Ни мужа, ни сына, ни скучной старости! Мой труп! А вы вечером в этом кошмарном ресторане устройте поминки». Все.

— Как все? — не понял Гуров.

— Майя что-то проглотила, сделала шаг и упала.— Таня расстегнула воротник блузки.— Я ничего не поняла, даже рассмеялась. Дверь открылась, вошел Артеменко и сказал: «Майя! О боже!» Я хотела подойти к ней, но Владимир Никитович меня не подпустил, нагнулся к ее лицу, словно хотел поцеловать, затем позвонил маме.

— Он не слушал сердце, не проверял пульс? — спросил Гуров.

— Нет, он вроде знал, что Майя мертва.

— Хорошо.— Гуров в сердцах ругнулся.— Что я говорю? Ладно. Слушай, Татьяна, внимательно. Ты срочно найдешь горничную Екатерину Иванову.

Гуров инструктировал Таню долго и тщательно, просил повторить свои вопросы, дважды поправлял ее, когда девушка нарушала их последовательность.

Зинич, естественно, рассказал все. Когда пришел Гуров, парень уже оправился от шока и мог свою историю повторить гладенько.

Отари смотрел на Зинича грустно, понимая, что парня использовали «втемную». Лебедев на очной ставке от всего откажется, его не взять. И прекрасно! Все изменилось, утром подполковник Гуров был его другом. Сейчас он главный враг. Он его не поймет, потому и знать ничего не должен.

Гуров почувствовал: сейчас Зинич говорит правду, значит, главари не взять. Конечно, планы мы его рущим, но истину на свет не вытащим и виноватых не накажем. Ни Артеменко, ни Кружнев показаний не дадут, а с тем, что у меня есть,— все равно что с мелкашкой на медведя.

Отари и Зинич о чем-то спорили, Гуров опустился в кресло и равнодушно, без всякой злости сказал: — Заткнитесь.

Николай ЛЕОНОВ

ЕЩЕ

Рисунки Виталия ФЕДОРОВА

«Еще недавно я не позволял себе так разговаривать ни с кем». Гуров взглянул на Отари, хотел извиниться, но лишь поморщился.

— Пустяки, дорогой. Ты просто устал,— сказал Отари и кивнул Зиничу на дверь.— Выйди, подожди в коридоре.

— Дайте минуту, майор. Если Татьяна добьется успеха, необходимо горничную Иванову официально допросить. Кружнева задержать в порядке сто двадцать второй, на семьдесят два часа.— Гуров встал.

— За что задержать? — Отари старался говорить спокойно и не размахивать руками.— Лев Иванович, почему ты не можешь мне все объяснить? Я не деревянная фигурка, которую на шахматной доске переставляют.

— Времени нет,— ответил Гуров.

— Я задержу! Ты не докажешь! Кто за незаконное задержание отвечать будет?

— Майор Антадзе, естественно.— Гуров даже пожал плечами.— Артеменко тоже задержать, и у обоих изъять все, вплоть до носовых платков, я уже не говорю об авторучках. Передай следователю, если не докажете вину Кружнева и Артеменко и через семьдесят два часа их отпустите, вас по головке не погладят. А если в гостинице еще одного человека убьют? Работай, Зинича со мной в машину.

Гуров уже открыл дверь, неожиданная мысль оставила его:

— Черт побери! Нельзя задерживать. Разведи их по номерам, посади с ними людей, пусть читают журналы и пьют чай. Спиртное у Артеменко отбери.

Отари подумал, что еще одного человека в гостинице сегодня убьют и никто этому не помешает, даже подполковник Гуров.

В этот день Юрий Петрович поднялся рано, пребывая в настроении противоречивом. Вчера Володю Артеменко удалось уговорить, однако парень он оказался хлипковатый. Леня Кружнев человек железный, но неуправляемый, способен выкинуть любое колечко. Положение, казалось бы, дерьмовое, радоваться нечему. С другой стороны, ситуация за последнее время не ухудшалась. Половину требуемых денег он семье южанина передал, вторую половину обещал отдать после суда. Значит, о том, чтобы Юрий Петрович Лебедев находился на свободе, позаботятся.

Зазвонил телефон, звонок был междугородный. Лишь вчера Лебедев сообщил в Москву свой новый номер, кому-то уже нейдет. Он снял трубку.

— Здравствуй.

Абонент не представился, но Лебедев сразу узнал его. Звонил тот самый человек с грустными глазами, что в Москве передал от «южанина» привет, «попросил» деньги и потребовал ликвидировать Артеменко и Зинича.

— Нужный тебе человек не местный, из Москвы, твой друг. Власть вышли на него, требуют к себе. Если он попадет в кабинет следователя, всем конец, тебе тоже. Я дал тебе документ на...

— Помню,— перебил Юрий Петрович.

— Действуй немедленно, твоя судьба в твоих руках.— Абонент положил трубку.

— И откуда он все знает? — думал Лебедев.— В тот раз о пальцевых отпечатках на шкатулке, теперь, что прокуратура вышла на Артеменко? Ну, это дело не мое...» Лебедев написал майору Антадзе письмо и отнес в отдел.

В это время оперативники уже выходили на некоего «Ивана Ивановича».

Он вернулся в гостиницу и начал анализировать ситуацию. Антадзе послушаться не посмеет, не допустит, чтобы отец и дед сели в тюрьму, значит, часы Володи Артеменко сочтены. Сам он, Юрий Петрович Лебедев, вне опасности и к происходящему, и к тому, что сегодня вечером должно случиться, никакого отношения не имеет.

Гуров вошел без стука, прервав размышления Юрия Петровича на самом интересном месте.

— Я не здороваюсь, так как здравствовать вам не желаю.— Гуров закрыл за собой дверь.— Вы Юрий Петрович Лебедев, я — Лев Иванович Гуров. Вы — преступник, я подполковник милиции, такие встречи время от времени происходят.

— У вас наверняка имеется документик, но не беспокойтесь, верю на слово.— Юрий Петрович опустился в кресло, жестом пригласил Гурова садиться.— А что человек преступник, устанавливает только суд. Вы это знаете не хуже меня, судя по возрасту и званию, оговориться не могли, значит, умышленно оскорбляете.

— Точно.— Гуров кивнул.— У меня с доказательствами дело обстоит плохо, решил обидеть, может, вы сгоряча подбросите в огонь дровишек.

— Это вряд ли,— ответил Юрий Петрович и подумал, что если бы у Гурова было плохо с доказательствами, то он бы так не говорил.— Думаю, вызывать милицию и выпроваживать вас бессмысленно?

— Правильно думаете. Я у вас пока,— Гуров сел в кресло,— как частное лицо, такой нахальный незваный гость. Можете не сомневаться, следователь прокуратуры, официальный допрос, очные ставки — все будет, не волнуйтесь. Давайте сначала мирно поведем.

— Нет.— Юрий Петрович поднялся.— Мирную беседу мы пропустим. Начнем с официального протокола.

«А чего я ждал? — подумал Гуров.— Такой человек на беседу не согласится. Позиция у меня слабенькая, если он это поймет, то обнаглает, и следователю с ним не справиться».

— Имеете полное право.— Гуров тоже встал.— Я подумал, что разговаривать здесь приятнее, чем в милиции. Следователь прокуратуры проводит осмотр места происшествия. В «Приморской» от мгновенно действующего яда умер человек. Пока следователь осмотр не закончит и всех не допросит, вами заниматься не начнет, придется ждать...

— А я-то здесь при чем? — удивился Юрий Петрович и вновь сел в кресло.— Чуть какая-то!

— Действительно,— согласился Гуров.— Серьезный человек, финансист, и вдруг какой-то яд, бессмысленные убийства.— Он сокрушенно вздохнул и развел руками.— Я здесь отдыхаю, вообще человек сторонний, но мне любопытно стало, я и согласился за вами подъехать.

«Быстрее надо говорить, больше информации, не дать ему времени на анализ,— думал Гуров.— Я сам себе противоречу, но он не должен успеть сориентироваться».

— Я розыскник, моя клиентура все больше кистенем да фомкой пользуется, ну, сегодня уже пистолет и отмычку освоила. Вы ведь должны по республикан-

скому делу о хищениях и взятках в особо крупных размерах проходить, но вас пока подследственные с собой не берут.— Гуров говорил быстро, легко, перекачивая с одного на другое, словно речь шла о ерунде.— Я в вопросах хищений и взяток полный профан, вы же знаете, у нас узкая специализация. Убийствами я занимаюсь, в их раскрытии кое-какие заслуги имею. Я и говорю местным властям, крупный финансист перекараситься в убийцу не может.

— Я и в «Приморской» ни разу не был,— Юрий Петрович растерялся,— легко доказать.

— Они говорят, мол, незамедлительно задержать Лебедева Юрия Петровича. Он под чужим именем жил в городе, встречался тайком с Зиничем и Артеменко, наверняка...— Гуров спохватился, вроде бы сказал лишнее.— Я с вашего разрешения боржомчика выпью.

— Конечно, конечно.— Юрий Петрович открыл стоявшую на столике бутылку, наполнил бокал.— Прямо фантазмагория,— пробормотал он, пытаясь отгадать, кого же убили и что конкретно против него могут иметь.— Как это под чужим именем? Какой Зинич? Какой Артеменко? Вот мои документы, абсолютно подлинные.

Он вынул из кармана паспорт и бросил на стол. Гуров удобно расположился в кресле,пил боржомом, на паспорт даже не взглянул. «Надо подбросить ему мысль, что я с местными властями в конфликте. В мое стремление ему помочь он никогда не поверит, а в ведомственные распри поверить может вполне».

— Ребята из УБХСС и прокуратура гигантоманией страдают. Только у них дела миллионные, а в угро копеечные делишки. Лебедев, конечно, преступник, тут я с ними согласен.— Гуров взглянул на хозяина и развел руками, мол, извини, от истины не отступлюсь.— Так и берите Лебедева по его делу. А в мои кровные дела, на которых, фигурально выражаясь, я собаку съел, не лезьте.

Гурову не понравилось, что Юрий Петрович молчал, значит, думает, сопоставляет. Необходимо его огоршить, запутать.

— Я согласился за вами подъехать: интересно выяснить некоторые детали без протокола, может, вы сболтнете чего лишнего! — Гуров заразительно рассмеялся, словно приглашая хозяина поддержать забавную игру.

Подполковник не сомневался, что преступник ничего лишнего не скажет, добывался не дополнительной информации, а чтобы Юрий Петрович некоторые факты признал до встречи со следователем.

— Вы, я вижу, человек веселый,— начал осторожно Юрий Петрович, контролируя каждое свое слово.— Только разделить вашего веселья не могу. Проживаю я по своим документам, ни с кем тайно не встречался, а уж к убийству в гостинице тем более никакого отношения не имею.

— Очевидные вещи отрицать неразумно! — Гуров вновь рассмеялся.— Как говорится, маленькая ложь

— Когда увидимся? — Следователь протянул руку.
— Будешь в Москве, звони. Сюда в обозримом будущем не прилечу. И еще.— Гуров придержал руку следователя.— Не знаю, где и как, но я достану материал и докажу вину и Лебедеву, и Кружневу. Они убийцы, и они ответят.

Следователь смотрел на Гурова и думал, что подполковник несколько напоминает робота, которого запрограммировали на решение задачи, и он будет биться над ней, пока не решит, либо у него сгорят предохранители.

Они молча вышли из гостиницы, кивнули друг другу и разошлись в разные стороны. Гурова знобило, ему было стыдно за свои напыщенные слова.

Следователь беседовал сам с собой и время от времени пожимал плечами. Фанатик. Наказание должно быть неотвратимым? Справедливо и красиво сказано, но сегодня это лишь лозунг, слова. Однако Лебедеву и Кружневу не позавидуешь.

Гуров не хотел думать о происшедшем, он сейчас слишком был взвинчен, а поиск решения требовал холодного, спокойного расчета. Гуров пытался отвлечься, думать о завтрашнем дне, Москве, о встрече с женой, пытался представить себе насмешливое лицо полковника Орлова и его первую фразу, когда Гуров войдет в кабинет,— но ничего не получалось.

Когда Гуров вошел в кабинет начальника, Петр Николаевич Орлов взглянул не насмешливо-иронически, а очень серьезно.

— Здравствуй,— ответил он на приветствие Гурова, убрал документы в сейф, пошел к дверям, кивком пригласив следовать за собой.

У генерала Турилина была новая секретарша, она посмотрела на вошедших офицеров безразлично и сказала:

— Проходите.

Кабинет был все такой же большой и холодный. Генерал вышел из-за стола, пожал Орлову и Гурову руки, предложил сесть за стол для совещаний. Три человека за большим полированным столом смотрелись одиноко и неудобно. Гуров знал Константина Константиновича с первого дня своей работы в розыске, когда Турилин еще не был генералом, а он, Лева, в милиции еще вообще был никем. Константин Константинович на работе никогда ничего не делал просто так, и раз они втроем сели за стол для совещаний, значит, никаких тебе обращений по имени отчеству, воспоминаний и дружеских улыбок.

«Да не пугайте меня, товарищ генерал,— хотел сказать Гуров.— Может, для вас я все еще щенок, на самом деле у меня уже шкура дубленая, картечью не прошибешь».

— Ознакомьтесь, товарищ подполковник.— Генерал положил на стол конверт, подтолкнул кончиками пальцев. Пришедшая на Гурова «телега» скользнула по полированному столу.

Генерал и полковник вполголоса беседовали, а Лев Иванович Гуров ознакомился с содержанием послания. Он знал, что ударят, но чтобы так нагло шарханули, не ожидал.

«...Находясь в отпуске, козырял своим служебным положением и захватил «люкс» в интуристовской гостинице... Поддерживал постоянную связь с преступным элементом, круглосуточно пьянствовал... Вступил в интимные отношения с сотрудницей уголовного розыска... Самовольно вмешался в ход расследования... Поднял своим авторитетом местных товарищей, вынудив их совершить ряд ошибок... Которые повлекли за собой смерть трех человек... В исторический период перестройки, гласности и полного обновления нашего общества считаем своим долгом...»

Бумага была не анонимная, под ней красовалась подпись начальника отдела, полковника, которого Гуров в глаза не видел. Внизу четким острым почерком Турилина было написано: «Тов. Кривенко, провести служебное расследование. Доложить». Хотя Гуров и не пытался встать, генерал сказал:

— Сидите, я вас не отпускал. У вас есть тридцать минут, рассказывайте.

Гуров говорил медленно, тщательно взвешивая каждое слово, избегал оценок, собственных выводов, строго придерживаясь фактов и хронологии событий. Он закончил свой рассказ через двадцать восемь минут.

— Ты и сейчас считаешь себя очень умным и опытным? — спросил Турилин.

— Не считаю, товарищ генерал! — Гуров встал.— Но если я второй раз попаду в схожую ситуацию, буду вести себя примерно так же.

Турилин повернулся к Орлову и спросил:

— Петр Николаевич, вам ясно? Этого человека, офицера и коммуниста, воспитали вы и я. Сопроводите его в Управление кадров, проследите, чтобы Лева не наломал дров... Свободны.

Они шли длинными коридорами молча, неторопливо, в ногу. Гуров отлично понимал, что генерал Турилин сделал все возможное: ознакомил с обвинением, дал в помощь Орлова.

— Ну, жизнь покажет,— прошептал Гуров.

— Что ты бормочешь? — Орлов положил руку ему на плечо.

— Я сказал, что еще не вечер! — ответил Гуров.

Материал Евгения Додолева и Анны Кучерова «На белой простыне экрана» (№№ 5 и 6 «Смены» за этот год) вызвал настоящий читательский бум. Щедрый поток писем, телеграммы, стихи, рисунки, телефонные звонки... Причем обращались не только в редакцию журнала, на конвертах значились самые различные адреса, вплоть до «Москва. Кремль...». Возмущение, протесты, приветствия, изумление, благодарности — палитра эмоций яркая и необъятна. Начиная от «Спасибо, «Смена»! Во времена!» до «На вас бы революцию затеять!» Короче, материал задел за живое. Страсти, как и прогнозировалось, подогрел кинематограф: в прокате появились ленты, сдобренные откровенной «обнаженкой».

Но читатели повели разговор в предложенном авторами «Простыни...» русле, то есть выходящий за рамки собственно киноэротики. В большинстве писем речь идет о большем, а точнее о главном: ставятся проблемы этического и эстетического звучания, воспитания молодого поколения, поднимаются вопросы сексуальной морали, семейной жизни, нравственности, вообще духовности.

Любопытно, что многие взялись за перо, не дожидаясь публикации окончания материала, так и не узнав об авторской позиции. Письма продолжают идти и поныне. Увы, многие читатели как бы воспользовались рецептом, «предложенным» авторами «Простыни...» — отсидеть в зале и не увидеть фильм, заметив лишь то, что волнует; прочитали материал, не разглядев главного — авторского отношения к проблеме эротики, воспринимая черное белым, а белое — черным.

Редакция, разумеется, не в состоянии напечатать даже часть откликов. Мы выбрали те, которые выражают, на наш взгляд, настроения и идеи различных читательских групп. И думается, что рано ставить точку в нашем разговоре. Быть может, реакция читателей и кинематограф заставят вернуться к нему снова?..

Дорогая редакция «Смены».
Ну, я о-балдеваю!..

Н. ТЮРИНА, Киев

Нет предела нашему возмущению на статью авторов Е. Додолева и А. Кучерова «На белой простыне экрана». В своей статье авторы сразу признаются, что на них обрушится самый большой вал негодования со стороны старшего поколения. Но они ошиблись на много, мы, женщины всех трех поколений, не только негодуем, мы требуем привлечь авторов статьи, а также ответственных за выпуск журнала лиц к самой строгой ответственности, вплоть до отстранения от работы в журнале. В то время, когда вся страна, все люди доброй воли, народные и заслуженные артисты Советского Союза в своих выступлениях по радио, телевидению, в печати призывают к нравственному воспитанию нашей молодежи, Додолев и Кучеров (с немалого согласия своих руководителей) цинично и открыто пропагандируют разврат среди молодого подрастающего поколения, называя это раскрепощением тела, вдохновением и искусством. Еще надо разобраться, с чьего голоса это пропагандируют, чтобы ослабить нашу молодежь, увлечь ее по пути легкой жизни, наслаждений и чувств (чем уже успешно занимаются группы металлистов) и отвлечь ее внимание от серьезных проблем жизни в борьбе с темными силами империализма, против ядерной катастрофы. И случайно ли это?.. Это

же возврат к первобытному обществу, когда человек невольно ходил обнаженный, так как не знал еще, что такое одежда, и то все же пытался прикрыть свою наготу хоть листьями. Однако нам думается, что свои интимные супружеские отношения даже наш дикий предок скрывал от посторонних глаз, а за разврат и там сурово карали сжиганием на костре. Ведь культура человека и заключается в том, что он, однажды устыдившись своей наготы, придумал одежду. А нас призывают не стыдиться своего тела да еще с экрана показывают в полном смысле супружеские отношения, особенно предлагая это подросткам... И работники «Мосфильма», если бы нужна была по ходу фильма такая сцена, то нельзя, что ли, сделать это поприличнее, завуалировать, а не снимать все в натуре... Были такие выпады со стороны анархистов в первые годы после революции, когда в г. Киеве на улицу вышла группа обнаженных гуляющих женщин с лентой через плечо «Долой стыд!». Конечно же, их арестовали и привлекли к ответу. Так то ж были анархисты и проститутки. А здесь пишут статью советские журналисты, и еще страшнее. Разве нам мало сейчас хлопот в борьбе с подростками, вступившими на путь преступлений, с испорченными девочками-подростками, для которых (к нашему стыду) уже имеется колония (тип заключения), именуемая в народе как «дурдом»... Так, видите ли, нам еще надо возбуждать повышенный интерес молодежи к разврату, именуя это высоким «Искусством красоты нагого тела и чувственных отношений»... Да ведь на Западе еще остался буржуазный строй, есть рабы, насилие, гангстеры — все то, что мы вычистили у себя с 1917 года. Так нам, что же, и это перенять и прекратить тогда уж называться страной Советской? Но не бывает этому!!! Возврата к прошлому не будет! Мы дадим всем по рукам, кто хочет возврата! Мы, матери-женщины, болея за воспитание своих детей, подростков, дочерей, требуем:

1. Немедленно убрать кадр из кинофильма «Меня зовут Аркедино» где демонстрируется в полной мере насилие. Это и взрослым смотреть неприятно, не то что детям. И призвать к ответу режиссера Рыбарова за эту съемку.

2. Впредь запретить в печати подобные произведения, от которых пахнет духом анархии и разврата. Нечего прикрывать это разными словесами «Эротика», когда это прямой разврат. Наказать авторов статьи, вплоть до отстранения от работы.

3. Актрису С. Копылову лишить звания актера советского экрана — ведь если бы она не согласилась на этот позор, то ничего бы и в печати не было. А чем она отличается от продажной женщины (да и то та скромнее, так как не выставляет себя напоказ всему свету), ведь не ради показа своего обнаженного тела и чувственности она решила на такое, а ради больших денег... И как думает дальше жить эта актриса? Как она будет смотреть в глаза родным и близким? Пусть мужчина стал ее мужем, но и он под напором общественного мнения и родных отвернется от нее со временем...

Члены женсовета
албазы и ДУ-6, Павлодар

...Согласен полностью с авторами статьи и мнениями наших актрис. Наши нравы очень напоминают пуританизм и ханжество, возведенные в догму и именуемые высоким словом «мораль». Почему бы «Смене» как молодежному журналу не сделать первый шаг в преодолении общего ханжества и бесчисленных запретов? Конечно, это тяжело — сделать первый шаг. Но это будет. Может, не у вас, может, через 5 лет, но будет обязательно. Поймите меня правильно. То, что я предлагаю, — это не самоцель, а лишь одно из

ЗАМЕТКИ НА КРАЯХ "БЕЛ

средств борьбы с зажатостью и закомплексованностью наших людей. Ведь невозможно воспитать гармонично развитую личность, не привив ей чувства красоты: а это и есть главный компонент красоты — человеческое тепло. А фильмы с эротикой снимать не надо. Это будет весомый козырь в руках противников демократизации половых отношений.

В. МАТИЕВСКИЙ,
инженер-атомщик,
ЧАЭС, женат,
ждем первого ребенка.

Мы почему-то все никак не можем договориться о понятиях. А ведь еще старик Вольтер призывал и завещал как-то договориться о них, иначе, грозил, будет трудно понимать друг друга... Например, есть такое понятие — сенсация. Хорошее, неуртательное слово. Его даже в «Словаре...» В. Даля нету, а мы запросто им оперируем. И до того дооперировались, что даже естественное проявление будничной гласности вдруг обываем сенсацией. Набоек — сенсация. «Дети Арбата» — сенсация. А все это вовсе не сенсация, а, увы, для некоторых, самая что ни на есть реальная действительность, скрывающаяся до поры до времени от не очень пытливого ума.

А вот публикацию «На белой простыне экрана» я бы отнес к сенсации. Не важно — со знаком «плюс» или со знаком «минус». Важно то, на мой взгляд, что это — голая сенсация, ибо за ней ничего нет — ни проблемы, ни вопроса, ни факта, ни информации. Она, эта сногшибательная публикация, от начала до конца риторична. Думаю, и ее авторы прекрасно отдают себе в этом отчет. Хотя поговорить есть о чем.

Давайте и поговорим... Что бы и как бы там красиво авторы ни говорили, речь идет об одном — нужна ли «сексуал» нашему, как полагают авторы, бесполому кинематографу? Цинично? Может быть. Ладно, назовем это раскованностью. Так будет позитивнее. Тем более слово «раскованность» то и дело встречается в «На белой простыне...». Хотя, согласимся, раскованность на простыне и раскованность на экране — это две большие разницы.

«На свой страх и риск мы провели этаким социальный опрос», — читаем мы. Е. Додолев и А. Кучеров спрашивали девушек на Пушкинской площади столики: согласились бы вы сняться в видеоклипе на сюжет «половые сношения на ковре» с певцом известной рок-группы? Возраст опрашиваемых — от 15 до 18 лет. Из двадцати подопытных отказались только четверо. Ну и что? «Выводы делайте сами», — советуют авторы. А какие выводы надлежит делать? Что девки — дуры? Или — что нам нужны эротические фильмы? Или — что нам нужны эротические эпизоды в фильмах? Или — что страна задыхается без своих доморощенных «секс-звезд»? Такие выводы что-то не вытекают. Ну что с того, что девки с улицы готовы обнажиться и лечь на ковер с любимым певцом перед видеокамерой? Они и не только это могут. В конце концов это их личное дело. И все это совсем не доказывает наличия хоть сколь-нибудь осязательной внутренней потребности общества в святом деле дальнейшего развития нашей отсталой киноэротики. Я бы даже сказал: совсем наоборот, вот эта безграничная внутренняя «раскованность» скорее свидетельствует о бездонной духовной пустоте. Боже ж мой,

человечество тысячелетиями по крохам и каплям создавало то, что принято называть культурой, духовностью! Бога, конечно, нынче уже нет, но значит ли это, что «все дозволено»? И какими же это шедеврами искусства перекормил нас отечественный кинематограф, что нас так потянуло расслабиться на свансах с грамфонным и красивым «полуротизмом»? Это какими же бесценными духовными сокровищами переполнены все-все наши души, что нас уже мучит от нашего непомерно высокого культурного уровня и срочно требуется как-то разгрузиться от него путем просмотра эротического боевика на инда сермяжной основе?

Нам часто говорят в укор: «А вот у них...» Сиживали в кинозалах, сиживали! И «Бунюзя» смотрели, и «Последнее танго в Париже», и «Заводного альпийца», и «Сладкую жизнь». Ну и что с того? Ах-ах, оказывается, в наших фильмах герои даже целоваться как следует не умеют! Ну, для этого пусть ВГИК производственную практику, что ли, наладит в целях ликвидации среди части студентов девственного отношения к суровой действительности. А для нецелованных актеров можно даже при Доме кино какие-нибудь краткосрочные курсы учредить.

В рассуждении авторов проскользнуло здоровое неудовлетворение проблемой полового воспитания в средней школе. Хочу высказать давно и неизлечимо наиболее твердое убеждение, что половое воспитание в школе, равно как в детском садике или в вузе, мне напоминает шарлатанство. То же — отделение взятое трудовое воспитание, военно-патриотическое воспитание, семейное воспитание и черта там еще льского придумают! Задам такой, тоже риторический, вопрос: скажите, пожалуйста, нужно ли было, скажем, Андрею Болконскому или той же Наташе Ростовой половое воспитание, трудовое воспитание, военно-патриотическое воспитание, семейное воспитание и черта еще льского? Вы правы, конечно, не нужно. Почему? Потому что все это у них было в достаточной мере и все это дает человеку прививаемая ему с детских лет высокая общая культура, накопленная человечеством за сотни и сотни лет. Следовательно, надо тихо кричать «караул!» по поводу того, что наша школа не дает и не может давать накопленной тысячелетней истории человечества общей культуры. Да и не хочет давать. Вот почему, как сказано в «Простыне...», в одной из школ половое воспитание преподает, опираясь на личный опыт, преподаватель физкультуры. Школа опустилась до уровня массового домашнего воспитания. Девоч-

кам с Пушкинской площади можно почувствовать.

Что же есть носитель вышеупомянутой многовековой культуры человечества? Главным ее хранителем выступают, как известно, литература на правах с искусством. Нынешняя педагогика ей чужда. Не сподобилась она в массе своей иметь высокий культурный уровень. В этом ее серость. В этом ее безнадежность. Будем надеяться на обозримое будущее... Если же вернуться непосредственно к кинематографу, то в идеале своем он счастливо подобрал в себя все виды и жанры литературы и искусства. В идеале. Другое дело, что, вобрав, он не столь щедр в отдаче. Далеко пока не щедр. Так что, полагаю, не до «сексуального жира» нам. Мы не такие богатые, чтобы смотреть фильмы для бедных. И мы вовсе не против здоровой, освященной теми же веками благородной и возвышенной эротики. Мы даже — за! Но всему свое место.

Вит. РЕЗНИКОВ, Москва

этом она деформируется. Пробиваясь через завесу стыда, любое художественное решение приобретает черты эпатижа. Ничего с этим пока не поделаешь.

Следует ли из этого, что я выступаю против эротических элементов в кинофильмах или спектаклях? Ни в коем случае! Хотя боюсь, что их противников окажется больше, чем сторонников. Но в конечном итоге дело даже не в этом. Гораздо хуже, что, пока эротика, секс не станут нормальными, открытыми элементами нашей культуры, любое произведение искусства, даже чуть-чуть приоткрывающее «тайны двоих», как искусство восприниматься не будет.

Сексопатологи утверждают, что в супружеской паре не может испытывать дисгармонии только один партнер — больна пара, лечить можно только обоих. Восприятие публики может делать с произведением искусства чудеса, выворачивать, переиначивать заложенные в нем смыслы, менять их на противоположные. К сексу это относится

ми девками и менять их, как грязные носки, вам уже надо видеть все скотство со стороны и смаковать его! Вы растленные люди, это из-за таких, как вы, хлопочущих о вседозволенности, теперешние девки в 14—15 лет, как животные, случаются где попало, рожают детенышей и выбрасывают их в детдома.

Л. Н. ВАСИЛЬЕВА,
Свердловск

...Приятно удивлен: журнал наглядно показал, что редакция вполне может, если захочет. Между тем у вас немало публикаций, которые не могли ничего дать ни уму, ни сердцу. На этот раз — беспорядный успех. «На белой простыне...» — ни в коей мере не сенсация и не «жареный факт», это совершенно неординарная вещь, прорыв за «линию риска». Отсутствие полового воспитания в каких бы то ни было формах (одна, простите, есть — подворотня) привело нас к печальным результатам: любой эротический эпизод воспринимается лишь в качестве «клубнич-

ся, если в нашем кинематографе если и не лбами, то носами целуются, или два затылка — во весь широкоформатный экран. Значит, так надо. Вот и скачешь с вокзала с женой домой, чтоб наедине «распоясаться»... Да и вообще красота женского тела и красота любви — это вечная красота, и люди всегда будут хотеть и никогда не устанут смотреть на эту красоту. Не будет истинных эталонов, — появятся откровенно порнографические суррогаты, ведь не за такими уж дальними горами возможность у каждого купить видео.

И. ТОЛСТИКОВ,
Красноярск

Требую публикации моего письма! Мне 60 лет. Есть жизненный опыт. Статья ставит вопрос ребром: нужны ли нам в искусстве «постельные» сцены? Нужны! Даже очень. Обидно, всегда плетемся сзади. А так хоть в чем-то обгоним Запад. У нас теперь демократия, духовная и душевная свобода искусства, быть собой разрешается... Для пущей художественной достовер-

ОИ ПРОСТЫНИ...

Мое внимание привлекла статья «На белой простыне экрана». Я бы не назвала это внимание праздным, поскольку мне десятки раз приходилось бывать в аудиториях, чаще всего молодежных, рассказывать о тех проблемах, которым посвящена эта статья. Только рассказы мои не связаны с искусством кино. Просто я читаю лекции по сексологии. Мне кажется, что пятилетний опыт такой работы дал мне некоторое представление о том, к чему готовы, а к чему нет наши молодые люди. Что касается более старших, то и их отношение к этому вопросу неоднозначно. Но скажу сразу, мне ни разу не приходилось слышать: «Секса у нас нет, эти глупости нас не интересуют»...

Я вхожу в первый раз к десятиклассницам, нам предстоит встретиться еще пять раз. Как только они узнали, о чем я буду рассказывать, моментально в глазах появляется интерес, а на щеках — румянец стыда. Потом мы выясним, что многие из них уже имеют сексуальный опыт, но это не имеет никакого значения — **неназванного не существует**. В этом главная проблема. Мы можем что-то делать, но говорить об этом нельзя, может быть, только на ушко лучшей подруге. Поэтому у меня выработаны способы снятия напряжения. Я говорю им о том, что никогда не приходило им в голову: секс — это такая же форма общения, как и любая другая, а дальше о том, почему мы так стыдимся говорить об этом, откуда это происходит. Таким «безобидным» разговорам я обязательно посвящаю всю первую встречу, иначе пробиться через завесу стыда мне не удастся. Как же напоминают мне молодые ведущие программы «Взгляд» моих старшеклассниц! Просто возникает желание и им объяснить: «Не пугайтесь! Нет запретных тем. А эта совсем не такая ужасная, какой кажется».

Конечно же, я рассказываю и о том, почему на Востоке сексуальные сцены могут украшать храмы. Ведь там эротика имеет религиозно-философские основания, а у нас — только запреты. До тех пор, пока не изменится наш взгляд на человеческое тело, не научимся мы видеть красоту в эротике, а будем во всем этом видеть только неприличие, говорить о **художественном воздействии** литературного ли произведения, кинофильма ли не придется. Какие бы глубокие образы ни были заложены режиссером или актером, писателем или художником, публика их не увидит, не прочтет. Конечно, трава пробивается и через асфальт, но боюсь, что при

в большей мере, чем к чему-либо другому, по крайней мере я аналогов не вижу. Только появление сексуальной культуры позволит смотреть спокойными глазами на «ликантные» сцены, не превращая любовь Ромео и Джульетты в «порнуху». Откуда же возьмется эта культура? Прежде всего изменения в поведении, как известно, уже происходят. Люди уже могут делать, но не могут еще говорить об этом даже с собственным партнером, нет языка, нет уверенности в себе, нет знаний...

Принято считать, что молодежь все об этом знает. Увы, это не так. Эти знания так отрывочны, так искажены, так неправильны. Это я выяснила за годы работы четко. Вот если бы телевидение устроило «ликбез», если бы выходила в нужном (то есть колоссальном!) количестве литература, если бы об этом писали газеты, если бы... Но ничего этого нет и пока не предвидится. Курс «Этика и психология семейной жизни» в школе и на экране телевизоров полностью асексуален, даже подчеркнута дилек от этого «неприличия». Такое вот кино!

Что-то нужно делать. Это ясно сегодня многим, но ничего не делается. Кино здесь, к сожалению, помочь не сможет. Нельзя одним телом закрыть двенадцать амбразур, нельзя...

Может быть, журнал «Смена» после этого любопытного, но несколько экзотического материала перейдет к анализу и другим вопросам сексуального воспитания, сексуального поведения? Очень бы этого хотелось.

Л. БОРУСЯК,
кандидат наук

Неуважаемые! Евг. Додолев и Андрей Кучеров! По вашей статье видно, что ваше человеческое мышление настолько деформировалось, что весь смысл вашего бытия замерз на простыне. Если лично вы настолько растленны, что кроме животного начала в вас уже ничего не блещет, зачем вы приравниваете к себе других, да еще молодежь? Я — «потомок» Сталина. В наше время и юношам, и девушкам старались привить правильный и здоровый взгляд на жизнь во всех ее проявлениях. Дети — и мальчишки, и девочки — воспитывались всевыми, жизнерадостными, с чистым сердцем и ласковой душой. Девушки, сохраняющие до замужества чистоту и невинность, скромность, приятнее, чем распущенная, все знающая, все испытывавшая уже девка! Почему вам, растленным и развращенным до мозга костей, мало пользоваться таки-

ми». Не встречал пока тех, кто отказался бы ее, эту «клубничку», посмотреть. Но ругать публично — хороший тон. В том числе и в прессе. В статье между тем убедительно показана разница между тем, что зовется реальной жизнью, и пошлятиной. Увы, для многих два понятия давно слились в одно — «голых баб показывают» или «сплошной секс». И неудивительно, что за границей (мне приходилось бывать в нескольких странах в качестве туриста, а недавно в Югославии — руководителем группы) советские граждане неудержимо рвутся в кинотеатры и, как вы понимаете, стремятся посмотреть «самое-самое». Чаще всего им выпадает третьесортная продукция. Чего удивляться? Идут ведь не по выбору — из каких познаний в мировом кинопрокате выбор сделать? В результате складывается определенное отношение к фильмам такого рода: любопытно, но, в общем, гадость, нам такого не надо. Увидеть же другое — то, что называется искусством в полном смысле слова, дано пока только тем, кто, «ужас превозмогая», исправно посещает закрытые кинопросмотры. Наши чиновники от кино поднатерели в кромсании лент всемирно известных режиссеров — тех же Бергмана, Феллини. Словом, тема затронута неоднозначная. Готовых рецептов нет. Значит, думать надо всем вместе, в том числе и зрителям. Но гложет сомнение: не признают ли выступление журнала «ошибочным»?

В. ТУРОВ,
Ялта

С удовольствием, другого слова не подберу, прочитал первую часть вашей статьи. Буквально за неделю до этого я прочитал книгу Ивана Антоновича Ефремова «Лезвие бритвы». Есть там очень интересные мысли о половой любви. Позволю себе одно место процитировать (стр. 258, М., изд. Правда, 1987 г.): «В Древней Элладе половую любовь считали даром богов, в Индии вознесли до молитвенного служения. А мы, европейцы, унизили ее до похабного дела, о котором слякявые юнцы пишут на стенах общественных уборных, а импотенты стараются представить ее простым инстинктом воспроизведения, равным любому скоту». По моему, лучше сказать очень трудно... Знаете, я до тридцати лет дожил, а пока эту книгу не прочитал, и жил, и любил в потемках. Жену лишней раз поцеловать стеснялся. Вы не замечали, как мы детей своих целуем и на улице, и где бы то ни было? Это считается в порядке вещей. А с женой на вокзале лбами стукнулись и поехали домой. А откуда естественности взять-

ности в искусстве предлагаю снять крупным планом и поподробнее, в деталях не только половой акт, или, как вы называете, «эротика», но и «акт оправки». Иначе зритель может не поверить или не понять, зачем актер(иса) зашел(а) в кабину «00».

Н. С. ХАМЗИН,
г. Резекне,
Латвия

...Что же, авторы статьи предлагают все наше нравственное воспитание поставить с ног на голову? Думаю, что большинство советских людей скажут, что такая «перестройка» в кино нам не нужна. Тем более так неуместны в наших фильмах эротические кадры. И напрасно критиковали в статье фильмы Э. Рязанова, якобы «не всегда удачно в чисто «киношном» аспекте». Его фильмы как раз волнуют чисто по-человечески. А вот кадры с оголенной актрисой Догиловой только подпортили впечатление от фильма «Забывтая мелодия для флейты». Не получают эротические кадры даже у самых талантливых режиссеров, они только опешляют фильм. И не нужно ни кадров, ни тем более фильмов таких в советском кино... В кино или на сцене театра эти натуре «живьем» гнусны, пошлы и унижительны. Вот вы в статье осмеяли застенчивость ведущих программ «Взгляд». Я как мать понимаю смущение ведущих «Взгляда». И напрасно они начали в своей передаче такие эксперименты на всю страну...

Н. П. МАКАРОВА, Пенза

Огромное спасибо за этот материал, тема очень нужная. Спасибо авторам, актрисам, а также самому журналу за публикацию. Не сомневаюсь, что на вашу статью придут и возмущенные письма. Конечно, некоторым людям трудно будет понять, как это вдруг все получилось — все время «это» было нельзя (писать, говорить, показывать), и вдруг все стало можно. Но в этом люди не виноваты, им будет трудно сразу понять, что у человека нет «закрытых» тем, что открытие этих тем нужно если не им самим, то, во всяком случае, подрастающему поколению... А мало видим, потому что долго считали и сейчас считаем, что эротическая тематика советским людям в искусстве не нужна. Потому такие эпизоды не попадали в фильмы, литературу. Доходило до курьеза. Например, один и тот же фильм (иностранный) я смотрел в кинотеатре на юге, во время отпуска, а потом этот же фильм в своем городе.

Фильм оказался зверски вырезанным. Так что не будет ничего странного, если фильмы «Меня зовут Арлекино» и «Маленькая Вера» постигнет такая же участь. Какой-нибудь чиновник, заботясь о целомудрии «провинциальных людей», возьмет ножницы и обкорнает фильмы. А чтобы в кинозалах не было ехидных смешков при виде обнаженного тела, нужно серьезно заниматься сексовоспитанием в первую очередь подрастающего поколения. В первую очередь этим должна заниматься школа. По-моему, в школе, в программе обучения, должен появиться чисто медицинский предмет независимо от «Этики и психологии семейной жизни». Вести этот предмет (сексология или какое другое название будет) должен высококвалифицированный врач. Начинать обучение должно с 8-го класса, чтобы при получении диплома об окончании школы или ПТУ молодые парни и девушки знали хотя бы наполовину то, что знает врач-сексолог. Чтобы им не пришлось получать знания (часто извращенные) от своих более опытных товарищей и подруг. Чтобы в семейной жизни (особенно в ее начале) они не «ломали» себе голову над тем, как, сколько и в каких вариациях заниматься «ночной любовью». Нужно, чтобы на телеэкранах показывались медицинские фильмы (например, в передаче «Здоровье» или в какой другой). Но нужны фильмы грамотные, а не извращенная пошлость... Надеюсь, что серия публикаций в вашем журнале будет продолжена. Хочется услышать мнения-интервью различных работников искусства: режиссеров, артистов театра и кино, писателей, а также педагогов, врачей. Хотелось бы также услышать мнение тех людей, от которых зависит развитие этой темы в той или иной области.

А. ГОРОДИЛОВ,
Кировская обл.,
г. Слободской

Я женат, у меня растет ребенок. Но жена моя холодна в половых отношениях. И сделать что-либо я бессилён. Бессилён оттого, что в то время, когда это нужно было, мы не знали о самом интимном практически ничего, что должны были знать к моменту наших половых связей. Мне до армии удалось прочесть книгу «Молодым супругам», я знал что-то, но не все, а она не знала ничего. Это кажется невероятным, но это так. Она, моя жена, до сих пор остается в неведении, как же это должно происходить. И на этой почве мы ходим на грани развода. До каких пор будем ходить, не знаю, а ведь у нас есть ребенок, уже все понимающий и веселый. И сколько из-за неведения сторон секса распадается семей? Уверен, много! Живем понаслышке, порой наслушавшись и того, чего не надо. А вы расскажите, чтоб не страдали дети, не рушились семьи. Не было чтоб отчаяния, разочарования... Печатайте о самом интимном, ведь вы — молодежный журнал. Меньше будет разводов, люди обретут уверенность в себе. Снимите завесу. Особое слово хочется сказать о противниках в этом вопросе. Я знаю много фронтовиков и людей военной поры. Так вот, они рассказывали мне, какой разврат был во время войны и после нее, когда мужчин не хватало. Слышал я это не от негодяев, а от людей, прошедших пекло войны, голод и разруху. А таких осталось немного. Так пусть те, кто пишет вам о том, что надо запретить, искоренить, вспомнят себя в молодости. Извините, если что не так написал, писал о наблюдавшем.

Мне 30 лет,
зовут **ВИКТОР,**
г. Киров

Слова Аллы Плоткиной: «Как для наследников сталинской культуры резко что-то открыть?» — считаю, что им, молодым, в том числе и Алле Плоткиной, не дано судить о культуре нашего сталинского поколения. Да, у нас не было таких «культурных» фильмов, как «Выйти замуж за капитана», или просто

гносного фильма «Виктория». Фильмы нашего поколения были другими, как теперь говорят, наивными, неправдоподобными, вроде бы сказочными. Может быть, это и так... Мы пеклись о моральном климате, как вы изволите выражаться, поэтому в наше время не было СПИДа и наркоманов, алкоголиков и столько проституток.

Л. Б. ЕМЕЛЬЯНОВА,
Курск

Авторам известно, что нравы и обычаи различных народов столь многообразны. В Бирме построен храм, украшенный половыми членами, в Африке совершаются половые акты всенародно, в сопровождении роковой музыки, на Севере живут народности, где муж обижается, если гость не переспит с его женой, в Скандинавии считается нормальной откровенная порнография, на Западе процветают эротические и сексофильмы и т. д. и т. п. Скажите, разве это является основанием для того, чтобы и у нас это было? Какую реакцию ожидают авторы среди народностей Средней Азии и Закавказья, если они опасаются даже за реакцию в Европейской части Союза?.. Чьи интересы представляют Додолев и Кучеров, мне понятно, да и вообще эти «измыслы» того же плана, что и «исторические памятники» — оплот реакции и русского шовинизма.

Ю. И. ВОРОНОВ,
49 лет, член КПСС с 1963 года,
женат, есть внуки, г. Реутов
Моск. обл.

Прошу вас, найдите способ исправить ошибку и показать правильное написание слова «секс-апильность». К сожалению, не одни вы пишете «сексОпильность», а ведь это не «пилить секс», а сахарреал — секс-привлекательность, секс-призыв. А между тем и «Советская культура» писала так же.

Подпись неразборчива,
Москва

Наконец-то появилась умная статья на эту тему. Может, хоть она сдвинет с мертвой точки наш кинематограф. Как уже надоели эти скучные, серые производственные фильмы, удовлетворяющие строгих мужей и целомудренных дев.

В. П. ФЕДОРЕЦ, инженер,
51 год, Запорожье

...Вы поспешили. Значительной части населения нашей страны, воспитанной на сплошных запретах, это не понравится. Перенимайте опыт у молодежного журнала из ГДР «Нойес лебен», который уделяет много внимания вопросам полового воспитания и часто даже печатает фотографии обнаженных юношей и девушек, но соблюдает при этом чувство меры.

А. Д. МЕДВЕДЕВ,
инженер, 46 лет,
женат, трое детей,
Тирасполь

Мне 19 лет, учусь в МТИ. Наверное, я стану именно тем поколением, которое будет «перерабатывать» открытие клапана», но я согласна. Мне кажется, что у моих сверстников этот процесс пройдет довольно легко. А вот наши родители (не имею в виду своих), бабушки и дедушки не поймут. Но мы поможем нашему кинематографу! Мы поддержим!

А. ИВАНЦОВА,
Москва

Уверен, что необходимо поднять возрастную цензу до 21—23 лет для просмотра взрослых фильмов. Как бы ни противились кинопрокатчики. Что же касается взрослой публики, то здесь я не вижу нужды в строгих ограничениях. Думаю, что допустимо и даже полезно издание специального журнала для супругов, всесторонне охватывающего проблемы брака и семьи, в том числе и секса, эротики...

А. РУДАКОВ,
Москва

СМЕНА '88

ЧИТАЙТЕ В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

Нет — это не дом.
Очерк
о детском
приемнике-
распределителе.

Километры в огне.
Фотоочерк
о лесных пожарных.

Почему
отложили
эксперимент
в НПО
«Измеритель».

«Улитка на склоне».
Фантастическая
повесть
братьев
Стругацких.

Уважаемые товарищи!
В течение года
вы можете выписать
журнал в любом
почтовом отделении,
в агентстве
«Союзпечати»
до 1-го числа
предподписного
месяца.
В розницу «Смена»
поступает
в ограниченном
количестве.

ШАХМАТЫ

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ИТОГИ 29-й ОЛИМПИАДЫ

В 29-й шахматной олимпиаде «Смены» приняло участие около шести тысяч любителей шахмат нашей страны и братских социалистических стран. Вместе с ответами на задания участники олимпиады прислали свои отзывы, пожелания на будущее, в том числе и ряд критических замечаний. Мы благодарим всех за интересные предложения и полезные советы, которые мы по мере возможности учитываем в своей работе.

Анализ читательских писем показывает, как заметно повысилось мастерство наших шахматных решателей. Около двухсот участников олимпиады успешно справились со всеми заданиями. Более двухсот решателей допустили лишь незначительные погрешности в своих ответах. Однако победителями нашего заочного соревнования жюри признало только тридцать участников. Так во втором задании 12-го тура обнаружилось сразу два побочных решения. Дополнительных баллов указание этих побочных решений не давало, но было учтено при определении сильнейших.

Более семисот участников олимпиады смогли впервые выполнить разрядные нормативы либо повысить свои спортивные разряды по шахматам. Просим тех, кому требуется справка о выполнении разряда, написать в редакцию журнала (в письме следует указать имеющийся разряд по шахматам и год его выполнения).

Победителями 29-й шахматной олимпиады стали: металлург В. Алексеев (Свердловск), инженеры И. Блинов (г. Жданов), Д. Красиков (Ростов-на-Дону), Н. Максимов (г. Мончегорск), В. Мельник (Киев), В. Стеч (г. Краматорск), О. Сухов (г. Чирчик Ташкентской обл.), В. Сорокин (Пензенская обл.), А. Тарасов (г. Реутов Московской обл.), Ю. Харченко (г. Синельниково Днепропетровской обл.), С. Борисов (г. Мирный Архангельской обл.), врач В. Бурмистров (Кемерово), научные работники В. Гуров (пос. Краснообск Новосибирской обл.), А. Хандурин (Харьков), мастер судовой верфи В. Гусев (Мурманск), экономист А. Голомедов (Воронеж), служащий Л. Кравцов (Николаев), ветераны труда И. Кваша (г. Новочеркасск), П. Комаров (Рязань), О. Лукачев (Архангельск), супруги М. и В. Разумевы (Запорожье), М. Старобинец (Горький), водитель автопогрузчика В. Петрич (Ростовская обл.), учитель В. Осовской (г. Тотма Вологодской обл.), слесари И. Потапов (Одесса) и В. Соловьев (г. Коломна Московской обл.), токарь Е. Сергеев (Псков), монтажник А. Складневский (Харьков), строитель А. Трухинов (г. Дубна Московской обл.), бухгалтер А. Щекин (г. Вельск Архангельской обл.).

Всем победителям будут вручены дипломы «Смены» и книжные призы.

Редакция журнала поздравляет победителей и желает им новых успехов в наших будущих соревнованиях!

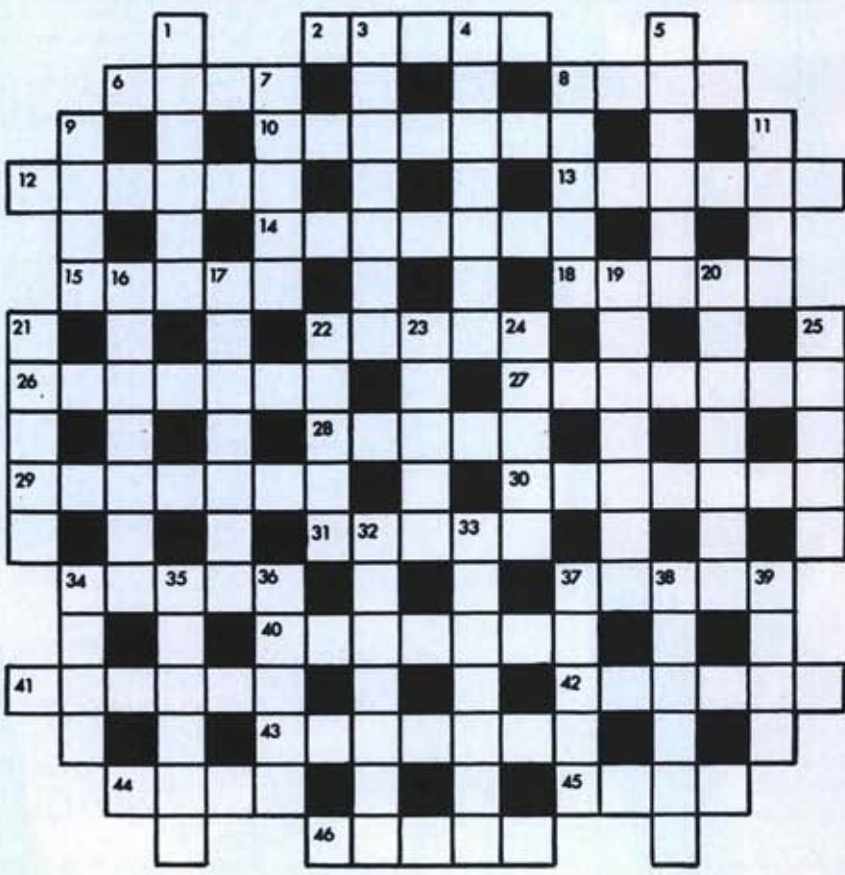
Решения заданий 29-й шахматной олимпиады

- I тур**
1. В. Чепижный, 1987. Мат в 2 хода. 1. Св8! (1 балл).
2. В. Чепижный, 1987. Мат в 3 хода. 1. Ле8! Кf6 2. с7 Крb7(К:е8) 3. с8Фх (2 балла).
II тур
1. К. Ханнеман, 1928. Мат в 2 хода. 1. Кd6! (1 балл).
2. Э. Босвел, 1929. Мат в 2 хода. 1. Фa8! (1 балл).
3. К. Маковский, 1981. Мат в 2 хода. 1. Фb8! (1 балл).
III тур
1. Я. Гартонг, 1947. Мат в 2 хода. 1. Фf3! (1 балл).
2. Х. ван Дюбен, 1933. Мат в 3 хода. 1. Лh6! Крe4 2. Крg6 Крf4 3. Лh4x, 1...Кр:f5 2. Фe1 Крf4 3. Лf6x (2 балла).
3. Е. Целлер, 1937. Мат в 4 хода. 1. Лc1 Сс7 2. Лg1 Сg3 3. Лg2!; 1. Лg1? Сg7 2. Лc1 Сс3 3. Лc2 Ca5! (2 балла).
IV тур
1. Д. Огюст, 1921. Мат в 3 хода. 1. Лc1! d4 2. Сс5 Крe3 3. Лc3x, 1...Крd4 2. Сg7+ Крd3

3. Лс3х, 1...Кре3 2. Лс3+ Крд4 3. Сг7х (2 балла).
 2. И. Котц и К. Коккелькорн, 1903. 1. Ch1! g2 2. Кр:g2 (2 балла).
 3. В. Голубенко, 1977. Мат в 3 хода. 1. Фа1! Лг3 2. Сf2!, 1...Крг3 2. Фе1+ (3 балла).
V тур
 1. П. Васильчиков, 1950. Мат в 3 хода. 1. Ch2! Крг4 2. Фг3+, 1...g4 2. Сг3! (2 балла).
 2. Э. Монтвид, 1901. Мат в 3 хода. 1. Фс8 ~ 2.' Фд7! (2 балла).
 3. В. де Барбьери, 1902. Мат в 4 хода. 1. g4 Крд4 2. Крд6 Кре4 3. Крс5 Кре5 4. Ле3х (3 балла).
VI тур
 1. С. Пушкин, 1970. Мат в 3 хода. 1. Ка7! b4 2. Кс6 b3 3. Фа1х, 1...Кра4 2. Фb2 b4 3. Фа2х, 1. Кd6? b4!, 1. Ке7? Кра4! (3 балла).
 2. Г. Заходякин, 1964. Мат в 3 хода. 1. Лb1! Кd6 2. Фb2+, 1...d6 2. Лb7! (3 балла).
 3. Г. Заходякин, 1963. Мат в 4 хода. 1. Лf4! Кb5 2. Фh1+ Лh2 3. Фе4, 1...Кb1 2. Лf5 ~ 3. Лh5+ (4 балла).
VII тур
 1. А. Кузнецов и А. Попандопуло, 1957. Мат в 3 хода. 1. Фb1! Сс1 2. Се3, 1...Се1 2. Сf2 (2 балла).
 2. Л. Куббель, 1933. Мат в 3 хода. 1. Ке1 Крf1 2. Фс2, 1...Крf2 2. Фh3, 1...Крh2 2. Фg4 (3 балла).
 3. В. Голубенко, 1974. Мат в 4 хода. 1. Кра2! Кс1+ 2. Крb2 Кd3+ 3. Кра3, 1...Крb4 2. Лd5! Кс1+ 3. Ф:c1 (4 балла).
VIII тур
 1. С. Крючков, 1926. Мат в 3 хода. 1. Се3 e6 2. Фd4+ Крд5 3. Фd4х, 1...Крf6 2. Лf8+ Крг6 3. Фf7х, 1...Крд6 2. Сd4 d5 3. Сс5х (3 балла).
 2. Е. Цеплер, 1958. Мат в 4 хода. 1. Фg3! Крh5 2. Ке6 Кf3 3. Кf4+, 1. Ке6? Кg6! (3 балла).
 3. В. де Барбьери, 1903. Мат в 5 ходов. 1. Кf1 Кре5 2. К1e3 Крд4 3. Кg2 Кре5 4. Кh4 Крд4 5. Кf3х (4 балла).
IX тур
 1. К. Фабель, 1934. Мат в 3 хода. 1. Лd7! Лd3 2. Лd4! (2 балла).
 2. И. Брейер, 1950. Мат в 4 хода. 1. Лh8! С:h8 2. b8! Cb2+ 3. Л:b2 (3 балла).
 3. С. Лойд, 1903. Мат в 4 хода. 1. Кb6! ab 2. Сс4 b5 3. Сb3 b4 4. Сс1х, 1...a5 2. Са4 Кра2 3. Сb3+ Кра3 4. Кс4х (4 балла).
X тур
 1. О. Корнеев, 1986. Мат в 3 хода. 1. Се3! fe 2. Се2, 1...f3 2. С:g5, 1...Кf3 2. Се4 (2 балла).
 2. Э. Погосянц, 1977. Мат в 3 хода. 1. 0—0! Кре3 2. g8! Крс4 3. Лс8х (2 балла).
 3. А. Мосинашвили, 1973. Мат в 3 хода. 1. Фg8 Крд7 2. Фе6+! Кр:e6 3. Кс5х, 1...Крb5 2. Фс4+! Кр:c4 3. Кd6х, 1...Крb7 2. Ф:d8 Кра8 3. Фd5х (2 балла).
XI тур
 1. В. Гольцгаузен, 1905. Мат в 3 хода. 1. Лb4! ab 2. Крс6, 1...h2 2. Крс6, 1...a4 2. Лa1 (2 балла).
 2. Д. Кумпе, 1921. Мат в 3 хода. 1. Фg8! ~ 2. Фс4 и 3. Кf2х, 1...f2 2. Фb3+ Кре2 3. Кg3х, 1...Кре2 2. Фс4+ Кре3 3. Сd2х (3 балла).
 3. Е. Поздняк, 1985. Выигрыш. 1. Лb4+! Л:b4 2. Крс3 Лb5 3. Крд4 Лb4+ 4. Крд3 Лb3+ 5. Крд2 (5. Кре2? Лb5! 6. с8Ф Лс5+ 7. Фс5 — пат) 5...Лb2+ 6. Крс1 (3 балла).
XII тур
 1. И. Бурбах, 1948. Мат в 2 хода. 1. Крf6! (1 балл).
 2. М. Хавель, 1920. Мат в 4 хода. Авторское решение: 1. Лgg7! Кре4 2. Лbd7 Кре5 3. Кс5, 1...Крд4 2. Лge7 Крс4 3. Кf4. Побочные решения: 1. Лb6 Крf5 2. Лb6 Крf5 3. Кс3; 1. Лd7 Крf5 2. Лg3 Кре4 3. Кс5+, 1...Кре6 2. Кс5+ Крf5 3. Лg1 (3 балла).
 3. В. Шлекман, 1958. Мат в 4 хода. 1. Се1! С ~ 2. Сс3! С:c3 3. Фf3+ Ch7 4. Ф:c3х (3 балла).
XIII тур
 1. Я. Бетиньш, 1907. Выигрыш. 1. Фе3 f4 2. Фf2 d1Ф 3. Крс3!, 1. Крс3? d1K+! (2 балла).
 2. Х. Люке, 1956. Мат в 4 хода. 1. Фh7! Крb1 2. Ch8! Крс1 3. Фg7 Крb1 4. Фа1х (3 балла).
 3. Я. Бетиньш, 1893. Ничья. 1. Кра6 Крс8 2. Кра7 Се3 3. Кра8 С:b6 4. Сb3 cb — пат. 3...Сf4 4. Се2 и 5. С:f5 (3 балла).
XIV тур
 1. П. Фараго, 1937. Выигрыш. 1. Кра4 b3 2. Кр:b3 a4+ 3. Кра3! h3 4. g6 h2 5. g7 Крг2 6. g8Ф+ Крf1 7. Фd5 Крг1 8. Фg5+ Крf1 9. Фh4 Крг2 10. Фg4+ Крf1 11. Фh3 Крг1 12. Фg3+ Крh1 13. Крb4! a3 14. Фf2 a2 15. Фf1х (2 балла).
 2. П. Фараго, 1927. Выигрыш. 1. a7 h3 2. b7 К:b7 3. Крb8! h2 4. a8Ф Крг1 5. Фа1+ Крг2 6. Фb2+ Крг1 7. Фb1+ Крг2 8. Фе4+ Крг1 9. Фg4+ Крf2 10. Фh3 Крг1 11. Фg3+ Крh1 12. Фf2; 2... Кd7 3. b8Ф К:b8 4. Крb7! h2 5. a8Ф Кd7 6. Крс7+ (6. Фg8? Кс5+ и 7...Кe4) 6...Крг1 7. Фа1+ (3 балла).
 3. П. Фараго, 1924. Выигрыш. 1. g7+! (1. gf7 Кр:f7 2. Крд3 Кре7!) 1...Кр:g7 2. Кр:d4 Крf8! 3. e6! fe (3...Кре7 4. ef Кр:f7 5. Крд5; 3...f6 4. Крс5 Кре7 5. Крд5 Кре8 6. Крд6 Крд7 7. e7+ Кре8 8. Кре6 f5 9. Кр:f5 Крf7 10. e8Ф+ Кре8 11. Кре6) 4. e5! (4. Крс5? e5! 5. Крд5 Крf7 6. Кр:e5 Кре7, с ничьей) 4...Кре7 5. Крс5 Крд7 6. Крb6 Крд8 7. Крс6 Кре8 8. Крд6 Крf7 9. Крд7 Крf8 10. Кре6, и выигрывают. 4...Крf7 5. Крс5 Крг6 6. Крс6! Крг5 7. Крд7 Крf5 8. Крд6, и выигрывают (3 балла).

КРОССВОРД

Составил победитель конкурса кроссвордистов-88 В. ЛЕБЕДЕВ, Казань

По горизонтали:

2. Калипсо (первая обладательница имени). 6. «Магическое слово, тысячелетняя игра, танец со слезами и смехом, игра рук и ног, превращающаяся в высокое искусство» (Марк Шагал). 8. Транспортное средство кузнеца Вакулы при полете в Петербург (Н. Гоголь. «Ночь перед Рождеством»). 10. «... Севастополя» — знаменитая панорама Ф. Рубо. 12. Волосистой покров барсук. 13. Сказочный зверь, в этом году впервые живущий рядом с нами. 14. Машина Петруши, героя знаменитой песни. 15. Новый язык, созданный французским лингвистом Жозлем Ландэ. 18. Среднеазиатская степная ящерица, ловко хватаящая клейким языком муравьев. 22. Символ мира мечты, здание из слоновой кости, «построенное» Шарлем Сент-Бёвом. 26. Гриб, который в некоторых местах, например, в Карпатах, бывает червивым. 27. «... Тот певец, неведомый, но милый, добыча ревности глухой» (М. Лермонтов. «Смерть поэта»). 28. «Младшая сестра» анекдота. 29. Ударный инструмент. 30. Исконно русское название ларуса. 31. Существо, живущее не менее суток, прежде чем раздвоиться. 34. Инвентарь для отдыха, изобретенный индейцами Южной Америки. 37. Овощ, богатый каротином, солями железа и фосфора. 40. Всякая книга, сохранившаяся лишь в нескольких экземплярах. 41. Синичка, способная выдолбить себе дупло. 42. Начало прыжка с шестом. 43. Свадьба — серебро, стрелка — ..., шкапулка — малахит. 44. Полный беспорядок. 45. Самый бесправный при домострое человек в семье. 46. Римский поэт и драматург, создавший латинский гекзаметр.

По вертикали:

1. Река, на которой стоит Павия. 3. Линия на карте, соединяющая одинаковые глубины моря. 4. Треугольная плоскость как завершение фасада здания. 5. Курорт в Латвии. На его территории — музей-дача Я. Райниса. 7. Южноамериканский енот, пользующийся хвостом при кормежке на земле как средством сигнализации. 8. Самое наглядное приобретение иранок с приходом к власти аятоллы Хомейни. 9. Домашний скот, на котором в Индии порой ездят верхом. 11. Дефицит в пустыне. 16. Название опер А. Даргомыжского и А. Дворжака. 17. Восковая крышечка на соте с медом. 19. Зверек, которого в Древнем Египте приручали для борьбы с крысами. Сейчас он встречается в домах берберов. 20. Многоножка, любящая сырость. 21. Семья, род, ... 22. Умный человек. 23. Главное занятие портного. 24. Машинист паровоза, на котором в 1917 году В. И. Ленин дважды пересек финляндскую границу. 25. Приток Северна в Англии. 32. Сафьян, названный по стране в Северной Африке. 33. Спортивная обувь. 34. Птица, с которой не сравнится ни одна другая по уничтожению хрущей, чернотелок и шелкунов. 35. Лейтенант Павликов, ... Росцокский, капитан первого ранга Юнг (А. Новиков-Прибой. «Цусима»). 36. Римский военачальник, применявший в войне со Спартаксом наказание децимацией — казнь каждого десятого. 37. Пограничник, часовой. 38. Призыв, лаконично выражающий задачу, идею, требование дня. 39. Американец — наборщик, лоцман, писатель, чей псевдоним значит «двойная отметка».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 9

По горизонтали:

1. ...шофер... 4. Щиток. 7. Острог. 8. Карась. 10. Уха. 13. Трикотаж. 15. Ботаника. 17. ...Целебес... 18. Людвиг. 20. Пирог. 21. Крачковская. 22. Мако. 24. Этна. 25. Сабажо. 26. Тендер. 27. Зонт. 30. Гойс. 33. Архитектура. 35. Токарь. 36. Инфант. 37. ...Доронин... 39. Кельсиев. 40. Калибара. 41. Жим. 43. Варяги. 44. Яначек. 45. Хвала. 46. Осока.

По вертикали:

1. Шестовик. 2. Форзац. 3. Рагу. 4. Щука. 5. Термос. 6. Кассация. 9. Акведук. 11. Хлебок. 12. Виконт. 13. Телом. 14. Жемчужников. 15. Бессмертник. 16. Агама. 19. Грабарь. 20. Пандури. 23. Ост. 24. Эрг. 27. Затек. 28. Никель. 29. Чероки. 31. Юкатан. 32. Сетка. 33. Аристарх. 34. Антитеза. 37. Деряба. 38. Начало. 41. Жига. 42. Мясо.

ПОПРАВКА

Во втором задании шестого тура допущена опечатка: белый король должен находиться на поле h3. Ответы на это задание можно присылать вместе с ответами последнего тура.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 10 (1464)
май 1988

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:
Сергей БАБКИН
 (заместитель главного редактора)
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
 (заместитель главного редактора)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Александр КУЛешов
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
 (главный художник)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Художник
Владимир ЗАЙЦЕВ
 Технический редактор
Марина БАЙКОВА

101457, ГСП, Москва,
 Бумажный проезд, 14

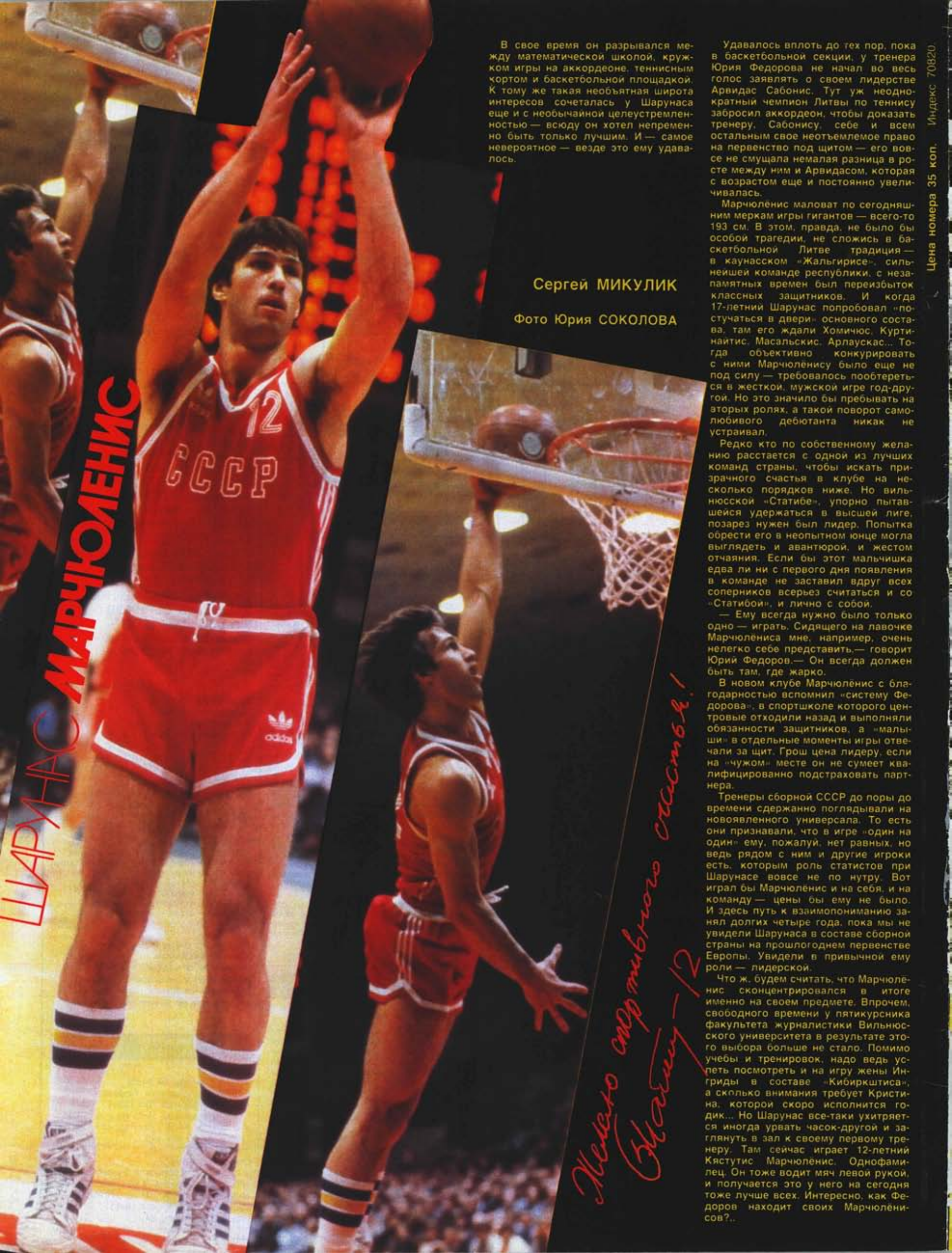

212-15-07 — для справок. Отделы:
 212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
 212-21-38 — коммунистического воспитания,
 212-23-79 — фотоочерка,
 212-21-38 — военно-спортивный,
 251-32-84 — международной жизни,
 251-04-10 — литературы и искусства,
 212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.
Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда», «Смена», 1988 г.

Сдано в набор 04.04.88.
 Подписано к печати 14.04.88.
 А 10342. Формат 70×108/8.
 Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
 Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
 Тираж 2 000 000 экз.
 Заказ № 2252.
 Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ШАРУНАС МАРЧЮЛЕНИС

В свое время он разрывался между математической школой, кружком игры на аккордеоне, теннисным кортом и баскетбольной площадкой. К тому же такая необъятная широта интересов сочеталась у Шарунаса еще и с необычайной целеустремленностью — всюду он хотел непременно быть только лучшим. И — самое невероятное — везде это ему удавалось.

Сергей МИКУЛИК

Фото Юрия СОКОЛОВА

Удавалось вплоть до тех пор, пока в баскетбольной секции, у тренера Юрия Федорова не начал во весь голос заявлять о своем лидерстве Арвидас Сабонис. Тут уж неоднократно чемпион Литвы по теннису забросил аккордеон, чтобы доказать тренеру, Сабонису, себе и всем остальным свое неотъемлемое право на первенство под щитом — его вовсе не смущала немалая разница в росте между ним и Арвидасом, которая с возрастом еще и постоянно увеличивалась.

Марчюленис маловат по сегодняшним меркам игры гигантов — всего-то 193 см. В этом, правда, не было бы особой трагедии, не сложились в баскетбольной Литве традиции — в каунасском «Жальгирисе», сильнейшей команде республики, с незапамятных времен был переизбыток классных защитников. И когда 17-летний Шарунас попробовал «постучаться в двери» основного состава, там его ждали Хомичюс, Куртинайтис, Масальскис, Арлаускас... Тогда объективно конкурировать с ними Марчюленису было еще не под силу — требовалось пообтереться в жесткой, мужской игре год-другой. Но это значило бы пребывать на вторых ролях, а такой поворот самолюбивого дебютанта никак не устраивал.

Редко кто по собственному желанию расстается с одной из лучших команд страны, чтобы искать призрачного счастья в клубе на несколько порядков ниже. Но вильнюсской «Стативе», упорно пытавшейся удержаться в высшей лиге, позарез нужен был лидер. Попытка обрести его в неопытном юнце могла выглядеть и авантюрой, и жестом отчаяния. Если бы этот мальчишка едва ли ни с первого дня появления в команде не заставил вдруг всех соперников всерьез считаться и со «Стативой», и лично с собой.

— Ему всегда нужно было только одно — играть. Сидящего на лавочке Марчюлениса мне, например, очень нелегко себе представить, — говорит Юрий Федоров. — Он всегда должен быть там, где жарко.

В новом клубе Марчюленис с благодарностью вспомнил «систему Федорова», в спортшколе которого центровые отходили назад и выполняли обязанности защитников, а «малыши» в отдельные моменты игры отвечали за щит. Грош цена лидеру, если на «чужом» месте он не сумеет квалифицированно подстраховать партнера.

Тренеры сборной СССР до поры до времени сдержанно поглядывали на новоявленного универсала. То есть они признавали, что в игре «один на один» ему, пожалуй, нет равных, но ведь рядом с ним и другие игроки есть, которым роль статистов при Шарунасе вовсе не по нутру. Вот играл бы Марчюленис и на себя, и на команду — цены бы ему не было. И здесь путь к взаимопониманию занял долгих четыре года, пока мы не увидели Шарунаса в составе сборной страны на прошлогоднем первенстве Европы. Увидели в привычной ему роли — лидерской.

Что ж, будем считать, что Марчюленис сконцентрировался в итоге именно на своем предмете. Впрочем, свободного времени у пятикурсника факультета журналистики Вильнюсского университета в результате этого выбора больше не стало. Помимо учебы и тренировок, надо ведь успеть посмотреть и на игру жены Ингриды в составе «Кибиркштиса», а сколько внимания требует Кристина, которой скоро исполнится годик... Но Шарунас все-таки ухитряется иногда урвать часок-другой и заглянуть в зал к своему первому тренеру. Там сейчас играет 12-летний Кястутис Марчюленис. Однофамилец. Он тоже водит мяч левой рукой, и получается это у него на сегодня тоже лучше всех. Интересно, как Федоров находит своих Марчюленисов?..

*Желает спортивного счастья!
Благодарю — 12*